

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2018. № 1

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, И. М. Бусыгина, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Акаха Тсунео, д.ф.н., профессор, директор Центра Восточно-азиатских исследований, Институт международных исследований (Монтерей, США)

Бусыгина Ирина Марковна, д.п.н., профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ.

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада).

Малинова Ольга Юрьевна, д.ф.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Морозова Елена Васильевна, д.ф.н., профессор, Кубанский государственный университет.

Мацузато Кимитака, д.ю.н., профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония).

Подвинцев Олег Борисович, д.п.н., профессор, Институт философии и права УрО РАН.

Рахшмир Павел Юхимович, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Росс Камерон, д.ф.н., Университет Данди (Великобритания).

Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания).

Сморгунов Леонид Владимирович, д.ф.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Редактор – составитель номера П. В. Панов

© Редакционная коллегия, 2018

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Сулимов К. А.</i> Системы консультативно-совещательных органов в современной России как институциональные условия со-управления: между унификацией и разнообразием	5
<i>Мироведникова А. В.</i> Качество электоральных процессов и явка: анализ региональных и думских выборов 2015–2016 гг. в России	24
<i>Крикунов П. Г., Шкель С. Н.</i> Протестная активность населения Республики Башкортостан в сравнительной перспективе	39
<i>Соколовский К. Г.</i> «Традиционные» и «нетрадиционные» религии: вопросы позиционирования в системе государственно-конфессиональных отношений Республики Казахстан	55
<i>Венедиктов С. В.</i> Эффективность, открытость, множественность: медийная устойчивость стран Евразийского экономического союза	65

Политика памяти

<i>Малинова О. Ю.</i> Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России).....	75
<i>Плотников Д. С.</i> Изменение «политики памяти» в государствах-союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года	92
<i>Васильковский С. А.</i> ЕГЭ по истории как инструмент формирования репертуара актуализированного прошлого	108
<i>Окунев И. Ю., Еряшев Н. И.</i> Исторический нарратив столичности и формирование городской идентичности жителей Самары	122

Мировая политика

<i>Шибанова Н. А., Пеньковцев Р. В.</i> Конкуренция или сотрудничество: двойственный характер экономических отношений США и КНР в условиях глобализации	132
<i>Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В.</i> Становление и развитие парадипломатической деятельности Свердловской области (с 1991 года по настоящее время)	141
<i>Назарова А. К.</i> Проблемы координации внешнеэкономических стратегий государств ЕАЭС при взаимодействии с Китайской Народной Республикой	158
К сведению авторов	170

Review of Political Science

Review of Political Science is a peer-reviewed academic journal publishing original research in all subfields of political science: Russian politics, comparative politics, political theory, political sociology, world politics and international relations, public policy and decision-making.

The main aim of the journal is to provide a forum for scholars to share and discuss the results of their work.

Review of Political Science is included in the list of the leading academic journals that are recommended by High Certification Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russian Federation.

Review of Political Science, founded in 2007, is published quarterly by Political Science Department of Perm State University, Russia.

After publishing, full-text versions of the issues are available on the website of the journal as well as on the website of electronic library – elibrary.ru.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Irina M. Busygina – Doctor of Political Sciences, Professor, MGIMO University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at St. Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Corresponding Member of RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Applied Political Science, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Akaha Tsuneo (Monterey Institute of International Studies, USA), **Busygina Irina** (MGIMO University, Russia), **Bouchard Michel** (University of Northern British Columbia, Canada), **Malinova Olga** (INION of Russian Academy of Science, Russia), **Matsuzato Kimitaka** (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan), **Morozova Elena** (Krasnodar University, Russia), **Podvintsev Oleg** (Perm Center of Russian Academy of Science, Russia), **Rakhshmir Pavel** (Perm State University, Russia), **Ross Cameron** (Dundee University, United Kingdom), **Sakwa Richard** (Kent University, United Kingdom), **Smorgunov Leonid** (Sankt-Petersburg University, Russia), **Fadeeva Lyubov** (Perm State University, Russia)

CONTENT

<i>Sulimov K. A.</i> Systems of consultative and advisory bodies in contemporary Russia as institutional conditions for co-governance: between unification and diversity	5
<i>Mirovednikova A. V.</i> Quality of electoral processes and voter turnout: analysis of 2015–2016 regional and Duma elections in Russia	24
<i>Krikunov P. G., Shkel S. N.</i> Protest activities of the population of Bashkortostan in comparative perspective	39
<i>Sokolovskiy K. G.</i> «Traditional» and «Non-traditional» religious: positioning in the system of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan	55
<i>Venidiktov S. V.</i> Efficiency, openness, multiplicity: media sustainability of the Eurasian Economic Union	65

Memory Policy

<i>Malinova O. Yu.</i> Strategic culture and frames of collective memory (the case of Post-Soviet Russia)	75
<i>Plotnikov D. S.</i> Changes in «politics of memory» of the Post-Soviet Russia's allies after 2014	92
<i>Vasilkovsky S. A.</i> History state exam as a tool for forming the repertoire of the usable past	108
<i>Okunev I. Yu., Eryashev N. I.</i> Historical narrative of “Capitalness” and the formation of Samara residents’ identity	122

World Politics

<i>Shibanova N. A., Penkovtsev R. V.</i> Competition or cooperation: the dual nature of economic relations between the USA and China in the context of globalization	132
<i>Mikhailenko E. B., Verbitskaya T. V.</i> Formation and development of the paradiplomatic activity of the Sverdlovsk region (1991 – present time)	141
<i>Nazarova A. K.</i> Problems of coordinating external economic strategies of the EAES states in interaction with China	158
Information for the authors	171

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-5-23

**СИСТЕМЫ КОНСУЛЬТАТИВНО-СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СОУПРАВЛЕНИЯ:
МЕЖДУ УНИФИКАЦИЕЙ И РАЗНООБРАЗИЕМ¹**

К. А. Сулимов²

В современной России можно наблюдать весьма разнообразную и чрезвычайно многочисленную совокупность консультативно-совещательных органов (КСО) с участием представителей общества, прямо или косвенно аффилированных с органами власти и другими организациями, выполняющими публичные функции. Они являются объектом особого внимания со стороны академического и экспертного сообщества, но также и государства. Последнее проводит унифицирующую политику, фактически направленную на повышение субъектности КСО. Но государственная политика имеет избирательный характер, то есть касается только отдельных сегментов всей совокупности КСО, и это оказывает на них структурирующее влияние. В статье обосновывается тезис о том, что ключевым условием обеспечения продуктивности КСО является реализованная субъектность заинтересованных участников взаимодействия. В каком модусе она развивается (может развиваться), показано на примере КСО по межнациональным отношениям в субъектах РФ.

Ключевые слова: консультативно-совещательные органы; общественные советы; соуправление; публичное управление; субъектность; механизм взаимодействия.

К настоящему времени в России относительно сложились несколько если не систем в строгом смысле этого слова, то сегментов обширной совокупности консультативно-совещательных органов (далее – КСО). Пожалуй, наиболее заметны общественные палаты (федеральные, региональные, муниципальные).

¹ Исследование проводится в рамках научно-исследовательского проекта «Консультативно-совещательные органы в контексте реализации государственной национальной политики в современной России: региональные модели и практики» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-03-00121.

² Сулимов Константин Андреевич – кандидат политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: ksulimov@yandex.ru.

© Сулимов К.А., 2018

ципальные) и общественные советы при органах исполнительной власти (далее – ОИВ) федерального и регионального уровней. Но кроме них существует необычайно многочисленная совокупность коллегиальных органов с участием представителей общества (общественности) при государственных и муниципальных учреждениях (общественные, попечительские, наблюдательные и прочие советы), а также особая разновидность КСО, которая, за неимением устоявшегося общего названия, в этой работе будет обозначаться как «КСО при политиках». Это, например, советы по межнациональным отношениям, по развитию финансового рынка, по противодействию коррупции и пр. (всего семнадцать) при главе государства¹. И национальная политика, и развитие финансового рынка являются государственными политиками, президент – тоже политик, поэтому есть все основания использовать термин «КСО при политиках». Аналогичные КСО и по сути, а часто и по названиям во множестве существуют при высших должностных лицах регионов и главах муниципалитетов (имеющиеся различия в конфигурации таких КСО по уровням публичной власти определяются различиями в совокупности полномочий по проведению разных политик на разных уровнях). Это перечисление не исчерпывающее. За его пределами, например, остались КСО при legislatures разных уровней, разнообразные экспертные советы при органах государственной власти, хотя различие между ними и общественными советами всегда проблематично.

Эмпирическое разнообразие этих КСО столь велико, что рассмотрение их как некоторого единства может быть поставлено под сомнение в разных отношениях. Например, очевидно, что явно выделяются КСО при учреждениях просто в силу того, что последние не являются органами власти. Кроме того, эти КСО сильно различаются между собой. Это наименее изученная разновидность КСО², в том числе в силу того, что она самая массовая³.

¹ Советы при Президенте. URL: <http://kremlin.ru/structure/councils>.

² Наименее изученная именно как совокупность, среди немногих исключений можно указать работы группы исследователей Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС [6; 7].

³ Согласно данным Официального сайта для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях, в России на начало 2018 г. существует более 169 тысяч учреждений (бюджетных, автономных, казенных), и есть уверенность, что при значительной их части образованы разные КСО (<http://bus.gov.ru/pub/registry>). Точнее об их количестве говорить сложно из-за неполноты и низкого качества доступных данных, фактически единственным источником которых выступают ответы субъектов РФ на запросы в рамках федеральных мониторингов. Но не вызывает сомнений, что количество таких КСО растет. Так, на начало 2013 г. доля учреждений с КСО (только в образовании, здравоохранении и социальной защите) составляла 3,22% от общего количества учреждений (рассчитано по [6]), а в начале 2017 г. (те же сферы плюс культура) уже больше трети (ответы субъектов РФ на запрос Агентства стратегических инициатив, личный архив автора).

При этом она сильно дифференцирована внутри себя по сферам (образование, здравоохранение и т.д.) и типам учреждений¹.

В имеющейся литературе вся совокупность КСО в России не исследуется как единое целое. Внимание уделяется отдельным сегментам, преимущественно общественным палатам и общественным советам при ОИВ. Но представляется, что рассмотрение совокупности существующих КСО в единстве, во-первых, имеет основания, а, во-вторых, может дать перспективные исследовательские результаты. Одним из оснований является структурное сходство всех этих органов между собой. При этом они, правда, не образуют единое организационное поле в духе Димаджио и Пауэлла [11], но своеобразная структурная эквивалентность налицо, о чем подробнее ниже. Другим, и возможно более важным основанием, является то, что заинтересованные стороны склонны наделять любые КСО идентичной функциональной ролью институционализированного посредника в отношениях между обществом и государством. При этом вполне конвенциональным является утверждение, что с этой ролью КСО, возможно, за отдельными исключениями, не справляются или справляются недостаточно хорошо.

Именно на этом утверждении основывается содержание государственной политики в отношении КСО. Она имеет единый вектор – КСО нужны, но проводится она с использованием разного инструментария и с различной степенью интенсивности. Выделение разных сегментов КСО внутри единой совокупности позволяет видеть эти значимые различия в подходах к их формированию и развитию. Ключевое различие можно описать через противопоставление унификации разнообразию. Явный тренд на унификацию действует в отношении системы общественных советов при ОИВ. Некогда весьма разнообразная по своим ключевым характеристикам эта разновидность КСО ныне серьезно и целенаправленно унифицирована в отношении принципов и процедур формирования, предметов деятельности, субъектного состава. «КСО при политиках», то есть, прежде всего, при высших должностных лицах регионов и главах муниципалитетов, создаваемые в зонах отдельных государственных и муниципальных политик, представляют собой полную противоположность. Помимо очевидного вопроса о том, в чем причина подобно-

¹ Например, наблюдательные советы при автономных учреждениях выступают особенной разновидностью КСО, потому что являются одним из органов управления организацией и фактически обладают некоторыми властными полномочиями; но в составе совета обязательно должны быть, как формулирует закон, «представители общественности», при этом их фактическая доля не может быть меньше трети членов совета, потому что количество представителей государственных органов и органов местного самоуправления в составе наблюдательного совета не должно превышать одну треть от общего числа. Такое же ограничение действует в отношении количества представителей работников автономного учреждения (Об автономных учреждениях: Фед. закон Рос. Федерации от 3 нояб. 2006 г. № 174-ФЗ. Ст. 10. Наблюдат. совет автоном. учреждения).

го различия¹, важным представляется вопрос о том, как именно в разных сегментах конкретизируется роль КСО как институционализированного посредника между обществом и государством, то есть какими содержательным статусом и характером он должен обладать, чтобы соответствовать ожиданиям.

Данная статья имеет целью показать через сравнительный анализ политики в отношении разных сегментов КСО, что политика унификации исходит из стремления усвоить КСО роль самостоятельного субъекта в системе взаимодействий общества и государства, но имеет эффекты, ставящие под вопрос целевую задачу. В первой части обосновывается единство совокупности КСО как в структурном отношении, так и в отношении ожиданий и предпочтений вовлеченных сторон. Далее показано, какими средствами происходит «воспитание субъектности», и на материале разных сегментов КСО обсуждается вопрос о том, какие эффекты она может иметь для соуправления. В заключение обосновывается тезис о том, что ключевым условием обеспечения продуктивности КСО является реализованная субъектность заинтересованных участников взаимодействия. В каком модусе она развивается (может развиваться) показано на примере КСО по межнациональным отношениям в субъектах РФ.

«Единство в многообразии»

В статье термин «консультативно-совещательные органы» используется как обобщающий для широкого спектра разнообразных структур, имеющих различные названия, как правило, включающие слово «совет» с определением: общественный, экспертный, координационный, наблюдательный, попечительский, консультационный. Иногда это просто «советы» с дальнейшим указанием на конкретную сферу и/или аффилиацию, а иногда – «(постоянные) рабочие группы» или различные комиссии. В литературе в качестве обобщающих названий тоже используются различные термины: «общественно-консультативные советы» [1], «консультативные общественные советы» [8], «общественные коллегиальные органы» [7] и т. п.

Представляется, что различия в названиях не имеют принципиального значения при явной структурной эквивалентности этих органов [11, 148], то есть сходстве их позиций в сетевой структуре и сходстве их организационных структур. Во-первых, и это ключевой момент, все они включают в себя представителей общества или общественности, чуть подробнее об этом ниже. Во-вторых, КСО являются аффилированными органами и существуют при

¹ Представляется, что причины в целом случайны, то есть, скорее, имеют административно-управленческий, а не концептуальный или политический характер. Кроме того, может иметь значение ограниченность возможностей сложившейся коалиции части экспертного сообщества и чиновничества, продвигающей тему открытости в государственном управлении. Так или иначе, это вопрос дискуссионный и требует отдельного рассмотрения.

органах публичной власти (лицах, замещающих государственные и муниципальные должности) и организациях, реализующих публичные функции (к последним относятся и государственные, муниципальные учреждения). В подавляющем большинстве случаев они не являются самостоятельными организациями и юридическими лицами. Даже общественные палаты, при всем своем своеобразии, фактически аффилированы – через процедуру комплектования и через собственный аппарат, который, например, в случае с региональными палатами, является государственным учреждением субъекта РФ. В-третьих, все КСО организованы как коллегиальные органы. И, наконец, за редкими и ограниченными исключениями, КСО не обладают властными полномочиями, что не исключает возможности принятия ими решений, которые не могут быть проигнорированы, но они всегда имеют рекомендательный характер.

Необходимо сделать несколько важных замечаний относительно состава КСО, прежде всего в плане представителей общества или общественности. Последний термин отдает канцеляризмом, но более точно указывает на то, что речь идет о представителях общества, которые не имеют отношения к органам публичной власти. Последние могут быть в КСО, могут отсутствовать, это не имеет принципиального значения, в рассматриваемом поле представлены оба варианта. В административном и экспертном вокабулярии более широкое хождение имеет термин «референтные группы» органов власти – «максимально широкие социальные и (или) профессиональные группы физических и юридических лиц, которые обладают общими охраняемыми законом интересами, которые потенциально могут быть затронуты решениями федеральных органов исполнительной власти»¹. Термин является вполне удачным, но необходимо иметь в виду, что в состав референтных групп конкретного ОИВ могут включаться и органы власти других уровней.

В отношении представителей общества в составе КСО существует еще одно важное различие, которое иногда используют для выделения КСО разных типов: экспертных и собственно общественных. Например, в федеральном законе об основах общественного контроля указано, что «правом выдвижения кандидатур в члены общественных советов обладают общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, целями деятельности которых являются представление или защита общественных интересов и (или) выполнение экспертной работы в сфере обще-

¹ Методические рекомендации по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти с референтными группами (одобрены Правительственной комиссией по координации деятельности Открытого правительства по итогам заседания 28 июня 2016 г.) // Открытое правительство. URL: <http://open.gov.ru/upload/iblock/8ca/8cac2b8a134d36b8fb6ae3cca77bbbf9a.pdf>.

ственных отношений»¹. Различение «представления или защиты общественных интересов» и «выполнения экспертной работы», казалось бы, задает необходимое основание для классификации КСО. Но фактически это различие в России не имеет значения и не работает. В отличие, например, от Соединенных Штатов, где федеральный закон (Federal Advisory Committee Act) требует, чтобы составы консультативных органов были сбалансированы (Fairly Balanced) в отношении членства экспертов и представителей групп интересов, и существует практика судебных разбирательств по этому поводу [10]. Различение членов КСО на экспертов и представителей общественности предстает непростой задачей с конфликтными последствиями в эмпирической плоскости, но главное – она не имеет особенного смысла. Представитель референтной группы по определению будет обладать специальными, то есть экспертными знаниями в своей области, а эксперт может и часто имеет собственное представление об общественном интересе в своей зоне экспертизы (помимо того, что он в любом случае является представителем социальной группы). Поэтому в России, несмотря на постоянное подчеркивание необходимости наличия экспертных знаний и опыта у членов КСО, в обычной практике это различие не акцентируется. Например, Экспертный совет при Правительстве РФ нацелен на обеспечение как «участия экспертного сообщества в процессе подготовки и реализации решений...», так и «общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти»².

Общий подход к определению статуса и роли КСО в России мало отличается от общемирового. Заинтересованные стороны (ученые, эксперты, органы власти, сама общественность) склонны наделять любые КСО идентичной функциональной ролью институционализированного посредника в отношениях между обществом и государством. Однако есть и специфика. В России почти не рассматривают КСО в свете какой бы то ни было политической проблематики, тогда как в мировой практике КСО могут и часто рассматриваются как один из инструментов политического участия, например, меньшинств [13]. Активно исследуется роль КСО и в целом гражданского общества в поддержании авторитарных режимов [15], получил распространение термин «консультативный авторитаризм» (Consultative Authoritarianism), особенно в отношении Китая [17; 12], который строит «консультативную демократию», противопоставляя ее представительной демократии западного образца [16]. При этом опыт Китая показывает, что консультативные органы могут быть вполне эффективными при авторитаризме не только для режима, но и для сообщества в случае, если местные органы власти найдут свой интерес во взаимодействии с общественными группами [14].

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

² О совете // Открытое правительство. URL: http://open.gov.ru/expert_sovet.

В качестве институционализированного посредника в отношениях между обществом и государством КСО как коллегиальные органы с участием представителей общества в российском дискурсе интерпретируются в разных контекстах – как органы публичного управления или гражданского участия или соуправления. При этом, в общем, не принято противопоставлять две разные, традиционно выделяемые логики, в которые могут быть помещены данные органы: условно демократическую, требующую реализации права на участие в управлении делами государства и демократической подотчетности, и условно управленческую, ориентированную на качество обратной связи и управленческих решений [14]. В российском контексте они относительно беспроблемно уживаются друг с другом, например, в понятии и механизме общественного контроля, который исходной посылкой явно предполагает демократическую подотчетность, а выстроен, скорее, как экспертно-аналитический контроль качества принимаемых управленческих решений.

Более важной темой в российском дискурсе является вопрос о дистанции к власти и, соответственно, статуса КСО именно в этом измерении. Афффилированность КСО органам исполнительной власти традиционно вызывает озабоченность из-за опасений в их ангажированности интересам органа власти, и соответственно, неспособности представлять и отстаивать общественные интересы. За этим явно стоит вполне традиционное для российского дискурса жесткое, бинарное противопоставление интересов государства и общества, которые при этом часто некритически понимаются как единые неспецифицированные сущности. Между ними нужен посредник, медиатор и критическое значение имеет то, какое место он занимает между этими сущностями и в какой форме существует. Наверное, идеальным было бы некое «срединное» положение, но так как оно видится невозможным (вероятно, из-за организационно-юридических соображений), то оценки расходятся: одни определяют КСО как не общественные, а государственно-общественные органы [8], другие – как институты гражданского общества, но с определенной спецификой [3].

Примечательно, что на оценку ситуации с КСО и рецептов ее изменения почти не влияет перспектива взгляда – и представители экспертно-академической среды, некоммерческого сектора, и представители государства в случае критического восприятия работы КСО ключевую причину видят в их зависимости и несамостоятельности: *«Зачастую они слабы и назначаются самими губернаторами. Есть проблема излишней зависимости региональных палат от местного начальства. Мы обсуждали, что надо предложить программу по усилению региональных общественных палат, по большей автономности их действий»*¹.

¹ Правкомиссия одобрила план законодательного закрепления принципов открытости власти, 22 Июня 2017 // Открытое правительство. URL: <http://open.gov.ru/events/5516105/>.

Таким образом, в центре внимания находится автономия КСО и способы ее обеспечения. При этом данная автономия мыслится в субъектном ключе. КСО должны быть не просто площадкой, местом столкновения и делиберации интересов разных сторон, а активно и самостоятельно действующим субъектом, самостоятельно ставящим перед собой цели и добивающимся их реализации. Такой подход находит свое отражение в законодательстве. Федеральный закон об общественном контроле прямо называет общественные палаты и общественные советы при органах власти субъектами общественного контроля¹. Относительно общественных советов по независимой оценке качества условий оказания услуг организациями в социальной сфере законодатель говорит, что они «осуществляют независимую оценку», а органы исполнительной власти должны лишь обеспечивать условия для этого².

«Воспитание субъектности»

В 2012 г. глава государства в своем указе сформулировал два важнейших принципа обновления КСО: 1) отказ от самостоятельного формирования общественных советов органами государственной власти РФ и обязательное участие общественных палат в их формировании; 2) обязательное участие в деятельности общественных советов независимых от органов государственной власти РФ экспертов и представителей заинтересованных общественных организаций³. С этого момента стартовал так называемый «перезапуск» (или «перезагрузка») системы общественных советов. Ведущую роль в нем играли Общественная палата РФ, Правительственная комиссия по координации деятельности открытого правительства и Экспертный совет при Правительстве РФ.

Была сформирована целая система нормативных и методических вменений по поводу образования и функционирования КСО. Ее «вершиной» на сегодняшний момент являются два федеральных закона: об основах общест-

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. N 256-ФЗ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершенствования проведения независимой оценки качества условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы: Федеральный закон Рос. Федерации от 5 дек. 2017 г. № 392-ФЗ.

³ Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2012 г. № 601.

венного контроля¹, который фактически сделал обязательным наличие общественных советов при органах исполнительной (и законодательной) власти, оставив все остальные КСО без универсального регулирования, и о федеральной общественной палате², закрепивший ее участие в формировании общественных советов. Примечательно, что в федеральном законе³ о региональных общественных палатах аналогичного положения нет⁴.

Но кроме этого, существует широкий спектр документов нормативного и методического характера, регламентирующих среду, цели и формы использования КСО, такие как: Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти⁵, Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти⁶, Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение)⁷, Методические рекомендации по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти с референтными группами⁸, документ по оценке эффективности общественных советов¹ и

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ.

² Об Общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 4 апр. 2005 г. N 32-ФЗ.

³ Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ.

⁴ Существует позиция, что это явное упущение, и именно в этом причина проблем с ОКС на региональном и муниципальном уровнях: «Необходимо отметить, что на федеральном уровне до настоящего времени не принят нормативный правовой акт, в котором бы нашел свое закрепление порядок образования общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, что говорит о существенном упущении со стороны законодателя. Представляется, что именно отсутствие правовой основы, устанавливающей единый порядок образования общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, объясняет столь низкую активность региональных органов власти в создании соответствующих общественных советов» [5].

⁵ Об утверждении Концепции открытости федеральных органов исполнительной власти: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 янв. 2014 г. № 93-р.

⁶ Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (Утверждены протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26 дек. 2013 г. № АМ-П36-89пр).

⁷ Стандарт деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) (одобрен протоколом заочного заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 г. № 3; согласован Протоколом заочного заседания совета Общественной палаты Российской Федерации от 28 мая 2015 г. № 46-с).

⁸ Методические рекомендации по взаимодействию федеральных органов исполнительной власти с референтными группами (одобрены Правительственной комиссией по координации деятельности Открытого правительства по итогам заседания 28 июня 2016 г.).

прочие, вплоть до определения направлений деятельности общественных советов на каждый год² и требований к потенциальным членам советов.

Суть произошедшей реформы заключается, во-первых, в фактическом исключении самого федерального органа власти из процесса формирования общественного совета при этом же органе власти, его формирует триумвират в виде Общественной палаты РФ, Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства и Экспертного совета при Правительстве РФ; во-вторых, в относительно детальной регламентации деятельности советов, включая содержание деятельности и ее презентацию публике; в-третьих, в выстроенной системе контроля деятельности как самих советов, так и ОИВ, при которых они созданы – в отношении реализации механизмов открытости, одним из которых и является работа с КСО³.

О том, что именно регламентируется и контролируется можно судить по критериям эффективности деятельности общественного совета⁴. Они преимущественно имеют организационно-отчетный и презентационный характер: регулярность заседаний, наличие плана, информирование общественной палаты и в целом согласование с ней по разным вопросам и следование ее рекомендациям, открытость и публичность деятельности, отсутствие нареканий и нарушений морально-этических норм.

Таким образом, «воспитание» субъектности ОКС развивается по преимуществу в организационно-технологическом русле. Результаты и эффекты произошедших перемен активно дискутируются. Есть как позитивные оценки, так и крайне критические. Некоторые авторы отмечают, например, что, несмотря на все перемены, на федеральном уровне работающих инструментов открытости правительства всего два: *«Это собственно Открытое правительство и Экспертный совет при правительстве, с которым много задач решается: и реформа по контролю и надзору, и сфера паллиативной помощи, и подготовка соответствующего приоритетного проекта. Это действительно работающий инструмент, туда приходят представители фе-*

¹ Регламент взаимодействия Общественной палаты Российской Федерации с общественными советами при федеральных органах исполнительной власти (общественные советы) по оценке эффективности деятельности общественных советов (утвержден протоколом заседания совета Общественной палаты Российской Федерации VI состава от 7 сентября 2017 г. № 3).

² Приоритетные направления деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти в 2017 г. (одобрены протоколом заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 6 декабря 2016 г. № 8).

³ Стандарт открытости. URL: <http://openstandard.ru>.

⁴ Регламент взаимодействия Общественной палаты Российской Федерации с общественными советами при федеральных органах исполнительной власти (общественные советы) по оценке эффективности деятельности общественных советов (утвержден протоколом заседания совета Общественной палаты Российской Федерации VI состава от 7 сентября 2017 г. № 3).

деральных органов власти, которые вынуждены взаимодействовать с экспертами. Второй инструмент – это Совет по попечительству в социальной сфере при правительстве»¹.

На региональном уровне новые подходы при отсутствии методического инструментария, прямо направленного на регионы и муниципалитеты, развиваются в разных субъектах РФ по-разному. Е. Г. Дьякова и А. Д. Трахтенберг отмечают по этому поводу: «Как показал анализ нормативно-правовой базы, регулирующей формирование общественных советов в органах исполнительной власти субъектов Федерации, входящих в состав Уральского федерального округа, региональное законодательство несколько отстает от федерального (налицо выборочная рецепция федеральных норм). ... Ситуация усугубляется тем, что при принятии положений об общественных советах органы исполнительной власти сужают их функции даже по сравнению с типовыми положениями (в тех субъектах Федерации, где они есть)» [3].

Вполне возможно, что в скором времени у региональных властей резко сократится свобода маневра. В июне 2017 г. Правительственная комиссия по координации деятельности открытого правительства одобрила «дорожную карту» по законодательному закреплению принципов открытости в работе органов государственной власти и местного самоуправления. Речь идет об утверждении единообразных требований к формированию и работе общественных советов при органах власти – не только федеральных, но и региональных и муниципальных².

Разнообразие как (рискованное) условие продуктивности

Положение «КСО при политиках», то есть при высших должностных лицах регионов и главах муниципалитетов, создаваемые в зонах отдельных государственных и муниципальных политик, сильно отличается от КСО как общественных советов при ОИВ. Для них не существует универсального нормативного регулирования или методического вменения (унификация КСО при органах исполнительной власти федерального и регионального уровней шла обоими путями) по формированию, деятельности и прочим вопросам. Деятельность каждого совета регулируется ad hoc, правовым актом о его создании. Такой подход должен иметь следствием более высокое разнообразие, и в значительной степени это действительно так.

При этом существуют предложения по включению таких КСО в общую систему законодательного регулирования. Например, в постатейном коммен-

¹ Это позиция Анны Федермессер, возглавляющей фонд помощи хосписам «Вера» – Метод. рекомендации по открытости региональной власти будут приняты весной, 12 дек. 2017 // Открытое правительство. URL: http://open.gov.ru/events/5516528/?sphrase_id=249764.

² Правкомиссия одобрила план законодательного закрепления принципов открытости власти, 22 июня 2017 г. // Открытое правительство. URL: <http://open.gov.ru/events/5516105/>.

тарии к федеральному закону об общественном контроле, изданном под редакцией председателя Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (М.А. Федотов), предлагается распространить статус субъектов общественного контроля на консультативные органы при Президенте РФ и высших должностных лицах субъектов РФ: *«Данные консультативные органы, как правило, формируются из представителей общественных организаций, гражданских активистов и публичных лиц, являющихся специалистами в определенных сферах. Так, СПЧ в качестве консультативного органа при главе Российского государства фактически осуществляет общественный контроль в самых разных сферах (прежде всего, в пенитенциарной и социальной сферах), при этом фактически оставаясь вне какого бы то ни было законодательного регулирования. Аналогичные советы созданы при главах ряда российских регионов, и, вне всякого сомнения, их деятельность в сфере общественного контроля также должна быть урегулирована»* [5].

Эти предложения до сих пор не реализованы, но это не означает, что в отношении таких КСО совсем отсутствует механизм вменения со стороны федерального центра. Он есть, но работает по-другому и с иными актуальными и потенциальными результатами и эффектами. Дальнейший анализ проведен на материале КСО в сфере национальной политики [2; 4; 9]¹.

Характер и формы вменения отчасти зависят от характера той политики, в зоне которой создается КСО. В частности, от степени ее политической важности для федерального центра и связанной с этим степени универсализации подходов к ее реализации. В сфере национальной политики, которая в определенный момент стала очень важной для государства, использование КСО в качестве инструмента ее реализации приобрело универсальный характер. Активизация деятельности государства в сфере регулирования национальных отношений произошла в 2010-е гг., когда была разработана и утверждена новая Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.², создан Совет по межнациональным отношениям при Президенте РФ и были приняты другие документы, в том числе ФЦП, сменившаяся государственной программой в конце 2016 г. В 2015 г. был создан уполномоченный федеральный ОИВ – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Все это запустило достаточно широкий процесс принятия программ по гармонизации межнациональных отношений и создание соответст-

¹ См. также материалы, включая базу данных КСО в регионах РФ, на странице проекта «Консультативно-совещательные органы в контексте реализации государственной национальной политики в современной России: региональные модели и практики» (РФФИ №16-03-00121). URL: http://www.polit.psu.ru/kso_project.htm.

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: указ Президента Рос. Федерации // Pravo.gov.ru. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&link_id=0&nd=102161949 (дата обращения: 14.01.2017).

вующих КСО на уровне субъектов и муниципалитетов РФ. Общая логика функционирования КСО по межнациональным отношениям была задана подходом, используемым на федеральном уровне, где совет является *«совещательным и консультативным органом..., образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации»*¹. В его состав *«могут входить представители Администрации Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, общественных объединений, научных и других организаций»*².

Важно, что в части регионов (около 30) подобные советы с участием представителей этнических организаций существовали до образования федерального совета в 2012 г. Такие регионы действовали в новых обстоятельствах по-разному. Некоторые переучредили свои КСО, другие оставили. Регионы, в которых соответствующих КСО не было, начали их создавать. Причем процесс под давлением федерального центра начался еще в 2011 г. По итогам заседания Президиума Государственного Совета РФ, состоявшегося 11 февраля 2011 г., были сформулированы поручения президента (от 27 февраля 2011 г. № 488), во исполнение которых стали создаваться постоянные рабочие группы по вопросам гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений. Позже они отчасти были заменены собственно советами, но в некоторых регионах существуют до сих пор. На 2017 г. соответствующие КСО с участием представителей этнических организаций идентифицированы в 78 субъектах РФ³.

Таким образом, федеральный импульс имел значение для запуска соответствующей практики в масштабе всей страны, однако регионы сохранили необычайно высокую степень самостоятельности в формировании и организации деятельности КСО. Соответственно, наблюдаемые практики весьма разнообразны. Региональные КСО отличаются по названиям: общественные, консультативные, координационные советы; по формулировке сферы деятельности: по делам национальностей, по вопросам содействия укреплению межнационального согласия и мира, по национальной политике, по делам национальностей, религий и казачества и так далее. Значительные отличия существуют в отношении состава: по размеру (от 10 до 134 чел.), по доле

¹ Совет по межнациональным отношениям // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/structure/councils#institution-28> (дата обращения: 14.01.2017).

² Там же.

³ См. Базу данных «Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в субъектах Российской Федерации». URL: http://www.polit.psu.ru/site.files/baza_dannyh_KSO_2017.xls.

представителей этнических организаций (от 6 до почти 90%), по представленности других групп: государственных и муниципальных служащих, депутатов, представителей медиа и экспертно-академического сообщества¹.

Разумеется, отличаются и практики деятельности таких КСО, а также работы с ними ОИВ. Например, значительные отличия фиксируются в отношении степени публичности: у многих нет собственной интернет-страницы, не публикуются протоколы заседаний, крайне мало информации об их деятельности в прессе. В значительном количестве субъектов РФ консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям не включены в качестве механизма в документы стратегического планирования субъектов РФ по национальной политике. Это потенциально указывает на их слабость в нормативном отношении и необязательность для реальной практики реализации государственной политики.

В очень многих случаях не очевидна логика формирования и конфигурации персонального состава КСО. Фактическое положение дел очень редко может быть описано через так называемое дескриптивное/статистическое представительство, то есть когда имеет место прямое соотнесение наличия представителей этнических организаций в КСО и наличия (размера) соответствующей национальной группы в регионе. Но дело, как представляется, не в том, чтобы в формировании КСО ориентироваться на дескриптивное / статистическое представительство, а в том, чтобы фактически используемый подход был не явочным, а сознательным и встроенным в государственную политику региона в данной сфере.

В последнем и заключается ключевой момент. Региональные органы власти ответственны за проведение национальной политики в собственном регионе и должны иметь возможность, в определенных пределах, выбирать средства ее реализации, исходя из собственного понимания ситуации, сложившихся практик и используемых моделей. КСО по межнациональным отношениям являются одним из таких возможных средств. Кроссрегиональный анализ показывает, что в части регионов оно активно используется, в части других – нет. Последнее может быть связано со слабостью региональной политики в этой области, но может быть объяснено иначе: региональные власти уделяют приоритетное внимание другим средствам и механизмам.

Что касается собственно КСО, то при его создании явно опираются на имеющиеся внешние (для муниципалитета, региона) примеры, которые могут восприниматься как эталонные и образцовые. Но могут следовать не только внешним примерам, но и собственным практикам формирования и использования консультативно-совещательных органов. Это помогает объяснить сохраняющуюся высокую степень разнообразия КСО по национальным отношениям и в других политиках, не только в отношении формирования и со-

¹ См. Базу данных «Консультативно-совещательные органы...

става, но и практик деятельности. Кроме того, сама по себе низкая публичность КСО не означает отсутствия деятельности, другой вопрос – надо ли принуждать к повышению степени публичности, как это делается в отношении общественных советов при ОИВ.

* * *

Реализуемая политика по «воспитанию субъектности» КСО до некоторой степени парадоксальна в смысле соотношения избранной цели и используемых средств. КСО стремятся превратить в полноценных субъектов взаимодействия государства и общества. При этом субъектность понимается как автономная независимость – в первую очередь, от ОИВ, при которых КСО созданы, но также фактически и от любых общественных групп, которые в нем представлены, то есть они должны приобрести некую самостоятельную сущность и самостоятельное существование. Смысл стремления обеспечить независимость от органа власти кажется вполне прозрачным и даже оправданным – необходимо ограничить оппортунизм госорганов, которые, не имея содержательных стимулов к содержательной работе с КСО, стремятся ограничить собственные издержки, подбирая себе «удобных» членов совета, и используют сам совет преимущественно в отчетных целях. Но избранное средство повышения субъектности КСО – диктат организационной формы и персонального состава – всё также не создает для ОИВ содержательных стимулов для работы с КСО, то есть не решает проблему оппортунизма. Жесткий внешний контроль качества взаимодействия ОИВ с КСО стимулирует относиться к этому взаимодействию как к самоцели (повысить место в рейтинге реализации механизмов открытости¹), а не как необходимому инструменту к решению задач в зоне ответственности ОИВ. Разумеется, одно не противоречит другому. Но в настоящей ситуации ОИВ должен сам находить внутри себя стимулы к содержательной работе с КСО. Это возможно, но в текущей политике ничто не способствует этому.

Автономная независимость КСО от референтных (общественных) групп, представленных в нем, менее очевидна, ее никто не провозглашает как необходимую, и в текущей политике вроде бы ничто не препятствует поддержанию связи КСО с общественными группами. Но важно, что в этой политике ничто и не стимулирует такую связь. Напротив, КСО при ОИВ фактически несут ответственность только перед очень специальным конгломератом органов – Общественной палатой РФ, Правительственной комиссией по координации деятельности открытого правительства, Экспертным советом при Правительстве РФ. Они играют ключевую роль в формировании КСО

¹ Стандарт открытости. URL: <http://openstandard.ru>.

при федеральных ОИВ и возможном прекращении его деятельности¹. Ситуация с КСО при региональных ОИВ не идентична, но развивается в том же направлении.

Получается, что «идеализированная» модель КСО как субъекта взаимодействия государства и общества, ныне реализуемая на федеральном уровне и в ослабленной форме на других уровнях публичной власти и в других сегментах совокупности КСО, предполагает автономную независимость КСО как от «представителя» государства – ОИВ, так и от «представителей» общества – референтных групп. Соответственно, не очень понятно, субъектом чего именно могут быть КСО? Особенно, когда среди девяти критериев эффективности деятельности общественных советов при федеральных органах исполнительной власти только один является содержательным, то есть непосредственно связан с деятельностью ОИВ, а референтные группы не упоминаются совсем².

Альтернатива может заключаться в том, что общественные интересы должны быть поняты не в духе абстрактной ценности обеспечения существования института взаимодействия как самоцели, но должны быть сформулированы и представлены субъектами, имеющими конкретные интересы в отдельных сферах или вопросах, а также реальные возможности их сформулировать и представить. Это касается как субъектов со стороны общества, так и субъектов со стороны государства. Только в этом случае можно ожидать действительной продуктивности от КСО. При этом содержание и характер такой продуктивности не может быть определен заранее и, соответственно, до конца формализован. Более того, нужно исходить из вероятности, что продуктивное взаимодействие может не случиться, или что деятельность КСО будет оценена другими субъектами как противоречащая общественным интересам. Но это всего лишь означает, что необходимы дополнительные механизмы, позволяющие минимизировать такой риск и/или его последствия.

Действительная проблема заключается не в недостаточном качестве и эффективности взаимодействия абстрактных сущностей в виде «государст-

¹ «Прекращение деятельности общественного совета допускается в случае неэффективности его работы» – п. 3.27 Стандарта деятельности общественного совета при федеральном органе исполнительной власти (Типовое положение) (одобрен протоколом заочного заседания Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 24 июня 2015 г. № 3; согласован Протоколом заочного заседания совета Общественной палаты Российской Федерации от 28 мая 2015 г. № 46-с).

² «Вовлеченность членов общественного совета в работу федерального органа исполнительной власти, его органов, а также смежных отраслевых общественных советов» (Регламент взаимодействия Общественной палаты Российской Федерации с общественными советами при федеральных органах исполнительной власти (общественные советы) по оценке эффективности деятельности общественных советов // Утвержден протоколом заседания совета Общественной палаты Российской Федерации VI состава от 7 сентября 2017 г. № 3.

ва» и «общества», а в недостаточном качестве и эффективности взаимодействия отдельных государственных и общественных субъектов. Вопрос в том, обладают ли они сами той субъектностью, которая является условием эффективного взаимодействия и, собственно, соуправления. Соответственно, в повестке дня должен стоять вопрос не столько о повышении субъектности КСО, сколько о субъектности самих сторон взаимодействия. Что касается самой политики по развитию КСО, то она должна включать не только универсальные меры, обеспечивающие давление на ОИВ с целью уравнивания сил участников взаимодействия, но также должна обеспечивать и возможность спецификации условий и форм взаимодействия в данных конкретных условиях. В некоторых условиях КСО, возможно, и не нужны.

Библиографический список

1. Белоногов Ю. Г. Взаимодействие общественно-консультативных советов и государственных органов исполнительной власти в современной России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2016. № 1. С. 19–36. [Belonogov Yu. G. Interactions between Public Advisory Boards and Executives in Contemporary Russia // Review of Political Science. 2016. No. 1. P. 19–36].
2. Борисова Н. В., Минаева Э. Ю. Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям: представительство этнических групп на региональном уровне в России // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2016. №4. С.168–179. [Borisova N.V., Minaeva E.Yu. Consultative and Advisory Bodies for Interethnic Relations: Ethnic Groups Representation at the Subfederal Level in Russia // Review of Political Science. 2016. No.4. P. 168–179].
3. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при исполнительных органах власти: рецепция федерального законодательства на региональном уровне (на примере Уральского федерального округа) // Российский юридический журнал. 2016. № 2. [D'yakova E.G., Trakhtenberg A.D. Public councils attached to executive bodies: the reception of federal law at the regional level (using the example of the Ural Federal District) // Russian Juridical Journal. 2016. No. 2].
4. Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в субъектах Российской Федерации: региональные модели // Экспертно-аналитический доклад. Пермь, 2017. URL: http://www.polit.psu.ru/site.files/doklad_KSO_2017.pdf [Advisory bodies on interethnic relations of subjects of the Russian Federation: regional models // Expert analytical report. Perm. 2017. Available at: http://www.polit.psu.ru/site.files/doklad_KSO_2017.pdf].

5. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / Е. А. Абросимова, В. В. Гриб, А. Г. Дейнеко и др.; под общ. ред. М. А. Федотова. М.: Статут, 2017. 208 с. [The legal basis of public control in the Russian Federation: Scientific and practical commentary to the Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Bases of Public Control in the Russian Federation" / E. A. Abrosimova, V. V. Grib, A. G. Deyneko et al.; ed. by M.A. Fedotov. Moscow: Statut Publ., 2017. 208 p.].
6. Рагозина Л. Г., Коваленко Е. А., Гришина Е. Е., Пороховская М. А. Институт попечительства – путь к активизации общественного участия в социальной сфере / под ред. Рагозиной Л. Г., под научной ред. Малевой Т. М. М., 2013. [Ragozina L. G., Kovalenko E. A., Grishina E. E., Porokhovskaya M.A. Institute of Guardianship – a way to increase public participation in the social sphere / Ed. by L. G. Ragozina, T. M. Maleva. Moscow, 2013].
7. Рагозина Л. Г., Цацура Е. А., Гришина Е. Е., Пороховская М. А. Участие общественных коллегиальных органов управления в социальных услугах: российский и зарубежный опыт. М., 2014. [Ragozina L. G., Tsatsura E. A., Grishina E. E., Porokhovskaya M. A. Participation of public collegiate management bodies in social services: Russian and foreign experience. Moscow, 2014].
8. Руденко В. Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // ПОЛИТЭК. 2006. №3. С.143–155. [Rudenko V.N. Consultative public councils: specifics of their organization and work // Political Expertise: POLITEX. 2006. No. 3. P. 143–155].
9. Сулимов К. А., Титова С. Р. Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в современной России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2016. №4. С.150–167. [Sulimov K. A., Titova S. R. Consultative and Advisory Bodies for Interethnic Relations in Modern Russia: Introducing a Database // Review of Political Science. 2016. No. 4. P.150–167].
10. Brown M. B. Fairly Balanced: The Politics of Representation on Government Advisory Committees. Political Research Quarterly. 2008. Vol. 61. No. 4. P. 547–560. DOI:10.1177/1065912907313076.
11. DiMaggio P., Powell W. The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. American Sociological Review. 1983. 48 (2). P. 147–160.
12. Fewsmith J. Consultative Authoritarianism // Joseph Fewsmith. The Logic and Limits of Political Reform in China. Cambridge University Press. 2013. P. 142–169. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139381703>.

13. *Palermo F., Woelk J.* No representation without recognition: The right to political participation of (national) minorities. *Journal of European Integration*. 2003, 25:3. P. 225–248. DOI: 10.1080/0703633032000133574.
14. *Hsu S. Ph.* In Search of Public Accountability: The ‘Wenling Model’ in China // *The Australian Journal of Public Administration*. 2009. Vol. 68. No. S1. P. S40–S50. doi:10.1111/j.1467-8500.2009.00624.
15. *Lorch J., Bunk B.* Using civil society as an authoritarian legitimation strategy: Algeria and Mozambique in comparative perspective. *Democratization*, 2016. DOI: 10.1080/13510347.2016.1256285.
16. Ma Yide. The Role of Consultative Democracy in a Constitutional System and the Rule of Law in China. *Social Sciences in China*. 2015, 36:4, 5-23. DOI:10.1080/02529203.2015.1088619.
17. *Teets, J.* Converging on Consultative Authoritarianism. In *Civil Society under Authoritarianism: The China Model* Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 119–144. doi:10.1017/CBO9781139839396.005.

**SYSTEMS OF CONSULTATIVE AND ADVISORY BODIES
IN CONTEMPORARY RUSSIA AS INSTITUTIONAL CONDITIONS FOR
CO-GOVERNANCE: BETWEEN UNIFICATION AND DIVERSITY**

K. A. Sulimov

Candidate of Political Sciences, Professor,
Department of Political Science,
Perm State University

The article examines the institutional conditions for co-governance in contemporary Russia. In the country, there is a set of extremely numerous and various consultative and advisory bodies. These bodies take the role of consultative institutions, whose members represent the society and are affiliated to the government directly or implicitly. Consultative and advisory bodies are in the focus of academic and expert, as well as state interest. The federal center implements a unifying policy promoting their subjectivity (agency). However, this policy concerns only some segments of the set of consultative and advisory bodies, and hence is selective. This selectivity frames the structure of the bodies. The article claims that the key condition for ensuring the productivity of consultative and advisory bodies is the subjectivity of stakeholders as members of these institutions. A case study of regional consultative and advisory bodies in inter-ethnic affairs demonstrates various ways of developing subjectivity.

Keywords: consultative and advisory bodies; public councils; co-governance; public administration; subjectivity/agency; mechanisms of interaction.

УДК-324:328(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-24-38

КАЧЕСТВО ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ЯВКА: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ДУМСКИХ ВЫБОРОВ 2015–2016 гг. В РОССИИ

*А. В. Мироведникова*¹

В работе рассматривается эффект «ожидания фальсификаций» на думских и региональных выборах 2015 и 2016 гг. в России со стороны избирателей в качестве одной из возможных причин низкой явки в день голосования. В результате выполненного регрессионного анализа с применением статистических методов исследования было выявлено, что связь между явкой и выбранными переменными существует. Эффект «ожидания фальсификаций» действительно способен снижать явку в условиях российского электорального авторитаризма.

Ключевые слова: выборы; явка; клиентелизм; фальсификации; качество выборов; думские выборы; региональные выборы.

В сентябре 2016 г. прошли выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации VII созыва. В этот раз членов парламента выбрало рекордно низкое количество жителей страны. В некоторых городах, преимущественно крупных, явка составляла менее 35% от числа зарегистрированных избирателей. В целом же явка по стране была зарегистрирована на уровне 47,78% [26]. Эти показатели стали самыми низкими за всю историю выборов в современной России. Например, на последних думских выборах 2011 г. в голосовании участвовало 60% избирателей. Рекордно низкая явка до думских выборов 2016 г. была зафиксирована во время единого дня голосования в сентябре 2015 г. Тогда в России прошли выборы глав субъектов, а также депутатов региональных законодательных органов. Явка в некоторых регионах достигла критически низкого уровня (в Костромской области – 24,27%, в Калужской – 24,23%) [27]. При таких показателях, когда в голосовании участвует меньше 50% всех избирателей, легитимность выбранных глав субъектов и членов местных парламентов может быть поставлена под вопрос.

¹ Мироведникова Анастасия Владимировна – студентка 4 курса Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: mi-rovednikova@yahoo.com.

© Мироведникова А. В., 2018

Причин проявления электоральной пассивности может быть несколько. Как утверждают аналитики, одной из главных предпосылок такого исхода стала вялая агитационная кампания: небольшое количество наружной политической рекламы, а также сокращение эфирного времени для дебатов и агитации по ТВ-каналам и радио [22]. Во-первых, это связано с дефицитом материальных ресурсов у многих оппозиционных партий. Во-вторых, с институциональными рамками, которые задала сама существующая власть. Г. Голосов говорит о том, что низкая явка на думских выборах была во многом выгодна правящей партии [8]. С одной стороны, в условиях российского авторитаризма количество «организованных» избирателей, которые готовы проголосовать на выборах в интересах власти, с годами увеличивается. С другой стороны, растет и число «неорганизованных» избирателей, которые при условии участия в голосовании отдадут свой голос любой другой партии, кроме Единой России, поэтому явка может быть намеренно «пересушена» с целью демобилизовать неблагоприятные для режима группы электората. Это осуществляется путем переноса даты выборов, ведения неактивной агиткампании и т. п.

На сегодняшний день Россия является примером авторитарного политического режима с элементами политической конкуренции. Согласно С. Левицкому и Л. Вэю данную модель можно назвать «соревновательным авторитаризмом» [13]. Формальное наличие демократических институтов в России одновременно сочетается с закреплением у власти одной партии и политического лидера в течение длительного периода времени. Для такого типа режима характерно отсутствие реальной политической конкуренции, а также контроль со стороны власти над процедурой выборов. Проблема состоит в том, что, как правило, с течением времени режиму становится все труднее скрывать процесс фальсификаций, а значит, обеспечивать собственную «выживаемость». Кроме того, информация о систематических грубых нарушениях избирательного законодательства может повлечь за собой последствия в виде нарастания апатии среди граждан и потерю интереса к выборам. В данной работе мы предпринимаем попытку выяснить, повлияли ли ожидания избирателями фальсификаций на думских и региональных выборах в России 2015 и 2016 гг. на явку в день голосования в различных регионах страны, и если да, то в какой степени.

Явка и электоральные фальсификации

Вопросом влияния масштабов ожидаемых фальсификаций на явку избирателей уже задавались некоторые исследователи. Их мнения разделились. Часть ученых считают, что один из важнейших факторов, который непосредственно влияет на явку избирателей в авторитарном режиме – это то, насколько инкубент способен убедить граждан в том, что выборы проходят

честно и без нарушений [2]. Иначе говоря, коррупция в стране в целом способна подорвать желание избирателей принимать участие в заведомо несправедливых выборах. В то же время, другие авторы склонны полагать, что наличие избирательных фальсификаций положительно влияет на явку и стимулирует граждан к активному участию в голосовании. Главный аргумент, который выдвигают защитники второго тезиса, состоит в том, что коррупция положительно влияет на явку в странах с высоким уровнем электорального клиентелизма. В условиях данной системы между акторами происходит взаимовыгодный обмен: человек отдает свой голос на выборах в пользу действующей власти, получая в обмен пенсии, денежные средства, работу, контракты и прочие блага.

Клиентелизм является наследием традиционного общества, но с течением времени этот феномен трансформируется, приобретая более скрытые формы [11, 849]. Л. Блэйдс в одной из работ рассмотрела вопрос влияния клиентелизма на процесс голосования и явку на примере Египта. Автор утверждает, что представители разных политических партий имеют достаточно средств, чтобы «купить» часть голосов в свою пользу. В связи с этим Л. Блэйдс считает, что для рядового индивида более рационально прийти на избирательный участок в день выборов, так как полученные от этого выгоды впоследствии превышают издержки, связанные с походом на участок [3, 4]. Как показывают исследования, коррупция может повышать явку не только в авторитарных режимах. С. Стоукс рассматривает влияние клиентелистской политики на явку в современной Аргентине и приходит к выводу, что коррупция и покупка голосов – явление, которое распространено не только в Аргентине, но и в любых молодых демократиях, например, в Перу и Мексике. Целевой аудиторией политических машин в таком случае, как правило, является преимущественно население с низким доходом или же люди, не имеющие дохода, потому что даже небольшое вознаграждение за свой голос они уже считают существенным [17, 318–325]. Работы американских политологов показывают, что коррупция в электоральном процессе имеет место и в развитых демократиях. Например, исследование М. Эскалерас, П. Кальканьо и У. Шугарта [6] было направлено на изучение того, как наличие коррупции влияет на явку на губернаторских выборах в различных американских штатах. Авторы использовали в качестве объекта изучения выборы в разных штатах США в период с 1979 по 2005 гг. В работе сопоставлялись данные по явке в каждом штате с данными по случаям превышения полномочий главными должностными лицами регионов. Полученные результаты говорят о том, что явка на выборах выше преимущественно в тех штатах, где коррупция на выборах была ожидаема.

Кроме аргумента о позитивном влиянии клиентелистских сетей на явку существует и другое объяснение, почему наличие коррупции в государстве способно увеличить количество избирателей на участках в день голосования.

Оно состоит в том, что участие граждан в выборах обусловлено желанием наказать коррумпированную власть за текущую политику. Так, например, объясняется увеличение явки в более коррумпированных регионах в исследовании Т. Костадиновой [12, 695]. Тем не менее, результаты данного исследования могут быть актуальны только для стран развитой демократии. Для авторитарных режимов высокая явка может быть скорее объяснима с помощью первого аргумента о высоком уровне клиентелизма.

Мнение о том, что увеличение коррупции в обществе снижает явку избирателей, является более распространенным в академической среде. Например, вопросом о том, как коррупция влияет на поведение избирателей, задавались исследователи, изучающие электоральные процессы в современной Мексике. Одной из таких работ является статья Х. Домингеса и Д. Маккана [5], в которой доказывается, что, так как избиратель в недемократическом государстве склонен думать, что он может пострадать при поддержке оппозиционной партии, для него рациональнее всего не ходить на выборы. Основываясь на опросных данных с 1988 по 1995 гг., авторы подчеркивают, что ожидание гражданами фальсификаций серьезно подрывало явку на выборах различного уровня [5, 499]. Выводы Х. Домингеса и Д. Маккана были взяты за основу в работе А. Симпсера, который использовал более свежие данные по выборам, прошедшим в Мексике после электоральных реформ 1990-х гг. и пришел к выводу, что, несмотря на то, что Мексика перешла от электорального авторитаризма к демократии, низкий уровень явки сегодня – это результат скептицизма общества в отношении справедливости выборов [16, 793]. Автор подчеркивает, что представления о нечестности выборов, оставшиеся в памяти граждан с 1980-х гг., до сих пор отрицательно влияют на явку избирателей, особенно в сельскохозяйственных штатах страны.

С выводами вышеупомянутых исследователей согласна Э. Чан, которая доказывает, что с течением времени в условиях, когда режим целенаправленно подрывает чистоту выборов, чтобы одержать победу, избиратели склонны к полному отказу от традиционных форм политического участия. Со временем политическим лидерам все труднее скрывать от населения масштабные электоральные фальсификации, что неизбежно приводит к усилению апатии среди избирателей и нежеланию участвовать в заведомо фальшивых выборах [2].

Как ожидание фальсификаций влияет на явку: эмпирический анализ

Проверка достоверности гипотез относительно того, какие факторы послужили причиной столь низкой явки в регионах России на выборах в 2015 и 2016 гг., проводится с помощью множественной линейной регрессии и методами наименьших квадратов (МНК) и взвешенных квадратов (ВМНК). Показатели явки как зависимой переменной настоящего исследования были взя-

ты из официальных данных, представленных на сайте Центральной избирательной комиссии РФ за соответствующие периоды [28]. По каждому региону, в котором проводились выборы в 2015 и 2016 гг., показатель явки был рассчитан в зависимости от числа зарегистрированных избирателей. Для 2015 г. количество наблюдений составляет 30, что соответствует количеству регионов, в которых 13 сентября были проведены выборы губернаторов, а также выборы в региональные органы законодательной власти. В моделях, которые представляют явку на выборах 18 сентября 2016 г., это количество увеличивается почти в 3 раза и составляет 85 субъектов РФ.

Независимой переменной, которая, на наш взгляд, оказала непосредственное влияние на показатели явки граждан, является «ожидание фальсификаций». Было решено измерить этот концепт двумя разными способами. Первый способ операционализации был основан на методе контент-анализа. Источниками сбора информации для анализа послужили базы данных «Интегрум» [21] и «Factiva» [7]. Обе эти базы являются крупнейшими ресурсами, объединившими в себе статьи из газет, журналов, а также новостных лент на все возможные темы за широкий период времени. «Интегрум», в отличие от второй базы, содержит в себе материалы только российских федеральных и региональных изданий, соответственно имеет более широкий охват в России.

При этом способе измерения «ожидание фальсификаций» представляет собой количество сообщений в СМИ о том, что выборы в том или ином регионе будут сфальсифицированы или пройдут с серьезными нарушениями. Чем больше сообщений было зафиксировано для того или иного региона, тем, соответственно, сильнее ожидание фальсификаций выборов со стороны избирателей и наоборот. Определение выборки для поиска сообщений было обусловлено временными рамками кампании для выборов 2015 и 2016 гг. соответственно. В первом случае поиск информации производился за период с 01.04.2015 по 12.09.2015, а во втором – с 01.04.2016 по 17.09.2016 включительно. Кроме временного критерия, для всей выборки был введен критерий места распространения информации и языка текстов, а именно все статьи должны были быть опубликованы на территории РФ на русском языке. Единицей измерения при сборе данных является количество упоминаний для того или иного региона о предстоящих нарушениях на выборах 2015 или 2016 гг. Формирование текста поискового запроса было основано на включении в него названия региона в разных допустимых вариациях и склонениях, а также различных определений и других слов, которые характеризуют выборы как заведомо сфальсифицированные. Например, поиск содержал в себе такие понятия, как «фальсификации», «фальсифицировать», «вбросы», «подкуп», «махинации», «админресурс» и другие. В результате в «Интегрум» и «Factiva» был проведен поиск по текстовому запросу для выборов каждого года для каждого региона, в котором осуществлялось голосование.

Второй способ операционализации независимой переменной основан на данных, которые были собраны в рамках «The Electoral Integrity Project» (EIP) [18] и представлены в работе группы исследователей, посвященной российским выборам 2015 г. [14]. Проект EIP был организован в 2012 г. международной командой исследователей в области политологии с целью мониторинга и последующего изучения особенностей выборов в странах по всему миру. Данные PEI, которые были использованы в исследовании, представляют собой результаты экспертного опроса среди 175 специалистов в области политологии и других социальных наук, занимающихся изучением различных аспектов электорального процесса в современной России. Вопросы, собранные в анкетах, относятся к восприятию честности и легитимности прошедших субнациональных выборов 2015 г. в России. Для настоящего исследования были выбраны две переменные, с помощью которых можно измерить «ожидание фальсификаций»:

1) «6-5. *Socialmedia were used to expose electoral fraud*» [18] (*СМИ использовались для освещения электоральных фальсификаций*). Этой переменной присвоено название «СМИ». 175 экспертам было предложено оценить то, насколько в ходе кампании велась огласка в новостях возможности фальсификации, «покупки» выборов, использования административного ресурса в том или ином регионе. Ответы были закодированы в следующем порядке: от «полностью согласен» (1) до «полностью не согласен» (5). Таким образом, чем интенсивнее в информационном поле региона распространяется идея о том, что предстоящие выборы будут заведомо нечестные, тем выше степень ожидания фальсификаций со стороны граждан;

2) «6-2a. *TV news favored the governing party*» [18] (*Телеканалы пропагандировали поддержку правящей партии*). Данная переменная получила название «ТВ-пропаганда». Логично предположить, что чем больше влияния на СМИ имеет действующая партия в регионе, чем сильнее используется административный ресурс для подавления независимых источников информации и новостей о нарушениях в ходе избирательной кампании, тем ниже будет степень ожидания фальсификаций для избирателя. Положительный имидж партии и действующего главы региона, декларируемый в СМИ, как правило, способствует росту симпатии к лидеру среди широких групп населения, использующих ТВ в качестве основного источника информации. Следовательно, данная переменная может отразить, в какой степени в каждом регионе наблюдалось давление на источники информации со стороны действующей власти, а значит, и пресечение попыток огласки грядущих фальсификаций.

Кроме независимых переменных, представленных выше, необходимо учитывать другие факторы, которые неизбежно оказывают значительное влияние на то, как распределяется явка по регионам страны. В качестве контрольных переменных в анализе было решено использовать такие количественные показатели, как валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения, а

также численность жителей в регионе [25]. Кроме того, существует ряд качественных переменных, которые влияют на формирование явки на выборах.

Во-первых, таким показателем является дихотомизированная переменная (*dummy*), обозначающая конституциональный статус региона, то есть присвоен ли региону статус республики (1) или нет (0). Для российского федерализма, по мнению некоторых авторов [23, 80; 19, 13], характерно такое явление, как «региональные политические режимы», особую роль выполняют субъекты с высоким содержанием этнического населения. В. Гельман отмечает значительную роль местных элит в процессе формирования региональной идентичности, который начался в 1990-х гг. и продолжается до сих пор [20, 94]. В республиках, автономных округах и областях, как правило, лояльность региональных элит к центру заметно выше, чем в регионах других типов, что и объясняет высокий уровень мобилизации жителей этнических регионов, высокие показатели явки на выборах.

Во-вторых, немаловажную роль играет уровень демократичности региона. Для измерения этого показателя был выбран последний опубликованный Рейтинг демократичности регионов московского центра Карнеги политологов Н. Петрова и А. Титкова [24]. В составление рейтинга были включены такие параметры, как «независимость СМИ», «гражданское общество», «коррупция», «демократичность выборов» и другие. Каждый из параметров оценивался по 5-балльной шкале, а затем суммировался. Полученное в сумме число является индексом демократичности, и чем выше этот показатель, тем лучше состояние демократии в регионе. Однако, когда мы говорим об авторитарном режиме, в данном случае направление связи может быть не всегда легко предсказуемым. Например, более низкие показатели демократического развития в регионе, а соответственно развития гражданского общества и института выборов не гарантируют низкой явки среди жителей. Наоборот, в данных регионах может осуществляться искусственная мобилизация граждан с применением различных способов принуждения и торга, а также могут допускаться электоральные фальсификации с целью получения дополнительных «политических очков» от Федерального центра как результат проведения референдума с выгодным для режима исходом.

В-третьих, так как один из методов исследования включает в себя мониторинг публикаций в СМИ в ходе обеих предвыборных кампаний для каждого из регионов России, при анализе необходимо было учесть уровень развития медиа в том или ином регионе. Количество сообщений о предстоящих фальсификациях, которое является одним из определяющих при операционализации понятия «ожидание фальсификаций», может варьироваться под влиянием данного фактора. Логично предположить, что чем менее активно работают СМИ в регионе, тем меньше публикаций будет зафиксировано и наоборот.

Всего в работе представлены 4 модели множественной линейной регрессии, по две для каждого года выборов – 2015 (региональные выборы) и 2016 (региональные и федеральные выборы) соответственно. Переменные «Фактива» и «Интегрум» – два способа измерить одно и то же явление, поэтому они не включались в одну регрессионную модель во избежание проблемы мультиколлинеарности.

Операционализовав все переменные и решив проблемы статистического анализа, можно приступить к тестированию гипотез. Первое утверждение, которое необходимо доказать или опровергнуть, звучит так:

Гипотеза 1: Чем больше в регионе зафиксировано информации о том, что выборы пройдут с серьезными нарушениями, тем ниже были показатели явки.

Результаты полученного анализа для выборов 2015 г. представлены в модели 1 и 2 (см. табл.). В первом случае ключевыми показателями, отвечающими в анализе за подтверждение этой гипотезы, являются переменные «Фактива» и «СМИ». Как мы видим, связь между ними и зависимой переменной в обоих случаях обратно пропорциональна, на что указывает отрицательный знак перед В-коэффициентом. Таким образом, гипотеза 1 подтверждается. Однако статистическая значимость конкретных предикторов говорит о том, что переменная, характеризующая количество сообщений о грядущих фальсификациях в базе данных «Factiva», статистически более значима, чем «СМИ», взятая из базы данных проекта РЕИ. В модели 2 вместо переменной базы «Factiva» появляются значения из второй базы медиа, которые закодированы под названием «Интегрум». Направление связи, предполагаемое гипотезой, также подтверждается, хотя статистическая значимость невысока.

В моделях для выборов 2016 г. данная гипотеза также была протестирована. Так как данные из базы РЕИ доступны только для 2015 г., анализ думских выборов строился исключительно на информации из баз «Интегрум» и «Factiva» о количестве упоминаний в СМИ об ожидаемых фальсификациях. Как мы видим, в обеих моделях 3 и 4 связь между этими переменными и переменной явки отрицательная, так что первая гипотеза также подтверждается. Однако можно заметить, что в модели 4 независимая переменная «Интегрум» крайне статистически значима, в отличие от значений «Фактива» из модели 3. Возможно, это связано с тем, что думская кампания, по сравнению с кампанией 2015 г., была более обсуждаемой в медиа, соответственно и региональные СМИ писали о ней чаще.

**Результаты множественной линейной регрессии
(выборы 2015 и 2016 гг.)**

Переменная	Бэта-коэффициент (Модель 1)	Бэта-коэффициент (Модель 2)	Бэта-коэффициент (Модель 3)	Бэта-коэффициент (Модель 4)
СМИ	-5.672 (3.574)	-5.065 (3.440)		
ТВ пропаганда	15.161*** (5.029)	14.660*** (4.914)		
Фактива	-6.670* (3.525)		-3.122 (2.001)	
Интегрум		-4.618 (4.730)		-6.637*** (1.895)
Конституционный статус	6.233 (7.350)	6.745 (7.011)	14.222*** (3.457)	10.799*** (3.436)
Население	13.825*** (2.707)	13.317*** (2.670)	5.971*** (2.007)	7.075*** (1.876)
ВРП	11.955*** (3.966)	10.900*** (3.766)	2.519 (3.115)	0.941 (2.980)
Тип выборов	2.677 (4.674)	1.799 (4.450)		
Демократичность	-0.925 (0.579)	-0.902 (0.548)	-1.726*** (0.302)	-1.666*** (0.285)
Развитие медиа	-3.695* (2.059)	-3.293 (1.955)	-0.893 (1.654)	-0.440 (1.562)
Константа	-196.260*** (57.540)	-184.808*** (57.100)	14.613 (36.052)	27.899 (33.956)
Кол-во наблюдений	30	30	83	83
R-квадрат	0.635	0.640	0.576	0.623
Стандартная ошибка	0.156 (df = 20)	9.880 (df = 20)	0.207 (df = 76)	0.195 (df = 76)
F-статистика	6.612*** (df = 9; 20)	6.726*** (df = 9; 20)	19.561*** (df = 6; 76)	23.599*** (df = 6; 76)

*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01

Гипотеза 2: Чем сильнее в регионе пропагандировалась в СМИ поддержка правящей партии, тем выше была явка в регионе.

Данное суждение проверяется с помощью анализа связей для выборов 2015 г., так как переменная «СМИ» операционализирована только для этого года. Мы видим, что направление связи между переменной «ТВ-пропаганда» и в первой, и во второй моделях положительное. Это означает, что чем больше по ТВ пропагандируется поддержка действующего регионального лидера и правящей партии в целом в ходе кампании, тем выше явка на избирательных участках в регионе. С точки зрения настоящего исследования, можно сказать, что «ожидание фальсификаций» в регионе, в котором наиболее активно осуществляется пропаганда действующей власти, будет находиться на достаточно низком уровне. В случае выборов 2015 г. низкое ожидание фальсификаций в некоторых регионах, вызванное большим количеством сообщений положительного характера о нынешнем руководстве, повышает явку избирателей в день выборов.

Далее стоит дать характеристику всем моделям в целом. Наиболее значимыми показателями при расчете статистической значимости для моделей 1

и 2, относящихся к выборам 2015 г., оказалась переменная «Количество населения» в регионе и «Уровень ВРП». Однако в случае с двумя другими моделями 2016 г. свою значимость сохранила только переменная количества населения. Тем не менее, как показали итоги думских выборов, крупные города с большим количеством жителей, такие как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и др. показали явку, не превышающую 40–50%. Игнорирование голосования среди жителей мегаполисов должно стать сигналом для действующей власти о потере поддержки и росту недоверия среди довольно обширной прослойки населения.

Кроме этих двух переменных, особенно высокой статистической значимостью в двух моделях из четырех обладает переменная «Конституционный статус» региона. Отсутствие большой значимости этой переменной для выборов 2015 г. объясняется тем, что из всей выборки в 30 регионов в этом году голосование проводилось лишь в четырех республиках. Для явки же на думских выборах статус региона оказался очень важен, в республиках процент проголосовавших всегда выше, чем в регионах без этого статуса. Как уже говорилось выше, это обусловлено особыми отношениями между республиканскими элитами и центром, которые сложились в процессе формирования российского федерализма еще в 1990-х гг.

Еще одна контрольная переменная, определяющая уровень развития демократии в регионе, «Демократичность», оказалась очень значимой для трех из четырех моделей, то есть можно сказать, что явка действительно зависит от уровня развития демократии в регионе. Как показывают модели 2, 3 и 4, чем больше этот показатель, тем ниже наблюдаемые значения явки. В условиях российского авторитаризма данный эффект вполне объясним: чем демократичнее регион, тем больше в нем спрос на свободные и честные выборы. Когда избиратель в течение многих лет не получает альтернативного предложения, то в определенный момент он принимает решение об игнорировании процесса голосования, так как перестает видеть смысл в институте выборов в стране.

В целом все четыре модели дали хорошие результаты, о чем говорят значимые коэффициенты детерминации во всех четырех случаях. Коэффициент детерминации R-квадрат почти во всех случаях составляет более 0,60, то есть переменные, включенные в наши модели, могут объяснить больше 60% всей выборки. Показатель, отвечающий за вероятность совершить ошибку первого рода при принятии нулевой гипотезы, p-value во всех случаях не превышает допустимого порога в 1 %. Это говорит о довольно высоких объяснительных способностях получившихся моделей.

Однако, как и в любом статистическом анализе, существуют случаи, которые отклоняются от общей картины. Для выборов 2015 г. такими случаями являются регионы под номерами 7 – Иркутская область, 11 – Кемеровская область и 22 – Республика Татарстан (см. рис. 1). Показатели дистанции

Кука для этих регионов не превышают допустимых значений, поэтому не было необходимости исключать их из выборки. В Иркутской области в 2015 г. на губернаторских выборах была зафиксирована рекордно низкая явка-29%, причем нужно отметить, что губернаторская кампания 2015 г. в регионе была резонансной. По итогам голосования 13 сентября был назначен второй тур выборов, чего не наблюдалось в России с 2012 г., а в результате выборы выиграл оппозиционный кандидат от КПРФ Сергей Левченко.

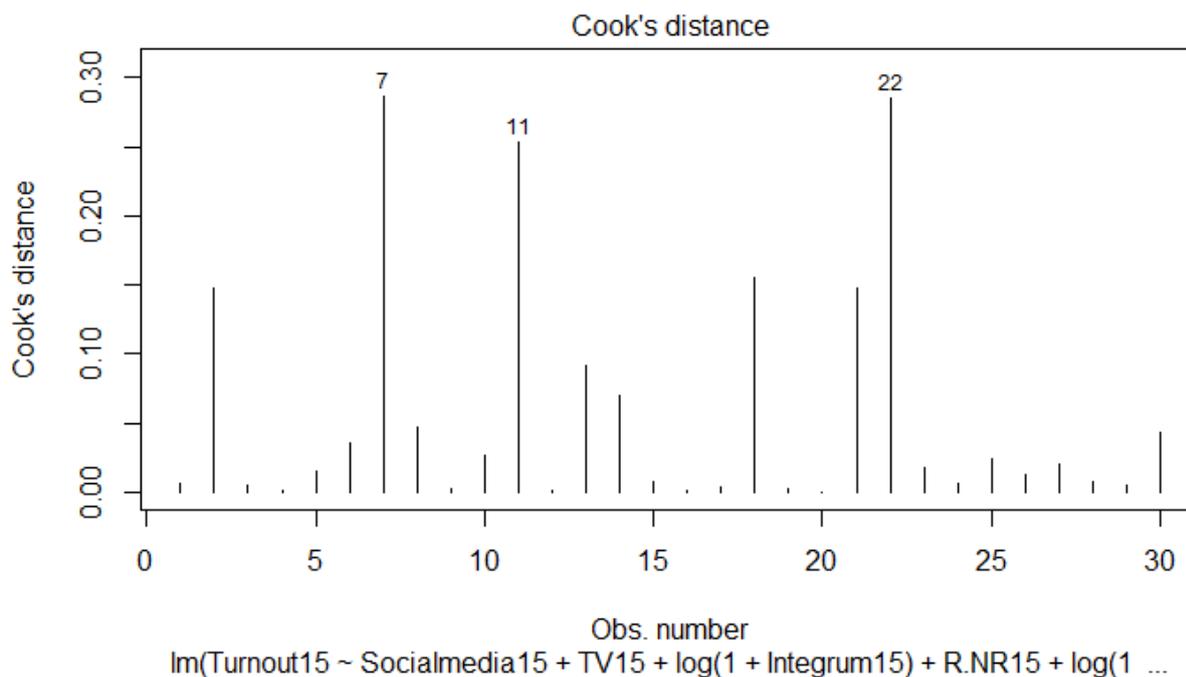

Рис 1. Отклоняющиеся случаи в 2015 г.

Случай Кемеровской области примечателен тем, что в этом регионе в 2015 г. на выборах губернатора была зафиксирована самая высокая по стране явка – 92%, при этом все основные статистически значимые показатели для этого региона не имеют больших различий с аналогичными показателями для других случаев. В этом регионе, набрав 96,6% голосов избирателей, победу одержал Аман Тулеев, который находится во главе Кемеровской области с 1997 г., соответственно, его авторитет и влияние на местную элиту крайне велик. Объяснить столь высокий уровень явки и поддержки нынешнего лидера региона можно тем, что Кемеровская область является на сегодняшний день классическим примером региональной политической машины, о чем уже писали некоторые исследователи в своих работах [9, 229; 10, 1133]. Случай Татарстана схож с Кемеровской областью по наличию своего «регионального режима». Республика выделяется из выборки тем, что наряду с высокой явкой (84%), здесь наблюдается самый высокий уровень развития медиа и зафиксировано большое количество информации о грядущих фальсификациях. Эти два фактора противоречат общему тренду.

Для выборов 2016 г. отклоняющимися случаями являются регионы под номерами 33 – Ненецкий автономный округ, 79 – Ханты-Мансийский автономный округ и 84 – Ямало-Ненецкий автономный округ (см. рис. 2).

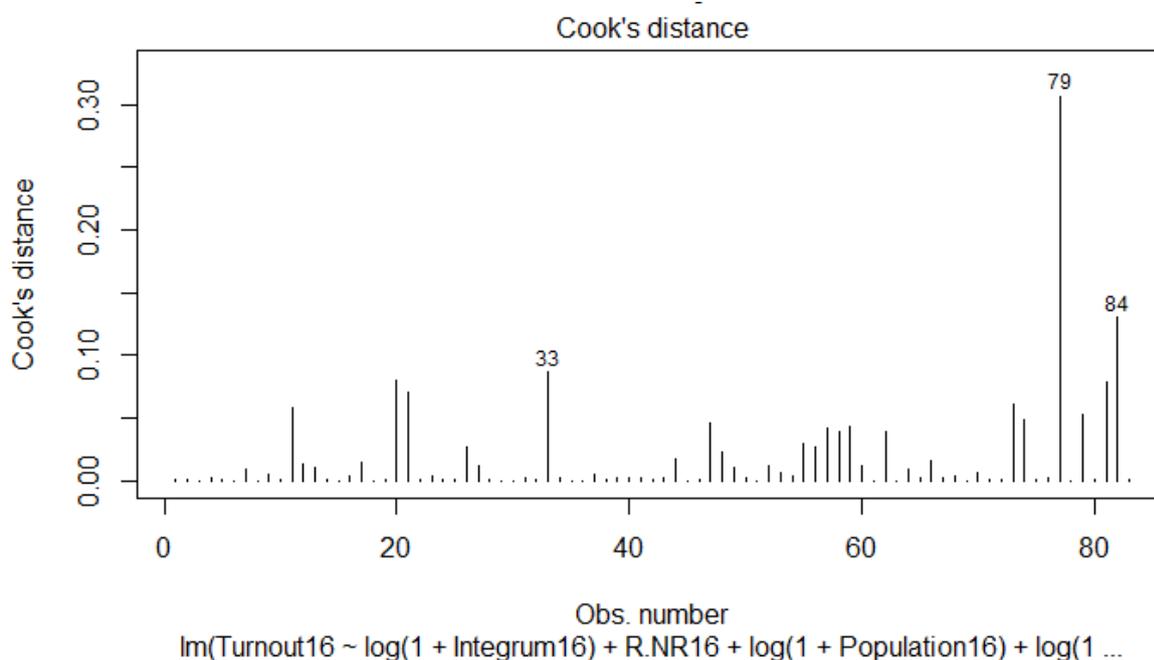

Рис 2. Отклоняющиеся случаи в 2016 г.

Явка на выборах в Ненецком автономном округе в 2016 г. составила 44,8%, что является близким к среднему показателю по стране. Однако показатель ВРП в регионе равен 4990,3, что выводит Ненецкий автономный округ на первое место среди всех субъектов РФ. Исходя из общего тренда, явка в этом регионе должна быть крайне высокой. Схожа ситуация и для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, где показатель ВРП стоит на втором и третьем месте после вышеупомянутого субъекта РФ.

Таким образом, эмпирический анализ доказал, что все выдвинутые гипотезы подтверждаются, направление связи между зависимой и независимыми переменными было определено верно. Все модели, представленные выше, соответствуют допущениям линейной регрессии, а также параметрам статистической значимости. Исходя из полученных результатов, можно сказать, что эффект «ожидания фальсификаций» в действительности оказал влияние на решение избирателя об участии или неучастии в голосовании на выборах 2015 и 2016 гг. в России. Явка в тех регионах, где активно распространялась информация о том, что результат выборов еще до их начала заведомо сфабрикован нынешней властью, оказалась существенно ниже, чем в тех субъектах РФ, где активно пропагандировалась идея о том, что голосование будет открытым и пройдет без нарушений. Как показал анализ связей, наибольшее

влияние на решение избирателя оказывает пропаганда действующей партии и главы региона по ТВ. Этот эффект способен снизить представление граждан о несправедливости грядущих выборов и значительно увеличить явку на участках. Тем не менее, другие предикторы независимой переменной также показывают высокие результаты статистической значимости.

Библиографический список

1. *Birch S.* (2010) Perceptions of electoral fairness and voter turnout. *Comparative Political Studies*. Vol. 43. No. 12. P. 1601–1622.
2. *Chan E.* The Effects of Electoral Integrity on Voter Turnout in Authoritarian Regimes. 2016.
3. *Blaydes L.* (2006) Who Votes in Authoritarian Elections and Why? Determinants of Voter Turnout in Contemporary Egypt. In Annual Meeting of the American Political Science Association. Philadelphia, PA, August.
4. *Dahlberg S. and Solevid M.* (2016) Does Corruption Suppress Voter Turnout? *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*. Vol. 26. Issue 4. P. 489–510.
5. *Domínguez, Jorge I., and McCann J.* (1998) Democratizing Mexico: Public Opinion and Electoral Choices. JHU Press.
6. *Escaleras M., Calcagno P., Shughart W.* (2012) Corruption and Voter Participation: Evidence from the US States. *Public Finance Review*. Vol. 40. Issue 6. P. 789–815.
7. Factiva.com. Available at: <https://proxylibrary.hse.ru:2055/factivalogin/login.asp?productname=global>. (accessed 02.05.2017).
8. *Golosov G.* (2016) Electoral Integrity and Voter Turnout in Contemporary Autocracies.
9. *Golosov G.* (2014) The September 2013 regional elections in Russia: The worst of both worlds. *Regional & Federal Studies*. Vol. 24. No. 2. P. 229–241.
10. *Hughes J.* (1994) Regionalism in Russia: The rise and fall of Siberian agreement. *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. No. 7. P. 1133–1161.
11. *Kitschelt H.* (2000) Linkages between Citizens and Politicians in Democratic Polities. *Comparative Political Studies*. Vol. 33. No. 6–7. P. 845–879.
12. *Kostadinova T.* (2009) Abstain or Rebel: Corruption Perceptions and Voting in East European Elections. *Politics & Policy*. Vol. 37. Issue 4. P. 691–714.
13. *Levitsky S., Way L.A.* 2010. Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the cold war. Cambridge University Press.
14. *Norris P., Martinez F., Grömping M., Nai A.* Perceptions of Electoral Integrity-Russia, (PEI-Russia 1.0). doi:10.7910/DVN/LYO57K, 2015.
15. *Reisinger W. M., & Moraski B. J.* (2009) Regional Voting in Russia's Federal Elections and Changing Regional Deference to the Kremlin. *Political Science Publications*.

16. *Simpser A.* (2012) Does Electoral Manipulation Discourage Voter Turnout? Evidence from Mexico. *The Journal of Politics*. Vol. 74. Issue 3. P. 782–795.
17. *Stokes S.* (2005) Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina. *American Political Science Review*. Vol. 99. Issue 3. P. 315–325.
18. The Electoral Integrity Project. Available at: <https://www.electoralintegrity-project.com/> (accessed 03.05.2017).
19. *Гельман В.* Региональные режимы: завершение трансформации // Свободная Мысль. 1996. №. 9. С. 13–22. [*Gelman V.* Regional Regimes: Completion of Transformation // *Free Thought*. 1996. No. 9. P. 13-22].
20. *Гельман В.* Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 6 (2). С. 91–105. [*Gelman V.* Political Elites and Strategies of Regional Identity // *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2003. Vol. 6. No. 2. P. 91–105].
21. Интегрум – Информация. URL: <https://proxylibrary.hse.ru:6293/> [Integrum – Information. Available at: <https://proxylibrary.hse.ru:6293/> (accessed 02.05.2017)].
22. *Кынев А.* Пересушенная явка. В чем риски инерционного сценария выборов. Carnegie Moscow Center. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64441>. [*Kynev A.* Overdried Turnout. Risks of the Inertial Election Scenario. Carnegie Moscow Center. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64441> (accessed 13.05.2017)].
23. *Нечаев В.* Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et Contra. 2000. № 5 (1). С. 80–95. [*Nechaev V.* Regional Political Systems in Post-Soviet Russia // *Pro et Contra*. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 80–95].
24. *Петров Н., Титков А.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. М., 2013. [*Petrov N., Titkov A.* Carnegie Moscow Center's Democracy Rating of Russian Regions: 10 Years in Service. Moscow, 2013].
25. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/> [Federal State Statistics Service. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 03.05.2017)].
26. Центральная избирательная комиссия РФ. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 [Central Election Commission of the Russian Federation. Information on Elections and Referenda Being Conducted. Available at: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 (accessed 30.04.2017)].

27. Центральная избирательная комиссия РФ. Сведения о проводящихся выборах и референдумах. URL: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 [Central Election Commission of the Russian Federation. Information on Elections and Referendums Being Conducted. Available at: http://www.vybory.izbirkom.ru/region/region/izbirkom?action=show&root=1&tvd=100100067795854&vrn=100100067795849®ion=0&global=1&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=100100067795854&type=233 (accessed 13.05.2017)].
28. Центральная избирательная комиссия РФ. Сведения о проводящихся выборах и референдумах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> [Central Election Commission of the Russian Federation. Information on elections and referendums being conducted. Available at: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom>].

**QUALITY OF ELECTORAL PROCESSES AND VOTER
TURNOUT: ANALYSIS OF 2015–2016 REGIONAL AND DUMA
ELECTIONS IN RUSSIA**

A. V. Mirovednikova

4th year Student, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities,
National Research University «Higher School of Economics»

The paper considers the effect of «expecting fraud» by voters as one of the possible reason for the low turnout in Russian regional and Duma elections in 2015 and 2016. Regression analysis with the application of special statistical methods helped to reveal that, in fact, there is a correlation between the turnout and the selected variables. The effect of «waiting for fraud» can reduce turnout in conditions of Russian electoral authoritarianism.

Keywords: elections; turnout; clientelism; electoral fraud; quality of elections; Duma elections; regional elections.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-39-54

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

*П. Г. Крикунов, С. Н. Шкель*¹

В статье анализируются особенности протестной активности Республики Башкортостан в период 2008–2015 гг. в сравнении с соседними регионами: Пермским краем и Тюменской областью. Анализ данных проводится как с помощью количественных, так и качественных методов. Для определения динамики протестной активности использован событийный анализ (event-analyses) с применением программы «Интергрум», базирующейся на выборке публикаций из средств массовой информации. Этот метод позволил прийти к выводу о сравнительно низкой интенсивности протестных акций в Башкирии по сравнению с данными показателями в соседних регионах. Для объяснения причин этого факта был использован качественный метод в виде неформализованного интервью гражданских активистов и политиков рассматриваемого региона. Используя аналитическую рамку Ч. Тилли, в статье делаем вывод, что главными факторами, ограничивающими развитие протестной активности в Башкирии, являются слабость организационной и ресурсной базы оппозиции, дефицит мобилизации, двойственность структуры политических возможностей и волатильность политических циклов.

Ключевые слова: событийный анализ; политический протест; мобилизация; политический кризис; Республика Башкортостан.

Электоральный цикл 2011–2012 гг. стал отправной точкой влияния протестной активности на политические процессы в России. Если до этого

¹ Крикунов Павел Геннадьевич – аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Уфимский государственный нефтяной технический университет. E-mail: Pashakrik1992@mail.ru.

Шкель Станислав Николаевич – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований при Пермском государственном национальном исследовательском университете, профессор кафедры политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: stas-polit@yandex.ru.

© Крикунов П. Г., Шкель С. Н., 2018

акции протеста были сравнительно немногочисленными, то в данный период «уличная политика» стала достаточно заметным феноменом российской политической жизни [13]. Вместе с тем динамика, частота, численность и репертуар протестных акций существенным образом отличаются в разных российских регионах. Это открывает большие перспективы для исследования факторов протестной активности регионального населения в сравнительной перспективе.

В данной статье представлен сравнительный анализ протестной активности населения Республики Башкортостан с данным показателем в Пермском крае и Тюменской области с целью выявления общего и особенного в характеристиках политической мобилизации регионального населения. Работы А. В. Семенова были использованы в качестве источников данных по Пермскому краю и Тюменской области [12], а также служили ориентиром в плане методики и техники сбора данных по Республике Башкортостан. Следуя его исследовательской стратегии, данные по Республике Башкортостан были собраны с помощью базы данных «Интегрум», которая агрегирует сообщения более чем из 40 000 российских средств массовой информации и интернет-источников и позволяет осуществлять поиск по ключевым словам. Использование аналогичной базы данных и методик, с одной стороны, позволило избежать смещений, связанных с отдельными изданиями, с другой – дополнить и скорректировать данные в случае пропусков и расхождений.

Кроме того, для профилактики расхождений в определении событий были использованы классификационные критерии Д. Макадама, согласно которым каждое событие должно соответствовать трем основным критериям: 1) быть публичным; 2) включать двух или более участников; 3) не должно быть организовано государством или коммерческой структурой [16,6].

Динамика протестных акций в Республике Башкортостан в период 2008–2015 гг.

Республика Башкортостан – достаточно сильный в экономическом плане регион, предприятия нефтяного сектора являются его опорой. Политическая жизнь республики всегда была достаточно консервативной, о чем свидетельствуют рейтинги уровня демократичности российских регионов, согласно которым Башкортостан в постсоветский период неизменно относился к одним из самых авторитарных субъектов Российской Федерации [14]. Можно отметить высокую степень консолидации региональных элит и даже их «кла-

новость» [2,13]. Оппозиция в таких условиях всегда занимает маргинальное положение. Оппозиционные партии в республике довольно слабые и немногочисленные. Но даже в такой слабоконкурентной политической ситуации событийный анализ протестной активности демонстрирует рост количества протестов в конце 2011 г. Так же дела обстоят и в Пермском крае, и в Тюменской области, но в этих регионах масштабы протестной активности были заметно шире. За период с 2008 по 2012 г. в Тюменской области было зафиксировано 325 акций протеста, в Пермском крае – 161, а Башкирии – всего 44 (рис. 1).

Из представленных данных видно, что в Башкирии население гораздо менее активно, чем в других соседних регионах. По динамике протестной активности Башкирия больше похожа на Тюменскую область, в обоих регионах отмечается бурный рост количества протестов в период с 2008 по 2011 г., а затем идет спад активности. В Пермском крае не наблюдается таких выраженных скачков. Степень вовлечения в протестную активность населения так же различается. За период с 2008 по 2012 гг. в протестных акциях в Башкирии участвовало 10,5 тыс. протестующих против 17,8 тыс. в Тюменской области и 18 тыс. в Пермском крае.

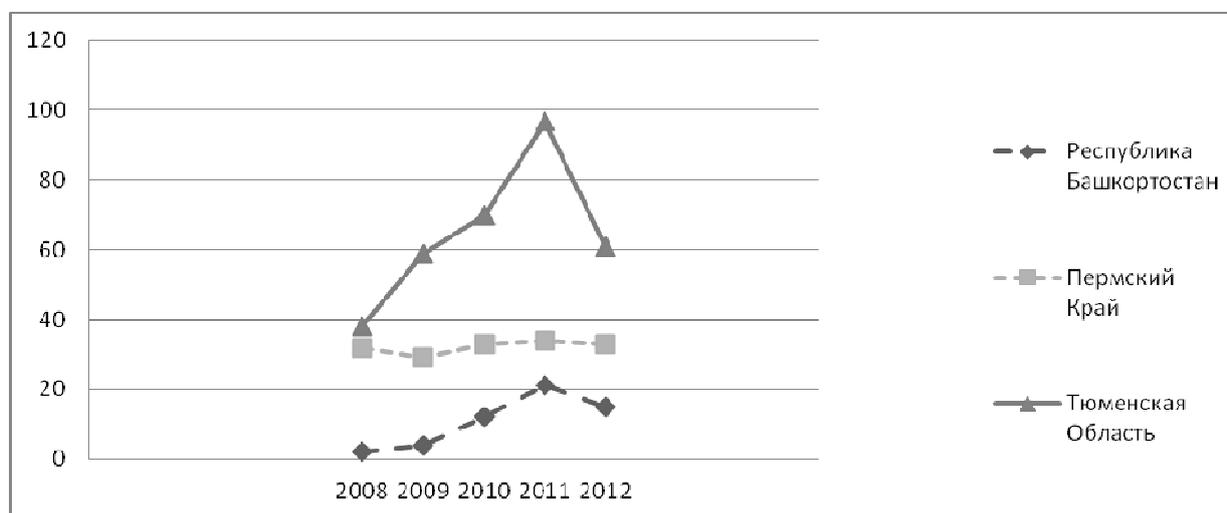

Рис. 1. Динамика протестных акций в Республике Башкортостан, Тюменской области и Пермском крае (2008–2012 гг.)

Для упрощения классификации протестных акций А. В. Семенов выделяет три основные категории требований: экономические, гражданские и локальные (требования городской политики) [12,159]. В Республике Башкортостан

стан по этой классификации прослеживается довольно интересная динамика протестных акций, которая представлена на рис. 2.

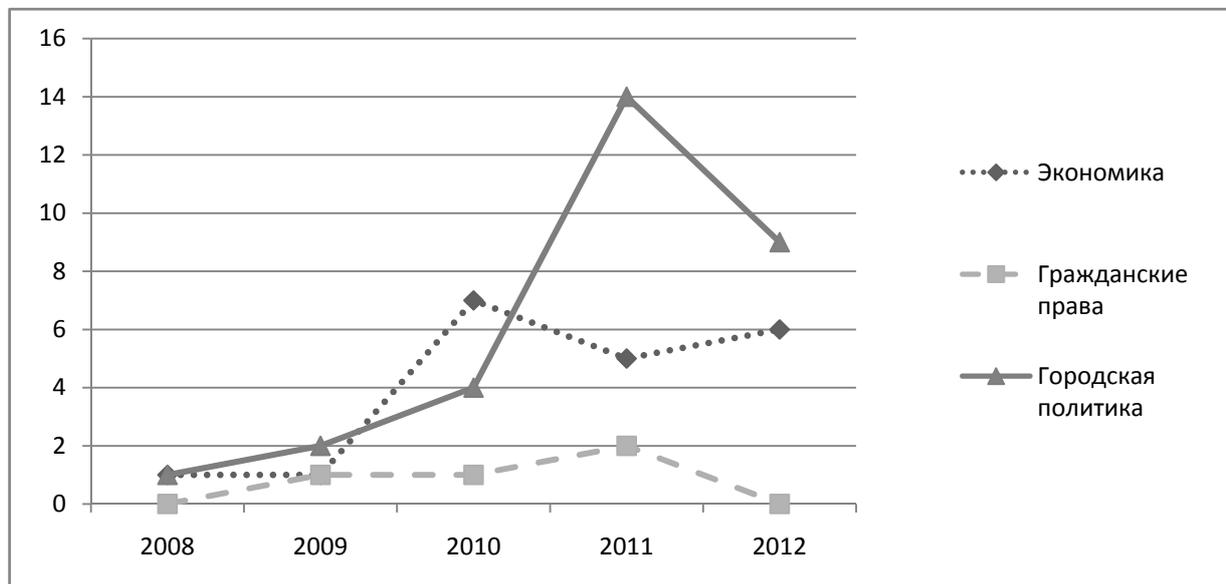

Рис. 2. Динамика протестных требований в Республике Башкортостан в распределении по основным требованиям

Из данного графика видно, что в Башкирии рост протестных акций связан, в первую очередь, с городской политикой. Данную тенденцию можно с уверенностью связать с деятельностью «объединенной Башкирской оппозиции» и движения «За честные выборы», которые на своих митингах выдвигали, в основном, политические требования. Можно отметить достаточно низкий уровень гражданских протестов, но с 2012 г. наблюдается их активный рост. Это связано с тем, что в это время в регионе было крайне активно движение «Антикхроношпан», которое выступало против строительства промышленного завода «Кроношпан» [6].

Если сравнивать Башкирию с двумя соседними регионами, то можно отметить, что существуют расхождения в динамике распределения требований (рис 3–5). В Башкирии, так же, как и в Перми, с 2011 г. на первый план постепенно выходят политические лозунги, связанные с недовольством результатами выборов и действующей властью, в то время как экономические проблемы и гражданские требования отходят на второй план. В Тюменской же области на первый план вышли экономические требования, и только за ними – политические.

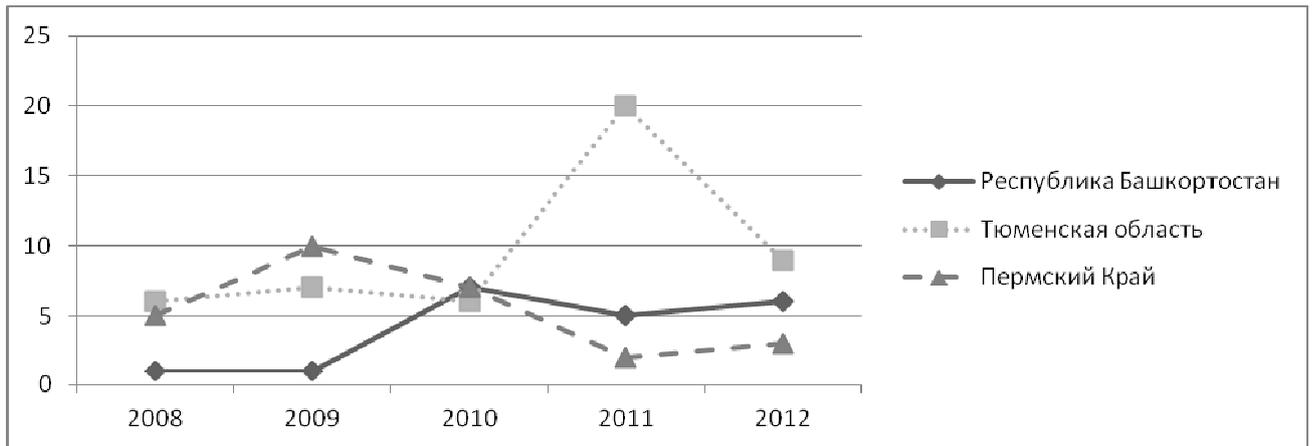

Рис. 3. Динамика протестов с экономическими требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

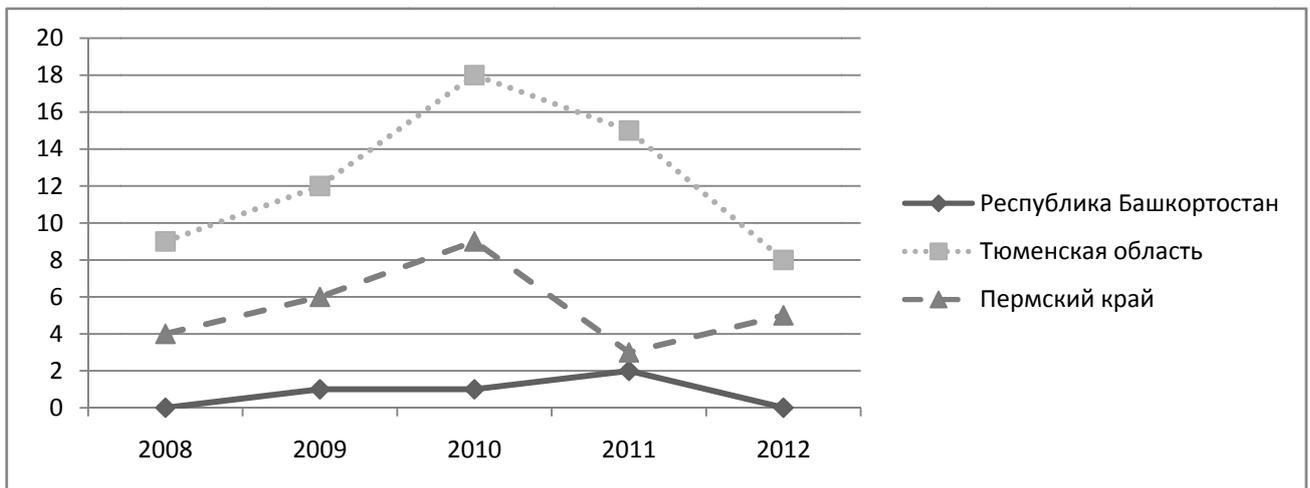

Рис. 4. Динамика протестов с гражданскими требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

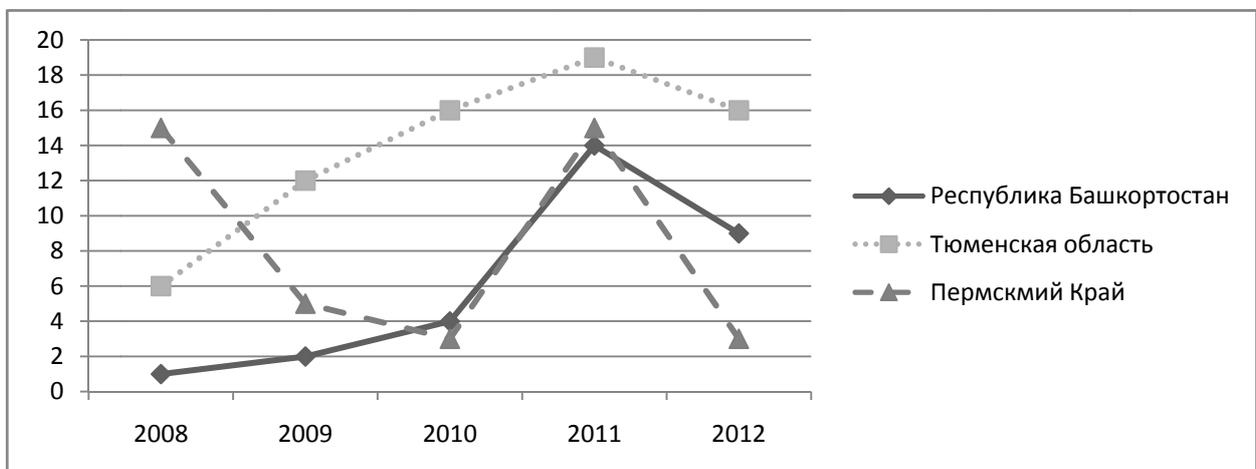

Рис. 5. Динамика с локальными требованиями в Башкирии, Тюмени и Перми за 2008–2012 гг.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что протестная активность в Республике Башкортостан, по сравнению с двумя другими соседними регионами (Пермским краем и Тюменской областью), выражена на гораздо более низком уровне. Это справедливо как по количеству протестных мероприятий, так и по количеству участников данных мероприятий. Согласно данным, приведенным А. Семеновым, в Тюмени интенсивность участия превышает показатели Перми: за пятилетний период в Тюмени зафиксировано 17,8 тыс. протестующих (4,4 на 1000 населения), в Перми – 18 тыс. (1,9 на 1000 населения) [12,157]. В Башкирии же за аналогичный период времени в протестных акциях приняло участие 10,4 тыс. (1,1 на 1000 населения).

Выявленные отличия в динамике и репертуаре требований протестующих в каждом из регионов требует объяснений. Для этого нами был предпринят сбор данных с помощью качественного метода в виде неформализованного интервью, которые мы взяли у участников протестных акций в Республике Башкортостан и ряда региональных политиков. Результаты анализа этого круга источников представлены в следующей части статьи.

Причины низкой протестной активности населения Республики Башкортостан

Причины и факторы протестной мобилизации населения находятся в фокусе исследовательского интереса многих ученых. На примерах различных стран исследователи отмечают диверсификацию динамики протестных акций в разных случаях. Так, например Ч. Тилли, Д. Макадам и С. Тарроу, в своей совместной работе описывают два различных случая революции: восстание «May Day» в Кении и «Желтую» революцию на Филиппинах [17]. Из этих примеров следует, что одинаковые по своей сути процессы могут довольно сильно отличаться по своей динамике и результатам. Они указывают, что в целом траекторию и конечный результат мобилизации редко можно определить заранее, так как они не подчиняются шаблонам. Мобилизационные процессы часто отличаются друг от друга тем, что последовательности, комбинации, взаимодействие и контекст различных процессов активируют их различными путями.

О непредсказуемости мобилизационных процессов говорит и Т. Куран, который в своей работе описывает ситуацию потери власти коммунистами в странах Восточной Европы под давлением массовых протестов [18]. Автор говорит о том, что данные процессы не были предсказаны ни одним политическим обозревателем того времени. Т. Куран связывает это с тем, что поведение масс часто просто невозможно предсказать, так как феномен «фальсификации предпочтений» вводит в заблуждение любой социологический опрос, а вместе с ним и всех политических «предсказателей». Люди, участвующие в опросах, часто склонны давать те ответы, которые от них хотят услы-

шать. Это происходит в силу различных причин, например, страха репрессий или конформизма. По мнению Т. Курана, это делает политические предсказания, основанные на общественном мнении, малоинформативными и даже опасными [18,15].

Тем не менее, некоторые исследователи предлагают перечень факторов, наличие которых делает массовый протест если не неизбежным, то более вероятным. Так, Ч. Тилли подробно разбирает вопросы, касающиеся мобилизации населения, выделяя пять ключевых компонентов, необходимых для того, чтобы какое-либо коллективное действие состоялось: 1) интерес; 2) организация; 3) мобилизация; 4) возможности; 5) коллективное действие [15,7]. Данные компоненты могут служить аналитической рамкой для анализа причин специфики протестной активности в Республике Башкортостан в сравнении с данными показателями в соседних регионах. Рассмотрим каждый из этих компонентов в контексте данных о протестной активности в Республике Башкортостан.

Интерес. За исследуемый период в Республике Башкортостан произошло достаточно много резонансных событий, которые вызывали общественный интерес как на федеральном, так и на региональном уровне. Среди самых громких – «Монетизация льгот» и «Движение за честные выборы». Помимо них существуют сходные с другими регионами проблемные точки, такие как проблемы обманутых дольщиков, безработица, низкие заработные платы, коррупция и. т. д. Очевидно, что поводов для проявления массового недовольства у жителей Башкирии никак не меньше, чем у жителей соседних регионов. Отсюда следует, что причины низкой протестной активности следует искать в других компонентах.

Организация. Основными организаторами протестных мероприятий в республике Башкортостан за период 2008 – 2012 гг. являлись следующие организации и партии: КПРФ, Яблоко, Справедливая Россия, Левый фронт, ЛДПР, Кук–Бурэ. Однако, как следует из результатов опроса участников протестов и региональных политиков, возможности у этих партий достаточно ограничены. Так, активист уфимского Яблоко Виктор Золоторев характеризует степень влияния региональных политических партий на протестную активность в регионе следующим образом: «Оппозиционные партии в нашем регионе крайне слабые, такие партии, как КПРФ, ЛДПР и Справедливая Россия на сегодняшний день представляют собой некий симбиоз Единой России: по факту это просто фракции правящей партии, которые по всем основным вопросам не спорят с Единой Россией, они голосуют одновременно и как им скажут, их все устраивает. Данные партии довольны положением как на уровне Государственной думы, так и на уровне нашего Курултая. В нашем регионе сложилась такая ситуация, когда на договорной основе выделяется определенное количество мест для каждой партии. На сегодняшний день в

нашем регионе существует чисто чиновничья власть, и существование протестного движения в таких условиях крайне затруднительно» [6].

Тем не менее, было бы неправильно говорить, что роль политических партий в организации протестов совсем минимальна. Участники движения против строительства деревообрабатывающего завода «Кроношпан» отмечают существенную помощь от оппозиционных партий, которые подключились к протесту в период выборов в Государственное собрание Республики Башкортостан – Курултай в 2013 г. Однако, преследуя свои собственные политические интересы, данная помощь оказывалась партиями только до оглашения результатов выборов. После завершения избирательной кампании политические партии потеряли интерес к протестной стратегии и перестали оказывать организационную помощь протестующим. Активист движения «Стопкроношпан» Евгений Давыдов считает, что факт изоляции партий от протеста после выборов является значимой причиной угасания протеста. Говоря о причинах поражения протеста, он отмечает: «Причин конечно много, одной из причин я считаю отсутствие долгосрочной помощи от партий, так как после окончания выборов они от протеста отошли» [6]. Лидер движения «Антикроношпан» П. Ксенофонтов тоже считает, что отказ партий от участия существенно ослабил протест. Он указывает, что после разрешения на строительство наших активистов, которые блокировали подъезды к стройке, начали арестовывать, и протестная активность пошла на спад: «Когда у нас начались проблемы, нам особо никто не стал помогать из политических партий, даже когда я просил дать мне юристов, никто не мог поддержать в этом» [10].

На слабость ресурсной базы региональных политических партий как значимого фактора слабости протестного движения в Башкирии обращает свое внимание специалист по работе с болельщиками футбольного клуба «Уфа» Андрей Коленченко: «Стоит отметить тот факт, что региональные оппозиционные силы очень сильно ограничены в финансах и материальной поддержке. Это может легко подтвердить тот факт, что за все время существования «фанатского» движения в Уфе мне известен только лишь один случай, когда некая политическая сила за материальное вознаграждение (достаточно скромное) предлагала фанатам поучаствовать в протестной акции. Хотя в Москве и Санкт-Петербурге данная практика в начале двухтысячных носила массовый характер, группировки футбольных фанатов были довольно частыми спутниками таких мероприятий. Фанатов приглашали и как простых участников, и как охранников, а также мне известны случаи, когда фанаты участвовали в разгоне демонстраций. На сегодняшний день данная практика получала категорическое неодобрение в «околофутбольном», «фанатском» сообществе, но все равно подобные случаи происходят. Что касается нашего региона, как я уже отмечал, мне известен только один подобный случай, и я связываю это с тем, что у местной оппозиции просто нет денежных средств для этого» [5].

Таким образом, в силу того, что политические организации в Республике Башкортостан являются достаточно слабыми, имеют небольшое финансирование и малое количество сторонников, протестные акции, которые организует какая-либо из перечисленных организаций, редко собирают более 100 участников. Тем не менее, в сочетании с самоорганизацией населения и наличием политических факторов, таких как выборы, роль политических партий в организации и помощи протестующим может быть достаточно значительной. Однако, как показывает опыт Республики Башкортостан, политические факторы в силу своей динамики и волатильности могут выступить как фактором развития протестного движения, так и его ограничителем. Завершение электорального цикла привело к падению интереса со стороны партий к протестному движению в Уфе, что явилось одной из причин сокращения протестной активности в регионе.

Мобилизация. Третьим неотъемлемым компонентом, который выделяет Ч. Тилли, является «мобилизация». Под данным термином понимается процесс коллективного контроля ресурсов, необходимых для массовых акций. Чем больше у протестного движения ресурсов, тем больше у него шансов на мобилизацию. Рабочая сила, деньги, голоса избирателей, поддержка населения – все это необходимо для успешной протестной мобилизации. Часто случается так, что существующие организации имеют большое количество сторонников, но при этом не имеют ресурсов. При этом необходимые ресурсы могут быть сосредоточены в руках отдельных лиц, и только при их взаимодействии возможна успешная мобилизация [15,7].

Опыт протестных акций Республики Башкортостан подтверждает данный тезис. Наиболее массовые протестные акции возникали именно там, где еще до появления проблемы и роста протестных настроений сложилась инфраструктура и ресурсные возможности. Так, центром протестной мобилизации против строительства завода «Кроношпан» стал частный сектор района г. Уфы, жители которого в силу нерешенности вопроса благоустройства начали самостоятельно создавать коллективные формы самоорганизации для решения чисто хозяйственных задач. При появлении проблемы строительства завода «Кроношпан» данная инфраструктура стала использоваться для мобилизации, организации, выработки совместной стратегии и решения проблемы коллективных действий. Лидер движения «Антикроношпан» П. Ксенофонтов так рассказывает историю рождения протеста: «Началось все с переезда в Дорогино, где я своими руками построил дом, сам я по образованию юрист. Я всегда мечтал уехать за город, хотелось жить в чистом месте, и когда нам объявили, что в этом районе будет промзона, и нам нужно с этим смириться, меня это крайне возмутило. Мы начали собирать информацию о данном производстве и, в частности, о заводах «Кроношпан» в других странах, были просто в ужасе от увиденного и приняли решение о том, что нельзя допустить строительство данного завода. Я и до этого занимался организаци-

онной деятельностью в нашем поселке. Мы коллективно занимались вывозом мусора и уборкой снега в нашем поселке, так как мы не были ни на чьем балансе и были предоставлены сами себе, благодаря этому у меня уже на тот момент была довольно обширная база телефонных номеров местных жителей, с помощью которой я мог организовывать людей. Далее данная база расширялась, люди сами мне предоставляли свои телефонные номера через группу Вконтакте. В конечном итоге у меня набралось около двух тысяч телефонных номеров. С помощью смс-рассылки мы собирали людей на митинги и другие акции. В базе были не только жители Дорогино, а также жители Шакши и других районов г. Уфы. Также у нас был человек, который занимался смс-рассылкой, он предоставлял нам хорошую скидку. Далее я собрал городские телефонные базы, и рассылка шла уже на сто тысяч мобильных номеров. Конечно, это было дорого, но несколько раз подобные рассылки мы проводили» [10].

Руководитель регионального отделения партии Яблоко Сергей Наумкин как одну из причин массовости протестного движения против строительства завода «Кроношпан» видит наличие в регионе элит, которые появились после смены в Башкирии главы региона. Последний фактор он связывает с политическим интересом оппозиционных элит. С. Наумкин так поясняет свою точку зрения: «Наиболее активно протесты выражались, когда началось строительство завода «Кроношпан». В первую очередь, нашлись люди, которые были крайне недовольны строительством подобного предприятия буквально у них на голове. Также важным моментом было то, что элита, отстраненная от власти, люди Рахимова, тоже поддержали этот протест, играя свою игру. Нашелся конкретный человек, Павел Ксенофонтов, которого я оцениваю крайне положительно, он действовал, на мой взгляд, с чистыми намерениями, желая перенести это вредное производство подальше от жилых поселков» [16].

Как уже указывалось выше, организационные и медийные ресурсы политических партий, которые в определенные моменты поддерживали протесты, также играли значимую роль в протестной мобилизации населения. В то же время, говоря о мобилизации в рамках Республики Башкортостан, следует сказать, что к протестам присоединялись только оппозиционные партии, которые с точки зрения ресурсов не являются самыми сильными. Ни одна оппозиционная сила в республике не имеет достаточных ресурсов для осуществления значимой мобилизации широких слоев населения. Отсутствие оппозиционных средств массовой информации также оказывает негативное влияние на мобилизацию, ведь граждане часто просто не знают о готовящихся протестных акциях. Важным моментом является и то, что региональные политические или экономические игроки, имеющие необходимые для мобилизации населения ресурсы, как правило, не поддерживают протестные начинания.

Координатор башкирского отделения ЛДПР Вячеслав Рябов, объясняет низкий уровень протестного движения в Башкирии общей спецификой политической жизни на уровне регионов: «Надо понимать, что Москва – это столица и, соответственно, там и жителей больше, поэтому и протестов возникает больше. Да и вообще, Башкирия довольно спокойный регион, не могу припомнить, чтобы у нас возникали какие-то массовые беспорядки, когда бы люди устраивали массовые драки, врывались бы в административные здания» [7]. Аналогичное мнение высказала и активистка протестного движения «За честные выборы», наблюдатель на выборах в Государственную думу РФ 2011 г. Анастасия Кузнецова: «Я думаю, что протестное движение вообще трудно организовывать в регионах, так как головные офисы всех оппозиционных партий находятся в Москве, также все медийные, узнаваемые личности находятся в столице и просто некому повести людей на серьезный протест в регионах. Также существует мнение, что люди, которые живут в провинции, более аполитичны, чем жители столицы, я полностью согласна с таким мнением. Надо просто признать, что градус оппозиционной настроенности в Москве гораздо выше, чем в регионах. Ведь организаторам митинга на проспекте «Сахарова» было достаточно кинуть клич в социальные сети, и собралось огромное количество протестующих, в регионах, конечно, такое практически невозможно. Я считаю, что в регионах у протестного движения отсутствуют яркие лидеры, и это самая большая проблема для протестного движения» [4].

Возможность. Под этим понятием понимается «структура политических возможностей», то есть политические правила и условия, которые определяют рамки возможностей для создания коллективного действия как такового, возможность участия в нем и возможность его развития. В Башкортостане в период с 2008 по 2012 гг. сложилась двоякая ситуация: с одной стороны, органы власти допускали различные протестные акции, митинги и демонстрации, с другой – препятствовали их дальнейшему развитию. Это осуществлялось двумя путями. Во-первых, местные СМИ практически не освещали и не анонсировали информацию о протестной активности. Во-вторых, слишком активных лидеров протестов правоохранительные органы преследовали, а некоторых, например Айрата Дильмухамедова, даже осудили [1]. Таким образом, политический климат в регионе позволял существованию протестной активности, но не давал ей развиваться и приобретать большие масштабы.

Один из лидеров оппозиционного движения в регионе, руководитель регионального отделения партии Яблоко Сергей Наумкин считает, что протестная активность имеет ограничения в связи с общероссийским политическим контекстом, который сильно влияет на региональные политические процессы. В частности, он указывает, что «самым главным моментом тут стала инаугурация президента Путина, а точнее указы, которые он издал после нее, 7 мая 2012 г. После этого «гайки стали закручиваться» со страшной

силой и очень жестко. Самое главное нам запретили собираться, мирно, без оружия, но в любом месте, как гласит наша Конституция. Этот законопроект был принят очень быстро, для митингов нам выделили крайне неподходящие места, находящиеся на окраинах города. В Уфе есть всего 5 точек, где можно собраться. Это площадь у дворца культуры «Химик», площадь перед дворцом спорта, у дома профсоюзов на улице Мустая Карима, какой-то сквер «Волна» в «Затоне» и в районе бывшего кинотеатра «Орион». Данный законопроект сильно ограничивает права граждан на собрания и отстаивание своих позиций. Например, раньше люди, которые боролись с незаконной застройкой близ своих домов, могли крайне эффективно бороться с землезахватчиками. А после выхода этого закона это стало невозможно, так как правоохранительные органы сразу разгоняют подобные собрания. Но особо устрашающим фактором явилось задержание людей на Болотной площади, некоторые из которых до сих пор находятся в заключении, а на некоторых даже сейчас возбуждают уголовные дела. Конечно, подобные устрашающие факторы имеют место быть и в нашем регионе. После подобных репрессий любые протестные акции «сдуваются». Поэтому я всегда заявляю на всех акциях и собраниях, что нужно быть максимально осторожным в своих действиях и высказываниях. Люди сейчас крайне запуганы, у нас отняли права на управление своим городом, районом, селом, своим домом, отняли право принимать решение по основным вопросам жизнедеятельности страны. Нас лишили право на независимые суды, независимые СМИ, на нормальное жилье, на нормальные дороги. О каком протестном движении может идти речь в подобных условиях?» [9].

Однако, как отмечает С. Наумкин, региональные особенности «структуры политических возможностей» тоже очень важны, и они, в целом, в Республике Башкортостан не очень благоприятны для развития протестных акций. В частности, он говорит: «К сожалению, уровень свободы слова в нашем регионе просто никудышный, корреспонденты получают мизерную зарплату, их руководители задают, что можно говорить, что нельзя, это же относится и к нашим основным каналам, БСТ, «ВСЯ УФА». Как правило, СМИ говорят о небольших, устранимых недостатках, никогда не ругают политическое руководство, и даже серьезное воровство, которое к политике особого отношения и не имеет, у нас замалчивается. Цензура в нашем регионе, безусловно, присутствует, и по-настоящему честных блогеров или журналистов крайне мало. Также это связано с высоким уровнем репрессий за «инакомыслие». Также проблема в том, что выстроенная при Рахимове клановая система сегодня переиначена и еще более усилена, депутаты на выборах отбираются по принципу лояльности существующей власти, а далее фактически по списку вышестоящего руководства. Прделана огромная работа по ограничению любых оппозиционных движений, в первую очередь, в сфере финансов. Даже простая регистрация депутатов на выборах от какой-либо оппозиционной партии

– это целая проблема, так как создан целый ряд ограничений, таких как сбор тысячи подписей и т.д. Протестного движения при такой системе естественно быть не может, так как все оппозиционные партии «удушены» через ограничение их финансирования, потому что бизнесмены просто боятся их финансировать»[9].

Специалист по работе с болельщиками футбольного клуба «Уфа» Андрей Коленченко тоже обращает внимание на роль репрессивных мер со стороны силовых органов власти, которые ограничивают расширение протестных акций или просто не дают им родиться: «Протестное движение в нашем регионе можно охарактеризовать как достаточно немногочисленное и разношерстное явление. В нем можно увидеть как представителей анархических леворадикальных движений, так и умеренных либералов. Самое интересное, что любой социально значимый повод представители данных движений пытаются использовать по максимуму, так как этих самых поводов в нашей республике не так уж и много. Одна из причин немногочисленности протестной активности – это работа наших органов правопорядка, они быстро вычисляют лидеров и проводят с ними так называемые «профилактические беседы», и за счет этого достигается стабильность политической обстановки в регионе. В пример можно привести движение «За честные выборы», которое было популярно в 2012 г. Я помню, что тогда удалось собрать достаточно многочисленный митинг в районе трех тысяч человек, но весь тогдашний протестный потенциал был «задушен» правоохранительными органами. Также можно отметить ситуацию с нашими местными башкирскими националистами, которые очень ярко заявляют о себе в Интернете, но ни одну их массовую публичную акцию я припомнить не могу. Это тоже все связано с тем, что они под жестким контролем у спецслужб» [5].

Однако не только репрессивные меры со стороны власти способствуют сокращению протестных акций. Как признают участники протестных движений, власти часто вполне эффективно действуют и другими способами, которые также являются значимыми ограничителями расширения протестных действий. Так, П. Ксенофонтов указывает на стратегию «разделяй и властвуй», которая оказалась эффективной в борьбе с движением против строительства завода «Кроношпан»: «Я считаю, что властные структуры очень здорово отработали. Мне известно, что была создана команда по противодействию нам, и в январе нас разделили на два лагеря, подняв внутренние противоречия наружу, создавались фейковые акаунты в социальных сетях, которые занимались критикой и провокациями в наш адрес. Далее вокруг нашего движения начали раздувать всевозможные скандалы, после чего нас начали забрасывать всевозможными исками, их было около десяти, из-за этого я был очень сильно занят в судах и не мог заниматься организационной деятельностью» [10]. Е. Давыдов (движение «Стопкроношпан») тоже указывает на роль стратегических действий власти, которые с помощью тактики «кнута и

пряника» успешно сокращали потенциал протестной активности: «Также сыграло роль то, что власти в некоторых моментах пошли на уступки, заложили дороги, построили школы и медицинские учреждения, многим этого показалось достаточно. Я считаю, что уступки со стороны власти, плюс репрессии в комплексе дали желаемый результат для властей, а по поводу раскола, у него были сугубо внутренние причины, и власти не имеют к этому никакого отношения» [8].

Коллективное действие. В понимании Ч. Тилли «коллективное действие» состоит из четырех предыдущих компонентов и является результирующим итогом. Он считает, что успешное коллективное действие невозможно, если один из компонентов отсутствует, так как оно является результатом их комбинации. Это подтверждается нашим частным случаем. В Республике Башкортостан и по сей день существует достаточное количество проблем, благодаря которым поддерживается интерес к протестной активности. Однако другие факторы, такие как слабость оппозиционных организаций, недостаточная степень мобилизации и неблагоприятный политический климат не дают протестному потенциалу полностью себя реализовать, поэтому в Республике Башкортостан в 2008–2012 гг. отмечается более низкая протестная активность, чем в таких регионах, как Пермский край и Тюменская область.

* * *

В ходе проведенного исследования выявлено, что население в Республике Башкортостан имеет гораздо меньшую политическую активность по сравнению с населением двух соседних регионов: Пермским краем и Тюменской областью. Безусловно, в Республике Башкортостан существует множество вопросов и проблем, которые не устраивают население, так же как и в соседних регионах, но жители Башкирии гораздо менее склонны выражать свое недовольство публично, чем в соседних регионах. Это может быть связано с несколькими факторами. В первую очередь, стоит отметить слабость основных протестных акторов региона. Вторым фактором является недостаточная мобилизация. Третьим фактором, оказавшим влияние на развитие протестного движения в регионе, является «структура политических возможностей». Рассматривая все факторы в целом, стоит отметить, что протестный потенциал в Республике Башкортостан в период с 2008 по 2012 гг. был не меньше, чем в соседних регионах, однако по указанным причинам его не удалось реализовать.

Библиографический список

1. Бишшева Г. «Конец света». За что башкирского публициста отправили в колонию строгого режима. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://proufu.ru/news/novosti/society/konets_sveta_za_chno_bashkirskogo_publitsista_otp

- ravili_v_koloniyu_strogogo_rezhima/ (дата обращения: 03.09.2017). [Biisheva G. "The End of the World". Why the Bashkir publicist was sent to a colony of strict regime. 2015. Available at: https://proufu.ru/news/novosti/society/konets_sveta_za_chno_bashkirskogo_publitsista_otpravili_v_koloniyu_strogogo_rezhima/ (accessed 03.09.2017)].
2. Гревингхольт Й. Республика Башкортостан: через государственный суверенитет к авторитарному режиму. Уфа, 2004. [Grävingholt J. Republic of Bashkortostan: through the state sovereignty to the authoritarian regime. Ufa, 2004].
 3. Зайнулин Д. Антикронотпан. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/i1pWKF> (дата обращения: 03.09.2017). [Zaynulin D. AntiKronotpan. 2014. Available at: <https://goo.gl/i1pWKF> (accessed 03.09.2017)].
 4. Интервью автора с А. Кузнецовой от 21.12.16 // Архив автора. [Author's interview with A. Kuznetsova of 21.12.16 // Author's archive].
 5. Интервью автора с А. Коленченко от 20.06.16 // Архив автора. [Author's interview with A. Kolenchenko of 20.06.16 // Author's archive].
 6. Интервью с В. Золотаревым от 12.03.2016. // Архив автора. [Author's interview with V. Zolotarev of 12.03.2016 // Author's archive].
 7. Интервью автора с В. Рябовым от 4.03.16 // Архив автора. [Author's interview with V. Ryabov of 04.03.16 // Author's archive].
 8. Интервью автора с Е. Давыдовым от 23.11.16 // Архив автора. [Author's interview with E. Davydov of 23.11.16 // Author's archive].
 9. Интервью автора с С. Наумкиным от 29.03.16 // Архив автора. [Author's interview with S. Naumkin of 29.03.16 // Author's archive].
 10. Интервью автора с П. Ксенофоновым от 23.11.16 // Архив автора. [Author's interview with P. Ksenofontov of 23.11.16 // Author's archive].
 11. Семенов А., Лобанова О. Ю. Как люди и организации требуют изменений: Исследование репертуара протестных действий в Тюмени // Мониторинг общественного мнения. № 6 (118). Ноябрь-декабрь 2013. С. 30–38. [Semenov A., Lobanova O. Yu. How people and organizations require changes: Studying protest actions in Tyumen // The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2013. No. 6 (118). November-December. P. 30–38].
 12. Семенов А. От экономического кризиса к политическому? Динамика протестных требований в российских регионах (2008–2012 гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2016. Том 14. № 2. С. 151–160. [Semenov A. From economic crisis to political? Dynamics of protest demands in Russia (2008-2012) // The Journal of Social Policy Studies. 2016. Vol. 14. No. 2. P. 151–160].
 13. Лобанова О. Ю. От обывателей к активистам и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991–2015 гг. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/103/31.html> (дата обращения: 03.09.2017). [Lobanova O. Yu. From the philistines to the activists and back. Review of protest studies in Russia in 1991–2015. 2015. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2015/103/31.html> (accessed 03.09.2017)].

14. *Петров Н. В., Титков А. С.* Рейтинг демократичности регионов Московского Центра Карнеги: 10 лет в строю. М., 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (дата обращения: 03.09.2017). [Petrov N. V., Titkov A. S. Carnegie Moscow Center's democracy rating of Russian regions: 10 years in service. Moscow, 2013. Available at: http://carnegieendowment.org/files /CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed 03.09.2017)].
15. *C. Tilly.* From mobilization to revolution. London: Addison-Wesley, 1978.
16. *D. McAdam, R. J. Sampson, S. Weffer, H. MacIndoe.* There Will Be Fighting In The Streets: The Distorting Lens Of Social Movement Theory. 2005.
17. *D. McAdam, S. Tarrow, C. Tilly.* Dynamics of Contention. New York: Cambridge University Press. 2001.
18. *T. Kuran.* Now out of never. The elements of surprise in the East European revolution of 1898. World Politics. Vol. 44. No. 1 (Oct., 1991).

PROTEST ACTIVITIES OF THE POPULATION OF BASHKORTOSTAN IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

P. G. Krikunov

Postgraduate Student, Department of Political Science, Sociology and
Public Relations, Ufa State Oil Technical University

S. N. Shkel

Center for Comparative History and Politics Studies
Perm State University,
Ufa State Petroleum Technological University

The article analyzes the specific features of protest activities in the Republic of Bashkortostan in 2008-2015 in comparison with the neighboring Perm and Tyumen regions. Data analysis was conducted with the application of both quantitative and qualitative methods. To determine the dynamics of protest activities, event analysis was used on the basis of the Integrum program. This helped to make a conclusion about the relatively low intensity of protest actions in Bashkiria in comparison with the neighboring regions. To explain this, the qualitative method was used in the form of informal interviews with civil activists and politicians of the region. Using the analytical framework of C. Tilly, the author concludes that the main factors limiting the development of protest activities in the Republic of Bashkortostan are the weakness of the opposition's organizational and resource base, the lack of mobilization, the ambiguity of the structure of political opportunities, and the volatility of political cycles.

Keywords: event analysis; political protest; mobilization; political crisis; Republic of Bashkortostan.

УДК-172.3

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-55-64

**«ТРАДИЦИОННЫЕ» И «НЕТРАДИЦИОННЫЕ» РЕЛИГИИ:
ВОПРОСЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

К. Г. Соколовский¹

В статье рассматриваются особенности системы государственно-конфессиональных отношений Республики Казахстан. Показаны особенности конфессионального поля, положение ислама и православия как ключевых религий, а также принципы взаимодействия государства с действующими в стране деноминациями. В данном контексте проанализирована специфика «традиционной» и «нетрадиционной» религиозности, критерии её разграничения, характер взаимоотношений с государством и перспективы дальнейшего развития диалога религий.

Ключевые слова: Казахстан; государственно-конфессиональные отношения; религия; традиционная религия; нетрадиционная религиозность; религиозная самоидентификация.

Уникальность конфессионального поля Республики Казахстан заключается в высокой полиэтничности населения и, как следствие, широкой палитре представленных в стране религий. Итоги последней переписи населения показали, что в Казахстане проживают представители 125 национальностей, исповедующие 46 религий [5, 20]. При этом 70,2% граждан отождествляют себя с исламом, а 26,3% считают себя православными [5, 25].

Характерно, что за прошедшие с момента распада Союза ССР годы в республике не было отмечено ни одного значимого конфликта на религиозной почве, что позволяет судить об эффективности проводимой государством политики и позитивном опыте мирного сосуществования религий. Вообще на территории современного Казахстана ключевые конфессии – ханафитский масхаб ислама и православие – представлены ориентировочно с первой половины V в. [13, 145]. Это свидетельствует об их бесконфликтном

¹ Соколовский Константин Геннадьевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных и технических дисциплин Гуманитарно-технической академии (Казахстан), член Конгресса религиоведов Казахстана. E-mail: k_sokolovskiy@fastmail.com.

взаимодействии на протяжении нескольких сотен лет, практике успешного диалога, толерантности, веротерпимости и, как показывают современные этнографические изыскания, инкультурации.

В то же время к 2010 г. стала очевидной необходимость кардинальной смены выстраивавшейся с момента обретения независимости системы государственно-конфессиональных отношений. Реформы начала 1990-х гг. в области свободы совести исходили из того, что религия является исключительно частным делом верующих, и государство не просто не вмешивается, но и *de facto* полностью дистанцируется от названной сферы общественных отношений. Слабая осведомлённость постсоветских граждан в вопросах веры на фоне дрящущегося экономического кризиса транзитного периода, духовного вакуума, пронизывавшего общество ощущения смыслоутраты, кризиса самоидентификации, «разорванного сознания» (в трактовке Бахтина) и активного поиска референтных групп создали условия некритичного восприятия экспансии религиозности, беспрецедентно активной проповеднической деятельности иностранных миссионеров. Данный период в казахстанском обществоведении традиционно характеризуется как кризисный. Е. Е. Бурова и Е. У. Байдаров справедливо замечают, что «практически отсутствовавший контроль со стороны государства... привёл к тому, что религиозные организации (в 1990-х гг. – К. С.) начинают умножаться и развиваться. Ситуация была пущена на самотёк...» [1, 12].

Рост числа адептов деструктивных сект и культов (прежде всего, исламской, христианской направленности), а также проникновение в Казахстан религиозной экстремистской идеологии стали причинами, побудившими власть начать выстраивание новой архитектуры государственно-конфессиональных отношений. Уже в 2011 г. был принят Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», ставший для Казахстана в некотором смысле революционным и позволивший упорядочить деятельность многочисленных религиозных общин. Фактически он сыграл роль нормативного выражения новой концепции отечественной модели межрелигиозного согласия, отрефлексирав реакцию общества на сложившуюся к тому моменту ситуацию с массовым распространением нетрадиционных движений. Социально-политический контекст общественного развития был перенесён в правовую плоскость, зафиксировав исторически традиционное для Казахстана и понятное государству *status quo*: при безусловном равенстве всех конфессий, конституционно закреплённом праве граждан исповедовать любую религию и отправлять желаемые религиозные обряды, несущей осью государственно-конфессиональных отношений выступают наиболее крупные духовные традиции – ислам и православие, по существу принявшие на себя ответственность за сохранение в стране межрелигиозной стабильности, мира и согласия. Остальные религии, не будучи ущемлёнными в правах, свободно действуют уже на этом базисе, взаимодействуя по своему усмотрению как

друг с другом, так и с государством. Такая схема оказалась действенной для поддержания межрелигиозного согласия в полиэтническом и многоконфессиональном Казахстане. При этом, по оценке видного политолога А.Г. Косиченко, «описанное взаимодействие не является статичным, заданным раз и навсегда: это, скорее, динамичная система, постоянно воспроизводящая и изменяющаяся в меняющихся условиях прогрессивного развития Казахстана» [6, 182].

Данный закон предполагал также обязательную перерегистрацию всех религиозных организаций Казахстана. Её итоги характеризуют ситуацию в целом: если к 2011 г. действовало 4 551 религиозное объединение, представляющее 46 конфессий и деноминаций, то после перерегистрации продолжили свою деятельность 3 088 религиозных объединений, представляющих 17 конфессий [14]. В их числе – 2 228 входящих в структуру Духовного управления мусульман Казахстана исламских общины, 271 общественное объединение, представляющее Русскую православную церковь (Московский патриархат), 79 католических приходов, 4 иудейских, 2 буддистских объединения, а также 462 протестантских церкви. Заметим здесь, что ряд религиозных общественных объединений не были перерегистрированы ввиду добровольного отказа от прохождения данной процедуры. Например, исходя из собственных вероучительных установок, соответствующие документы не представили общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов, а также Адвентистов седьмого дня.

Если мы обратимся к упомянутому Закону «О религиозной деятельности...», то в его преамбуле констатируется, что Республика Казахстан «признаёт историческую роль *ислама ханафитского направления и православного христианства* в развитии культуры и духовной жизни народа, уважает другие религии, сочетающиеся с духовным наследием народа Казахстана» [12]. Следует отметить, что декларируемый приоритет взаимоотношений государства с исламом и православием получает неоднозначные оценки со стороны ряда правозащитных организаций. Согласимся, что в такой формулировке преамбулы, безусловно, прослеживается инерция советской системы государственно-церковных отношений, предполагающей определение некоего идеологического (направляющего) фарватера в сферах общественной жизни с участием государства. С другой стороны, нужно понимать, что в Казахстане именно ислам и православие выражают духовные интересы (чаяния, запросы, настроения) более 90% верующего населения, и для государства очевидно невозможно игнорировать данное обстоятельство, выстраивая, в первую очередь, взаимодействие с названными конфессиями.

Здесь можно провести параллели с системой государственно-конфессиональных отношений России. А. А. Белькова для её пояснения использует

принцип условного договора («контракта»), на практике означающего, что «государство как агент получает лояльность и готовность религиозных организаций участвовать в мероприятиях, составляющих религиозную политику. Традиционные религиозные организации, в свою очередь, получают поддержку государства, возможность влиять на решения, принимаемые и законодательной, и исполнительной властью, а также некоторые материальные выгоды» [3, 149].

Обращают на себя внимание в связи с этой полемикой взгляды профессора политологии Университета Вашингтона Э. Джилла. В монографии «Политические истоки религиозной свободы» он предпринимает попытку обосновать необходимость участия государства в управлении религиозной сферой (что, разумеется, означает вторжение в область абсолюта свободы совести). Однако в качестве точки отсчёта американский исследователь принимает допущения об исключительной значимости религии как носителя культурной идентичности, а также высокой степени потенциальной конфликтности при взаимодействии религиозных организаций в поликонфессиональном обществе [16, 47], что в интересах общества же не может быть оставлено без внимания Правительства.

Для настоящей работы процитированная часть преамбулы Закона важна ещё тем, что, как представляется, именно здесь законодатель фактически устанавливает критерии «традиционности» той или иной религиозной традиции, задающих вектор её взаимоотношений с официальной властью. Тем самым задаётся ориентир на поддержку ценностей, проповедуемых исламом и христианством, то есть, тех, которые принято называть гуманистическими, общечеловеческими, традиционными, нравственными, консервативными – «символическими истинами», как их охарактеризовал Ф. фон Хайек [15]. С другой стороны, данная норма не означает дискриминацию иных конфессий либо исключительный приоритет ислама и православия, даже в сравнении с прошедшими регистрацию нетрадиционными религиями, чьи права обычно и являются предметом особого внимания правозащитников.

Нельзя не отметить, что за последние годы в отношении НРД у населения сформировались уверенные негативные и нейтрально-негативные образы. Особенно это касается религиозных организаций, проповедующих «чистое» прочтение ислама, а также взгляды, расцениваемые РПЦ (МП) как сектантские. Так, исследования профессора Д. Нама из Университета Среднего Запада (США) показали консервативный настрой казахстанцев и достаточно критичное отношение населения к ним. Более того, социологические замеры явно обозначают запрос общества на ограничение государством деятельности нетрадиционных религий [9]. К аналогичным выводам приходит и отечественный исследователь Е. Ж. Назарбаев [7].

Несмотря на это, Закон избегает таких терминов, как «тоталитарная секта», «новые религиозные движения», «культы», «деструктивные духовные практики» и др., которые могут нести нежелательную для самих организаций оценочную характеристику, негативную смысловую нагрузку. В этой связи закономерен вопрос: какие религии «традиционные», а какие «нетрадиционные»? Традиционными принято считать ханафитский мазхаб суннитского ислама и православное христианство. Кроме того, к данной категории можно отнести узнаваемые для жителей страны конфессии, исповедуемые, как правило, значимыми по численности этническими общностями – католицизм, иудаизм, буддизм, отчасти протестантизм. Критерии здесь понятны – «этничность» религии, её укоренённость в культуре того или иного народа; длительный период присутствия на территории современного Казахстана; проповедь общечеловеческих идеалов; консервативность учения, его узнаваемость и позитивное восприятие населением; отказ от противопоставления общины государству, охраняемым им ценностям и проводимой идеологии. В общих чертах, традиционные религии – это, согласимся с предложенным С. Б. Васильевой определением, «религиозные комплексы, сохранившиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определенной территории, среди определенного этноса и общности людей» [4, 5].

В свою очередь, определение критериев нетрадиционных религий в современной науке, как известно, является дискуссионным и широко обсуждаемым вопросом. Заметим здесь, что расширение либо, напротив, рестрикция круга таковых, думается, нередко зависит также от степени ортодоксальности самого исследователя. Крупнейший британский специалист в области нетрадиционных религий А. Баркер, дополняя профессора Б. Вильсона, называет следующие характерные для них черты: «экзотическое происхождение; новый культурный стиль жизни; степень вовлечённости в движение, значительно отличающаяся от степени вовлечённости в жизнь традиционной деноминации; харизматический лидер; последователи – преимущественно молодые люди из образованных и обеспеченных слоев общества; необычность, привлекающая общественное внимание; деятельность на международном уровне; время возникновения – последние полтора десятилетия» [2, 5]. Исходя из опыта Казахстана, можно дополнить данный перечень отсутствием культурно-генетической связи нетрадиционных религий с той или иной национальной общностью, непродолжительный период присутствия на конфессиональном поле, а также активное привлечение адептов за счёт агрессивной миссионерской деятельности. Наряду с этим отметим, что получивший широкое распространение такой критерий, как малая численность адептов, не показывает себя в достаточной степени релевантным, поскольку многие не-

традиционные религии (например, салафиты, Свидетели Иеговы и др.) имеют именно значительное количество последователей.

В целом, согласимся с В.К. Трофимчуком, который следующим образом разграничил традиционные и нетрадиционные религии: «Под традиционными религиями мы понимаем религиозные образования, сохраняющиеся на протяжении длительного времени и передающиеся последующим поколениям на определенной территории, среди определенного этноса или общности людей. Они возрождаются и развиваются в рамках их этнических или государственных границ. Традиционные религии глубоко укоренены в быту, системе праздников и обрядов, мифологии, типе и способе мышления, культуре, психологии. Под «нетрадиционными религиями» подразумеваются религиозные комплексы, которые исторически не унаследованы от прошедших эпох определенным этносом, не свойственны его религиозной духовности, не укоренились в быту, культуре, а распространились в результате миссионерской деятельности проповедников с их исторической родины или созданы отдельной личностью» [11, 18].

В то же время, представляется важным рассматривать критерий «традиционности-нетрадиционности» не только в контексте национально-территориальных характеристик, но и культурно-исторической значимости конкретной деноминации. Например, христианство будет признаваться традиционной религией не только в Европе, но и в Центральной Азии, равно как и ислам – в Латинской Америке. В то же время, объединяющая по разным данным до 15 млн последователей появившаяся в США Церковь Иисуса Христа последних дней (мормоны) в подавляющем большинстве стран мира будет рассматриваться как нетрадиционная религия.

В программном Послании Президента народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050» – новый политический курс состоявшегося государства», определивший стратегию развития страны на ближайшие десятилетия, Н.А. Назарбаев, обозначая своё видение религии в XXI в., подчёркивает: «Необходимо жёстко пресекать деятельность нетрадиционных сект и сомнительных псевдорелигиозных течений. Нам нужно усилить профилактику религиозного экстремизма в обществе, особенно в молодёжной среде» [8, 80]. Сказанное, конечно же, относится к религиозным структурам, чья деятельность подрывает духовную безопасность социума. Не вызывает сомнения, что нетрадиционные религии способны дестабилизировать ситуацию и представляют ввиду этого потенциальную угрозу. Кроме того, их активная миссионерская деятельность и распространение духовных учений, чуждых казахстанской мультикультурной палитре, нарушают складывавшееся столетиями межконфессиональное равновесие.

Однако излишние алармистские настроения в отношении таковых всё же представляются контрпродуктивными. Например, итальянские исследова-

тели Ф. Брольо, Ч. Мирабелли и Ф. Онида по результатам проведённых исследований приводят небезынтересную статистику. Так, из 20 000 изученных ими распространённых в Европе нетрадиционных религий только 200 были отнесены ими к «зоне риска» [10, 285].

В Казахстане приверженцы как традиционных, так и зарегистрированных нетрадиционных религий одинаково находятся под защитой Конституции, где в п. 2 ст. 3 закреплено: «Религиозные объединения и граждане Республики Казахстан, иностранцы и лица без гражданства независимо от отношения к религии равны перед законом», а п. 3 этой же статьи провозглашает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Тем самым, все зарегистрированные религиозные организации, исповедующие традиционные и нетрадиционные учения, имеют равные права и обязанности, в равной степени обладают доступом к социальным благам, несут ответственность за совершаемые деяния. Правила просветительской, благотворительной деятельности, строительства культовых зданий и сооружений, порядок государственной регистрации и т.д. также едины для всех конфессий. Тем самым, в Казахстане сформировано общее правовое поле деятельности таковых.

Нетрадиционные религии, в силу объективных причин (небольшая паства, ограниченные финансовые возможности, необходимость экспертизы вероучительных доктрин и т.д.), очевидно, испытывают большие затруднения при прохождении, например, процедуры регистрации. Однако формальности эти понятны и вызваны, прежде всего, необходимостью защиты интересов национальной безопасности, а также здоровья, нравственности, иных прав и свобод граждан Казахстана. К тому же, представителями гражданского сектора в СМИ и на различного рода общественных площадках регулярно, особенно в свете активной вербовочной деятельности, запрещённой в судебном порядке ДАИШ (ИГИЛ) и терактах в различных странах мира, поднимается вопрос ужесточения процедуры регистрации религиозных объединений. Наиболее частое предложение – установление так называемого «ценза присутствия», предполагающего регистрацию только тех общин, для которых территория современного Казахстана является канонической в течение определённого периода времени.

Закреплённая Законом 2011 г. модель государственно-конфессиональных отношений позволяет государству обеспечивать равноправие всех субъектов религиозных отношений, взаимодействовать как с традиционными, так и с нетрадиционными религиозными структурами, организовывать и модерировать межконфессиональный диалог, а также защищать воспринятые казахстанским обществом культурные и духовные ценности. Так или иначе, мирное сосуществование традиционных и нетрадиционных религий и многоконфессиональном обществе возможно лишь на условиях веротерпимости, толерантности и взаимодействия.

Библиографический список

1. Байдаров Е. У., Булова Е. Е., Косиченко А. Г. Светская модель государства в контексте государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан // Актуальные вопросы государственно-конфессиональных отношений в Республике Казахстан / отв. ред. З. К. Шаукенова. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2012. 72 с. [Baydarov E. U., Burova E. E., Kosichenko A. G. The secular model of the state in the context of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan // Current issues of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan. Ed. by Z.K. Shaukenova. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2012. 72 p.].
2. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб: Изд-во РХГИ, 1997. 282 с. [Barker E. New Religious Movements: A Practical Introduction. St. Petersburg, Russian Christian Institute for the Humanities Publ., 1997. 282 p.].
3. Белькова А. А. Институты государственного регулирования религии в постсоветской Бурятии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 146–156. [Bel'kova A. A. Institutes of State Regulation of Religion in Post-Soviet Buryatia // Review of Political Science. 2014. No. 1. P. 146-156.].
4. Васильева С. Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 3–8. [Vasil'eva S. B. Traditional and nonconventional religiousness in the modern world // The Buryat State University Bulletin. 2010. No. 8. P. 3-8.].
5. Итоги национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года: аналитический отчет Агентства Республики Казахстан по статистике / отв. ред. А. А. Смаилов Астана: АстанаБланкИздат, 2011. 65 с. [Results of the National Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009. Analytical report of the Agency of the Republic of Kazakhstan on Statistics. Ed. by A. A. Smailov. Astana, AstanaBlankIzdat Publ., 2011. 65 p.].
6. Косиченко А. Г. Религия: сущность и актуальные проблемы. Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2012. 220 с. [Kosichenko A. G. Religion: the essence and current problems. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2012. 220 p.].
7. Назарбаев Е. Ж. Основные тенденции развития межконфессиональных отношений в современном Казахстане // Сайт «Казахстанского института стратегических исследований». URL: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/osnovnye-tendencii-razvitiya-mezhkonfessionalnyh-otnos> (дата обращения: 29.07.2017). [Nazarbayev E. Zh. The main

- tendencies in the development of interfaith relations in the modern Kazakhstan // The site of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies. Available at: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/osnovnyie-tendencii-razvitiya-mezhkonfessional-nyh-otnos> (accessed 29.07.2017)].
8. Назарбаев Н. А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстан-2050: Новый политический курс состоявшегося государства». Астана: Институт евразийской интеграции. 2012. 89 с. [*Nazarbayev N. A. State-of-the-Nation Address by President of Kazakhstan "Kazakhstan's way – 2050: Common aim, common interests, common future. Astana, Institute for Eurasian Integration Publ., 2012. 89 p.*].
 9. Нам Д. Новые религиозные движения и их влияние на национальную и государственную идентичность современного Казахстана // Портал правовой информации «Закон». URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30951074#pos=0;0 (дата обращения: 29.07.2017). [*Nam D. New religious movements and their influence on the national and state identity of modern Kazakhstan // Portal of the law information "Law". Available at: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30951074#pos=0;0. (accessed 29.07.2017)*].
 10. Брوليو Ф. М., Мирабелли Ч., Онида Ф. Религии и юридические системы. Введение в сравнительное церковное право. М., 2008. 37 с. [*Broglio F.M., Mirabelli C., Onida F. Religioni e sistemi giuridici. Introduzione al diritto ecclesiastico comparato. Moscow, St. Andrew's Biblical Theological Institute Publ., 2008. 37 p.*].
 11. Новые религиозные культы, движения, организации в России / отв. ред. Н. А. Трофимчук. М., РАГС, 1998. 346 с. [*New religious cults, movements, organizations in Russia. Ed. by N.A. Trofimchuk. Moscow, RANERA Publ., 1998. 346 p.*].
 12. О религиозной деятельности и религиозных объединениях: Закон Республики Казахстан от 11 октября 2011 г. № 483-IV // Портал правовой информации «Закон». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=0;0 (дата обращения: 29.07.2017) [*On religious activities and religious associations. Law of the Republic of Kazakhstan No. 483-IV of 11.10.2011 // Portal of legal information "Law". Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31067690#pos=0;0. (accessed 29.07.2017)*].
 13. Орынбеков М. С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. 204 с. [*Orynbekov M. S. Genesis of religiosity in Kazakhstan. Almaty, Institute of Philosophy, Political Sciences and Religious Studies of Committee Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2013. 204 p. (accessed 27.07.2017)*].
 14. Сексембаева С. Количество религиозных объединений Казахстана после перерегистрации сократилось более чем на тысячу // *Zakon.kz*: информационное агентство. 2012. 15 ноября. URL: <http://www.zakon.kz/4524612->

- kolichestvo-religioznykh-obedinenijj.html (дата обращения: 29.07.2017). [Seksembayeva S. After re-registration, the number of religious associations of Kazakhstan has decreased by more than a thousand. // Portal of legal information "Law". Available at: <http://www.zakon.kz/4524612-kolichestvo-religioznykh-obedinenijj.html>. (accessed 29.07.2017)].
15. *Хайек фон Ф.* Пагубная самонадеянность // Библиотека Юрия Павленко. Избранные произведения выдающихся писателей. URL: <http://intelligence.arbat.name/?p=310&page=9> (дата обращения: 29.07.2017). [*Hayek F.* The Fatal Conceit: The Errors of Socialism // The Site "Yuriy Pavlenko's library. Selected works of outstanding writers". Available at: <http://intelligence.arbat.name/?p=310&page=9>. (accessed 29.07.2017)].
16. *Gill A.* The Political Origins of Religious Liberty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 264 p.

**"TRADITIONAL" AND "NON-TRADITIONAL" RELIGIONS:
POSITIONING IN THE SYSTEM OF STATE-CONFESSIONAL
RELATIONS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

K. G. Sokolovskiy

Candidate of Juridical Sciences, Senior Lecturer, Department of General and Technical Disciplines, Humanitarian and Technical Academy, Kazakhstan

The article considers the specific features of the system of state-confessional relations in the Republic of Kazakhstan. It displays the peculiarities of the confessional field, the position of Islam and Orthodoxy as key religions, as well as the principles of interaction of the state with the denominations operating in the country. In this context, the specificity of "traditional" and "non-traditional" religiosity, the criteria for its differentiation, the nature of the relationship with the state, and the prospects for further development of the dialogue of religions are analyzed.

Keywords: Kazakhstan; state-confessional relations; religion; traditional religion; non-traditional religiosity; religious self-identification.

УДК-070:004.738.5(476)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-65-74

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ОТКРЫТОСТЬ, МНОЖЕСТВЕННОСТЬ:
МЕДИЙНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

С. В. Венидиктов¹

Информационные системы государств ЕАЭС рассматриваются с позиции их соответствия базовым принципам функционирования эффективной медиакоммуникационной системы. Общие характеристики евроазиатских государственно-коммерческой, догоняющей, патерналистской моделей анализируются на примере отдельных государств ЕАЭС в трех направлениях: общее состояние медийной сферы, экономическая составляющая деятельности СМИ, открытость информационного пространства. Автор приходит к выводу, что различия в медийных моделях стран ЕАЭС не имеют взаимоисключающего характера, что создает перспективы для координации информационной и правовой инфраструктуры государств-партнеров.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; интеграция; СМИ; медийная модель; коммуникация.

Вопрос о влиянии информационно-коммуникационного фактора на взаимодействие Армении, Беларуси, России, Казахстана и Кыргызстана как участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) актуализировался в связи с нарастанием противоречий в интеграционных процессах. Например, кризис в белорусско-российских отношениях рубежа 2016–2017 гг. (разногласия в поставках продовольственных товаров из Беларуси в Россию, споры из-за цен на энергоносители и др.) в различной тональности был отражен в СМИ государств-партнеров. При этом ситуация ясно продемонстрировала: информационный фон в проблемных отношениях евразийских государств двустороннего формата фундаментально влияет на многосторонние интеграционные процессы. Согласованное развитие медиасфер государств и регионов в перспективе способно привести к формированию единого информационного пространства Союза, которое в условиях информатизации мировой политики становится ведущим фактором и важнейшим индикатором эффек-

¹ Венидиктов Сергей Викторович – кандидат филологических наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. E-mail: venidiktov@institutemvd.by.

© Венидиктов С. В., 2018

тивности интеграционных процессов. Однако на политическом уровне не до конца осознан потенциал координации национальных моделей СМИ, повышения информационной устойчивости Союза. В этой связи перспективным направлением нам представляется исследование медиасфер государств ЕАЭС с позиции их соответствия принципам функционирования эффективной медиа-коммуникационной системы.

Согласно концепции Е.Л. Вартановой, в государствах ЕАЭС реализуются три медийные модели: 1) евроазиатская государственно-коммерческая модель, характерная для России и предопределяющая смешанную форму собственности на СМИ, вмешательство государства в их деятельность; 2) евроазиатская догоняющая модель, типичная для Армении и характеризующаяся невысоким экономическим и технологическим уровнем, неустойчивостью рыночных механизмов функционирования СМИ и противоречивой медиаполитикой; 3) евроазиатская патерналистская модель, которая описывает ситуацию в медиапространстве Казахстана, Беларуси и Кыргызстана и предопределяет доминирование государственных структур и ограниченное влияние рыночных механизмов на деятельность СМИ [1]. В основе данной концепции – теоретические положения Д. Халлина и П. Манчини, которые приводят основные переменные, предопределяющие различия в медийных системах: тип государства, деятельность политических партий, формы взаимодействия экономической и политической сфер, развитие элементов социальной структуры [10, 8]. Рассмотрим общие характеристики каждой из приведенных медийных моделей на примере отдельных государств ЕАЭС в трех направлениях: а) общее состояние медиасферы; б) анализ экономической составляющей деятельности СМИ; в) открытость информационного пространства.

В России (евроазиатская государственно-коммерческая модель) зарегистрировано более 83,5 тыс. СМИ (около 90 % из них – негосударственные), функционируют более 9,5 тыс. интернет-СМИ, 26 тыс. газет, 32 тыс. журналов. Наиболее востребованным СМИ традиционно остается телевидение: федеральные каналы являются важным источником информации для 98 % населения, региональные – для 88 %. Печатным СМИ доверяют около 70 % россиян, Интернету – около 60 %. Зарубежные СМИ пользуются относительно невысокой популярностью: к ним регулярно обращается лишь каждый четвертый россиянин. Согласно опросам, для половины населения страны телевидение является единственным источником информации: более 40 % редко читают новости в Интернете, более 50 % не слушают новостных программ на радио, а 60 % не читают газет [2]. Структурно медиасистема России включает в себя четыре уровня: федеральный, межрегиональный, региональный, сетевой, что отличает ее от других участников ЕАЭС. Функционируют

19 федеральных (национальных) телеканалов. Федеральный общедоступный канал «Общественное телевидение России» (ОТР), функционирующий с 2013 г., позиционируется как средство для открытого взаимодействия власти и граждан. Необходимо отметить, что общественное телевидение, не контролируемое государством, существует в Армении, развивается в Кыргызстане, но отсутствует в иных государствах ЕАЭС. В то же время опыт европейского взаимодействия, а также деятельность межгосударственных СМИ в СНГ и Союзе Беларуси и России, показывают, что именно общественное вещание обладает наибольшим интеграционным потенциалом в межгосударственных структурах.

В Армении (евроазиатская догоняющая модель) отмечается доминирование телевидения в качестве источника общественно-политической информации, действует 13 столичных и 26 региональных каналов, ретранслируются российские каналы, американский CNN. Для большей части населения доступно вещание с территории Турции и Ирана. Из 7 крупнейших телеканалов страны 5 являются частными («Армения», «Еркир-медиа», «Кентрон», Второй армянский телеканал и «Шант»), 2 – общественными (Первый канал общественного телевидения Армении и «Шогакат»). Печатные СМИ стремительно теряют аудиторию: согласно некоторым данным, регулярно читают прессу лишь 5% граждан Армении. Половина крупных газет в стране отождествляют свою информационную политику с программой той или иной политической партии, что ведет к ослаблению позиций качественной периодики. Доминирование частных СМИ в медиапространстве Армении обуславливает негативное отношение официальных лиц к журналистам. При этом эксперты отмечают парадокс: незначительное количество действительно независимых от власти и от капитала информационных ресурсов, а также недостаток глубокой аналитики в материалах. Исследование «Состояние медийной отрасли в Армении» показало, что подавляющее большинство медиа-экспертов и журналистов считают, что многие СМИ вынуждены становиться на путь самоцензуры в результате давления со стороны властей.

Медийные системы Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, отнесенные к евроазиатской патерналистской модели, имеют ряд существенных различий. В Беларуси действуют около 1,6 тыс. печатных изданий (из них около 70 % – негосударственные), 9 информационных агентств, 273 теле- и радиопрограммы (189 государственных, 84 негосударственные) [5]. Наиболее динамичный сегмент составляют сетевые СМИ: в зоне «Байнета» функционируют более 300 сайтов печатных СМИ, около 300 ресурсов интернет-изданий, 51 сайт радио и 33 – телевидения [7]. Лидирующее положение в информационном пространстве республики занимает государственное телерадиовещание, что объясняется наличием финансовой и правовой поддержки. Телеви-

дение, представленное 8 общенациональными каналами, доминирует как источник массово-политической информации в медиасфере Беларуси. В «социальном» телевизионном пакете присутствуют каналы «НТВ–Беларусь» и «Россия–Беларусь», транслируемые на основании концепции, сетки вещания и программного продукта российских телеканалов «НТВ» и «Россия», а также межгосударственный телеканал «МИР».

В Казахстане функционирует более 2,7 тыс. СМИ, из которых государственными являются около 15 %. Большая часть медиа представлена печатными СМИ – около 90 % (1,4 тыс. газет и 0,5 тыс. журналов), 9,5 % составляют электронные СМИ (95 телекомпаний, 58 радиокompаний, 146 операторов кабельного телевидения, 8 операторов спутникового вещания). В стране действуют 65 информационных агентств [4]. 13 телеканалов входят в перечень информационных ресурсов обязательного общенационального распространения и находятся в свободном доступе («Казахстан», «Kazakh TV», «Хабар», «24 kz», «Astana TV» и др.). Устойчивые позиции на рынке занимают российские СМИ, которые представляют собой центры информационного доминирования в государстве. Русскоязычные СМИ в Казахстане имеют высокий аудиторный рейтинг, пользуются поддержкой центральной и региональной власти. С 2016 г. введено квотирование русскоязычных СМИ на уровне 50–60 %, с 2017 г. квота составляет менее 50 % (в целом, ограничивается вещание на иностранных языках). Сейчас в Казахстане вещают 3 телеканала, являющихся адаптированными версиями российских: 31 канал (СТС), Первый канал «Евразия», НТК, – а также канал СНГ «МИР».

В Кыргызстане зарегистрировано более 1,5 тыс. СМИ, среди которых 159 газет, 25 телеканалов и 26 радиостанций. Подавляющее большинство медиа, наряду с национальным, использует русский язык. Однако в стране (впрочем, как и в Армении) аудитория информационно-аналитических русскоязычных СМИ представлена в основном интеллигенцией старшей возрастной группы, которая составляет аудиторное меньшинство. Примечательно, что в начале 2016 г. Министерство культуры, информации и туризма Кыргызстана начало обсуждение проекта соглашения с правительством России о сотрудничестве в области массовых коммуникаций с целью укрепления взаимодействия в рамках ЕАЭС [3]. Однако проект был снят с обсуждения, что, на наш взгляд, закономерно: уравнивание в правах СМИ Кыргызстана и России, изначально не сопоставимых в технологическом, финансовом и профессиональном отношении, чревато утратой общественного влияния национальными медиа. В сфере законодательного регулирования деятельности СМИ Кыргызстана также существует практика перенимания и адаптации российского опыта, что, по мнению экспертов, не всегда отвечает специфике национальной медиасреды. Крупнейшая телерадиовещательная корпорация в

стране – «Общественная телерадиовещательная корпорация Кыргызской Республики» (ОТРК) – во многом переняла российскую модель общественного вещания.

Таким образом, общими характеристиками медиапространства государств ЕАЭС, предопределяющими возможные направления координации их деятельности, являются: 1) устойчивая позиция государственных СМИ; 2) значительный авторитет местных СМИ в сравнении с зарубежными; 3) доминирование телевидения как источника социально-политической информации; 4) утрата традиционного влияния радиовещанием и печатными СМИ; 5) рост значения Интернета как канала коммуникации; 6) стабильное присутствие русскоязычных медиа.

Анализ медиасистем, входящих в информационное поле ЕАЭС, свидетельствует о наличии расхождений и в экономических моделях. На данном этапе для медиасистемы России характерны: сложная структура, включающая около 90 региональных медиарынков (информационная интеграция необходима и отдельно взятому российскому медиарынку в составе рынка ЕАЭС); обусловленность развития состоянием рекламного рынка; коммерциализация телевидения и политизация печатных СМИ; гетерогенность территориально разрозненных медиа. Основные электронные и печатные СМИ, предопределяющие информационную политику государства, контролируются властью либо крупными корпорациями. С 2014 г. медиарынок России испытывает на себе последствия экономического кризиса и введения санкций со стороны ЕС; рекламные доходы телевидения упали на 19 %, прессы – на 25 %, что особенно сказалось на независимых медиа. В 2015 г. из бюджета России было выделено около 398 млн руб. субсидий для поддержки социальных проектов в печатных СМИ (83 млн руб. – для национальной прессы, 270 млн руб. – для региональной и местной прессы).

В Армении лишь немногие СМИ характеризуются эффективностью экономической деятельности, управленческие и кадровые функции зачастую выполняют сами журналисты. Изначально многие медиа были созданы с ориентацией не на коммерческую эффективность, а на достижение политических и иных целей. Средний тираж печатных СМИ в Армении составляет 2–3 тыс. экземпляров, что составляет менее 10% необходимого для самоокупаемости [11]. С внесением изменений в законодательство о СМИ в 2015 г. общественные СМИ лишены возможности размещать рекламу (исключение составляет социальная и коммерческая реклама в образовательных, культурных, научных и спортивных программах). Независимая региональная пресса, а также издания национальных меньшинств имеют право на получение государственных субсидий.

Рыночные механизмы функционирования СМИ в Беларуси до конца не сформированы, в связи с чем медиасектор также нельзя отнести к числу эффективно функционирующих. Статистические данные относительно финансовых показателей государственных СМИ в открытом доступе отсутствуют. В условиях неустойчивости экономики даже среднесрочный прогноз для рекламного рынка не представляется возможным. Объем рекламы в СМИ ограничен законом: до 30 % в прессе (25 % в государственных изданиях) и 20 % в телерадиоэфире (30 % в праймтайм).

Резкое падение курса национальной валюты Казахстана в 2015 г. привело к необходимости пересмотра экономических моделей в медиасекторе, увеличило зависимость СМИ от госдотаций. Тем не менее, многие казахские СМИ не имеют четких бизнес-стратегий, не проводят самостоятельных маркетинговых исследований. Альтернативными государственными источниками финансирования могут стать рекламная деятельность, интернет-реклама, продажа информации и визуального продукта, а также краудфандинг. Рекламный рынок в стране упал на 30 %, рекламодатели ориентируются на телевидение, доля интернет-рекламы составляет около 7 % [8]. С 2008 г. в Казахстане происходит процесс слияния медийных компаний, инициированный крупными финансово-политическими структурами и политическими группами. Согласно данным ОФ «Правовой медиасектор», около 90% СМИ Казахстана получают правительственное финансирование для освещения социально-экономических проблем с позиции официальной идеологии [9]. Существование подобного госзаказа, на наш взгляд, снижает конкурентоспособность и аудиторную привлекательность медиа, что негативно сказывается на восприятии населением информации интеграционной тематики, предоставляемой центральными СМИ.

Медиа Кыргызстана также нельзя отнести к числу эффективно работающих субъектов экономики: и государственные, и частные СМИ зависят от внешнего финансирования. Среди общих тенденций можно назвать обращение части аудитории печатных СМИ к интернет-изданиям и превращение региональных телестудий в производственные центры. Международная комиссия по наблюдению за выборами 2015 г. констатировала, что на телевизионных каналах от 77 до 95 % эфирного времени, выделенного для избирательной кампании, было предоставлено на возмездной основе [6]. По мнению экспертов, самодостаточным СМИ может считаться только общественное телевидение ОТРК, получающее значительную прибыль от рекламы. Рекламный рынок в Кыргызстане узок, на нем присутствуют лишь несколько игроков, готовых тратить значительные суммы на рекламу в СМИ. Одной из причин недостаточного развития рынка рекламы является отсутствие аудиторных исследований.

Таким образом, существование СМИ ЕАЭС как эффективных акторов экономической сферы должно основываться на: 1) рыночных механизмах управления; 2) развитии рекламного рынка, в т. ч. единого рынка в пространстве ЕАЭС; 3) открытом и регулируемом законодательством распределении государственных субсидий и рекламных заказов; 4) проведении исследований национальных медиасистем, позволяющих адаптировать информационные продукты к интересам региональной аудитории; 5) объективности и децентрализации вещательных рейтингов как средства регулирования медиасферы.

Отдельное направление анализа медийных систем государств ЕАЭС связано с возможностью свободного доступа аудитории к общественно значимой информации. Исследования показали, что каждый второй россиянин не имеет доступа к альтернативной информации, ограничиваясь государственными СМИ, 10 % населения обращается исключительно к независимым СМИ [2]. Лишь небольшое количество СМИ (10 % в целом по стране и 20 % в Москве) используют практику получения информации из нескольких источников. Эфир общественного телевидения остается аполитичным, ограничиваясь культурным и образовательным контентом. Содержание региональных СМИ значительно отличается от государственных, что зачастую превращает их в основной источник альтернативной информации. Отметим также традиционную проблему российской медиасферы, вызванную территориальной разбросанностью: в регионах аудитория получает от вещателей новости местного, национального и международного значения, а события в других регионах практически не затрагиваются. Впрочем, такая же ситуация существует в масштабах информационного поля ЕАЭС, в котором локальные события в государствах-партнерах не получают должного внимания СМИ.

В Армении множественность СМИ не гарантирует действительной множественности позиций и мнений. Между телевизионными и интернет-СМИ отмечаются очевидные различия в освещении политических событий; в стране имеются факты создания СМИ исключительно на период предвыборной кампании [11, 224]. В такой ситуации все большая часть аудитории обращается к интернет-источникам, которые считаются менее подверженными влиянию политических и финансовых сил. Государственные СМИ в Армении являются де-юре независимым от власти, но де-факто находятся под полным контролем правительства. В то же время социальный, культурный, аналитический и образовательный контент общественных СМИ неизменно прогрессирует. В медиасфере Армении длительное время отсутствовали российские СМИ и, соответственно, альтернативный взгляд как на внутривнутриполитические процессы, так и на внешнюю политику (сейчас в стране издаются печатные СМИ на русском языке, функционируют сетевые ресурсы aivazovskydb.com, rapogama.am, armenianhouse.org и др.). Одновременно ведущие ресурсы активно сотрудничают с западными СМИ и фондами. В такой ситуации объективное освещение интеграционных процессов в ЕАЭС в этом регионе выглядит труднодостижимым.

В Беларуси значительное количество медиа не производят собственные новости и оригинальный контент, что сужает спектр представляемых аудитории точек зрения. Среди немногочисленных источников, предлагающих альтернативную точку зрения, выделяются «Еврорадио», телеканал «Белсат» и портал TUT.by (характерно, что большинство из 50 наиболее популярных новостных интернет-ресурсов являются независимыми [3]). Развитие телекоммуникационных технологий в Беларуси означает, что доступ к иностранным и альтернативным источникам информации имеет тенденцию к расширению. Из девяти информационных агентств лишь четыре (БелаПАН, БелТА, Интерфакс-Запад, Прайм-ТАСС) занимаются реализацией информации. В республике отсутствует тенденция к концентрации частной собственности на СМИ (при этом более 600 медиа контролируются государством). Для региональных СМИ Беларуси характерна ориентация на местные проблемы и незначительный объем международных новостей.

Несмотря на то, что в Казахстане около 80 % СМИ являются частными, большая их часть связана с госструктурами. Этот пробел компенсируется развитием интернет-версий, созданных многими традиционными СМИ. Доступ к зарубежному вещанию ограничен, за исключением российского (одно из последствий – одностороннее освещение ряда событий мирового значения). Законодательством Казахстана не ограничены права правительства на создание и владение СМИ (так, владельцем канала «Евразия 1», финансируемого властью, является ТОО «Евразия+ОРТ»). Подача международных новостей характеризуется фрагментарностью, игнорированием национального контекста. Как положительную тенденцию отметим рост количества СМИ, выходящих на языках меньшинств, что способствует утверждению принципов толерантности. Однако неоднозначные национальные и религиозные вопросы редко рассматриваются в СМИ.

В Кыргызстане обеспечен широкий доступ аудитории ко всем видам СМИ, хотя отмечается снижение доли медиа национальных меньшинств. Ряд влиятельных медиаресурсов ограничены в освещении межэтнических конфликтов, вопросов формирования национального бюджета, в оценке действий чиновников и т. д. В стране повышается доверие к социальным медиа и гражданской журналистике, что может свидетельствовать о снижении авторитета традиционных СМИ. Собственная сеть получения международной информации в Кыргызстане не развита, вследствие чего новости о событиях в мире поступают в основном через российские СМИ. Социальный пакет цифрового вещания включает в себя только государственные каналы, которые зависят от повестки дня правительства (дополнительные каналы доступны не всем). Информационные агентства Кыргызстана работают как сетевые новостные ресурсы и не распространяют информацию среди национальных СМИ. Последние чаще обращаются к международным агентствам British Broadcasting, BBC, Reuters, Associated Press, российским и турецким ресурсам.

Мы считаем, что гарантии доступа евразийской аудитории СМИ к объективной информации определяются следующими критериями: 1) множественность источников информации и плюрализм их мнений; 2) отсутствие ограничений (правовых, экономических, технологических и др.), доступа аудитории к зарубежным СМИ; 3) политическая неангажированность как государственных, так и частных медиа; 4) развитие института независимых информационных агентств (в т. ч. «общеевразийского» формата); 5) расширение информационного контента в коммерческих СМИ; 6) прозрачность источников финансирования СМИ, недопущение концентрации прав собственности на медиаструктуры; 7) отражение в медиаконтенте широкого спектра социальных интересов; 8) объединение в новостном контенте региональных, национальных и международных проблем, создающее основу для активизации локальных интеграционных процессов.

Таким образом, различия в медийных моделях стран-партнеров не носят взаимоисключающего характера. Поэтому координация деятельности СМИ, информационной и правовой инфраструктуры медиасфер государств ЕАЭС с учетом потребности в развитии эффективных медийных моделей, создающих основу для свободного циркулирования в обществе разнообразной информации и открытой конкуренции СМИ, является мощным интеграционным ресурсом. Использование потенциала последнего, его признание на политическом уровне способно компенсировать невозможность унификации (на данном этапе эволюции ЕАЭС) информационных экосистем Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Библиографический список

1. *Вартанова Е. Л.* Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М., 2014. [*Vartanova E. L.* Post-Soviet transformation of the Russian media and journalism. Moscow, 2014].
2. Замок без границы // Лента.ру. URL: Lenta.ru: <https://lenta.ru/articles/2015/11/16/granica/> (дата обращения: 15.05.2017). [The lock without borders. *Lenta.ru*. Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/11/16/granica/> (accessed 15.05.2017)].
3. ИА АКИpress. URL: <http://kg.akipress.org/news:629213> (дата обращения: 21.06.2017). [AKIpress News Agency. Available at: <http://kg.akipress.org/news:629213> (accessed 21.06.2017)].
4. *Ильина Е. М.* На пути к информационному обществу. Минск, 2010. [*Il'ina E.M.* On the way to the information society. Minsk, 2010].
5. Министерство информации Республики Беларусь. URL: <http://www.mininform.gov.by/ru/stat-ru/> (дата обращения: 11.06.2017). [The Ministry of Information of Belarus. Available at: <http://www.mininform.gov.by/ru/stat-ru/> (accessed 11.06.2017)].

6. ОБСЕ: официальный сайт. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/189481?download=true> (дата обращения: 17.05.2017). [OSCE Official Website. Available at: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/kyrgyzstan/189481?download=true> (accessed 17.05.2017)].
7. АКAVИТА.БУ: статистический ресурс. URL: <http://akavita.by/ru/top/All/All/30days/visitors/desc/All/All>. (дата обращения: 07.06.2017). [AKAVITA.BY: statistical service. Available at: <http://akavita.by/ru/top/All/All/30days/visitors/desc/All/All>. (accessed 07.06.2017)].
8. GRP.kz: информационное агентство. URL: <http://grp.kz/tag/reklamnyiy-ryinok-kazahstana/>. (дата обращения: 01.05.2017). [GRP.kz: information agency. Available at: <http://grp.kz/tag/reklamnyiy-ryinok-kazahstana/>. (accessed 01.05.2017).]
9. FORBES.KZ: информационный портал. URL: http://forbes.kz/massmedia/v_2015_smi_kazahstana_vyideleno_pochti_43_mlrd_tenge_goszakaza. (дата обращения: 28.05.2017). [FORBES.KZ: data portal. Available at: http://forbes.kz/massmedia/v_2015_smi_kazahstana_vyideleno_pochti_43_mlrd_tenge_goszakaza. (accessed 28.05.2017).]
10. *Hallin D., Mancini P.* Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics. Cambridge University Press, 2004.
11. Media Sustainability Index 2016. The Development of Sustainable Independent Media in Europe and Eurasia. Washington: IREX, 2016.

**EFFICIENCY, OPENNESS, MULTIPLICITY:
MEDIA SUSTAINABILITY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION**

S. V. Venidiktov

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Social Disciplines and Humanities,
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

The paper considers information systems of the Eurasian Economic Union (EAEU) states in terms of their correspondence to the basic principles of the functioning of an effective media communication system. General characteristics of Eurasian state-commercial, catching-up and paternalistic models are analyzed by the example of individual EAEU states in three directions: the general state of the media sphere, the economic component of the media, and the openness of the information space. The author concludes that the differences in the media models of the EAEU countries are not mutually exclusive, which creates prospects for coordinating the information and legal infrastructure of partner countries.

Keywords: Eurasian Economic Union; integration; mass media; media model; communication.

Политика памяти

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-75-91

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ФРЕЙМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ)¹

О. Ю. Малинова²

Историю принято рассматривать в качестве фактора, формирующего стратегическую культуру, и источника для ее изучения. Однако восприятие угроз безопасности формируется не «историей» как объективной аналитической реконструкцией событий прошлого, а социально разделяемыми представлениями о нем. В статье предлагается теоретическая модель для анализа связи между историей и стратегической культурой, основанная на концепции фреймов коллективной памяти. На примере дискурса российской правящей элиты прослеживается связь между менявшимися представлениями об «уроках истории» СССР и России в 1990-х гг. и восприятием угроз безопасности.

Ключевые слова: фрейм; фреймирование; коллективная память; стратегическая культура; угрозы безопасности; политический дискурс; «холодная война».

Конец «холодной войны» и последующая трансформация мировой политической системы способствовали развитию новых методологических подходов в исследованиях международных отношений. Культурализм, оформившийся на рубеже 1990–2000-х гг., рассматривается его приверженцами в качестве важного дополнения доминирующих парадигм – неореализма и неолиберализма. Как известно, неореализм объясняет функционирование международной системы распределением материальных ресурсов в условиях анархии, тогда как неолиберализм сосредоточен на изучении институтов, задающих структурный контекст, в котором государства определяют свои интересы и координируют свою политику. Культуралисты же полагают,

¹ Исследование проводится в рамках проекта «Конструирование смысловых рамок коллективной памяти в политическом дискурсе: “лихие девяностые” vs. “стабильные нулевые”» при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-03-00322.

² Малинова Ольга Юрьевна – доктор философских наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: omalinova@hse.ru.

© Малинова О.Ю., 2018

что во многих случаях связь между структурами и поведением акторов не может быть понята без учета вмешивающихся культурных переменных – особенностей восприятия угроз, сложившихся представлений об основаниях и способах использования силы, специфики идентификации Нас и Других, моделей реакции на вызовы безопасности и тому подобных коллективно разделяемых представлений и установок. Усилия сторонников данного подхода сосредоточены на разработке методов, позволяющих учитывать влияние культурных переменных. При этом речь идет скорее о наборе подходов, имеющих общие методологические посылки, нежели о единой теории.

Концепт стратегической культуры – пожалуй, наиболее активно используемый в рамках данного подхода. Термин был предложен в 1977 г. Джеком Шнайдером в контексте анализа перспектив использования ядерного оружия СССР. Согласно определению автора, *стратегическая культура* – это «общая сумма идей, эмоциональных реакций и привычных моделей поведения в отношении ядерной стратегии, приобретённых путем обучения или подражания, и разделяемых членами национального стратегического сообщества» [40, 8]. Стратегическая культура направляет политические выборы, задавая обстоятельства, в которых они совершаются, но не предопределяет их однозначно.

Первые работы о стратегических культурах обоснованно критиковали за недостаточную определенность. Действительно, эта концепция пыталась объяснить поведение государств на международной арене с помощью широкого набора факторов, формирующих культуру (география, история, национальный характер, идеология, организационная культура элиты и др.), что делало ее избыточно амбициозной и в то же время недостаточно конкретной. В дальнейшем понятие стратегической культуры пытались уточнять и операционализировать, причем не только в логике позитивистского мейнстрима [24], но и в рамках интерпретирующей парадигмы [30]. Это позволило более продуктивно использовать его в эмпирических исследованиях. Однако не все теоретические проблемы нашли удовлетворительное решение. Одной из нерешенных проблем является концептуализация истории как фактора, влияющего на стратегическое поведение. На мой взгляд, оптимальный способ ее решения может быть найден с помощью наработок исследований социальной памяти, и в частности – концепции фреймов коллективной памяти [25]. В настоящей статье я попытаюсь продемонстрировать возможности такого подхода, проиллюстрировав его на примере дискурса российской политической элиты.

**«Уроки истории» как фактор стратегической культуры:
проблема механизма причинной связи**

Вне зависимости от того, понимаем ли мы культуру как набор идей, ориентаций и привычек, влияющих на поведенческие выборы [23] или набор ментальных инструментов, позволяющих осмысливать реальность [30], история оказывается обязательной составляющей данного подхода. Культуралисты утверждают, что «бремя исторического опыта и исторически сформированные стратегические предпочтения ограничивают реакции на изменения «объективной» стратегической среды, уникальным образом влияя на стратегические выборы» [24, 34]. Представление о том, что «силы истории движут нации вперед, а географические препятствия придают им форму» [29, 37], разделяют не только культуралисты, но и некоторые институционалисты. Это утверждение кажется интуитивно правдоподобным. Однако его эмпирическое обоснование сталкивается с проблемой выявления *механизмов причинной связи* между историей как совокупностью событий, явлений, процессов, имевших место *в прошлом* и восприятием угроз безопасности *в настоящем*. В литературе о стратегических культурах можно обнаружить различные предположения на этот счет.

Во-первых, имеется *структуралистское объяснение*, рассматривающее ранний опыт государства как фактор, формирующий устойчивые паттерны реакций на угрозы безопасности, возникающие в определенном геополитическом контексте [напр. 23]. Однако такой подход грешит детерминизмом и фактически превращает историю в ретроспективную геополитику. Кроме того, предполагается, что тот же механизм работает и в случае «универсальных» моделей выживания «вестфальских» наций-государств в меняющейся международной среде [28, 13]. В таком случае непонятно, как различать формирующий опыт, универсальный для всех наций-государств и специфический для каждого из них в отдельности. Представляется, что на уровне общей теории эта задача не имеет удовлетворительного решения. Зависимость поведения от сложившейся структуры отношений, на наш взгляд, продуктивнее исследовать в индуктивной логике исторического институционализма [41].

Во-вторых, существует *акторный подход*, который делает упор на извлечении из истории уроков. Американский политолог Колин Грей полагает, что обоснование связи между историей и стратегической культурой может опираться на три посылки: 1) у каждого государства своя история; 2) каждое государство извлекает правильные или неправильные уроки из оценок этого уникального опыта; 3) с большой вероятностью уроки государственной политики, извлекаемые из разного опыта, окажутся разными [21].

В уточненном варианте данного подхода утверждается, что изучением уроков истории занимаются не государства, а политические лидеры и элиты [22, 277]. При этом некоторые авторы подчеркивают, что нужно учитывать интерпретации, предлагаемые разными группами в обществе [20, 328]. Таким образом, извлечение уроков истории рассматривается как дискурсивный процесс, который можно реконструировать с помощью эмпирического исследования конкурирующих дискурсов. Этот вариант теории уроков представляется более обоснованным. Однако если всерьез принимать предлагаемое им объяснение, следует признать, что в действительности мы имеем здесь дело не с историей, но с разделяемыми представлениями о коллективном прошлом, которые формируются, обсуждаются и трансформируются в определенных контекстах.

Если так, то исследователи стратегических культур сталкиваются с методологической проблемой, которая хорошо известна специалистам, изучающим социальную память: как пройти между Сциллой эссенциализма и Харибдой презентизма? По определению американского социолога Джеффри Олика, «с одной стороны, эссенциализм предполагает, что память и образы прошлого должны пониматься как выражения исторической структуры, которая становится реальностью... С другой стороны, презентизм утверждает, что память и образы прошлого производятся в настоящем и для целей настоящего. Таким образом, они отражают не то, что случилось в прошлом и влияет на настоящее, а структуры интересов и потребностей настоящего» [32, 7–8]. В качестве решения этой проблемы Олик предлагает изучать «способы, которыми образы прошлого меняются или остаются прежними, и причины, по которым это происходит» [32, 8].

На мой взгляд, этот рецепт может быть полезен и для концептуализации механизмов, опосредующих связь между «историей» и восприятием угроз безопасности стратегическими элитами. Недостаточно сказать, что прошлое «объясняет» настоящее просто в силу последовательности. Одновременно нельзя не замечать, что история как дискурсивный конструкт участвует в наших рассуждениях о политике безопасности. Таким образом, чтобы понять связь между историей и политикой безопасности, нужно сосредоточиться на изучении разделяемых представлений о прошлом, которые легитимируют то или иное понимание проблем безопасности. Именно это отношение описывает понятие стратегической культуры.

Оно имеет много разных интерпретаций. Для целей моего анализа наиболее продуктивной будет концептуализация, предложенная американским политологом Брэдли С. Клейном. Он рассматривает стратегическую культуру в связи с «политическим производством гегемонии» (понимаемой в духе концепции Антонио Грамши). Согласно его концепции, «стратегическая культура... включает распространенные ориентации относительно насилия и

способов, которыми государство может легитимно использовать насилие против предполагаемых врагов. В этом смысле популярные репрезентации насилия и «врагов», против которых оно может легитимно применяться, становятся значимыми артефактами, поскольку они *делают правдоподобным определенный спектр идентичностей и вместе с тем исключают другие идентичности как невозможные и невысказанные* (выделено мною – О.М.). Изучать стратегическую культуру – значит изучать культурную гегемонию организованного государственного насилия» [26, 136].

Таким образом, *стратегическую культуру* можно рассматривать как культурную гегемонию, которая поддерживает или затрудняет определенные способы видения проблем безопасности, будучи в то же время предметом постоянного оспаривания в меняющемся социальном контексте. Политические элиты, участвующие в этой борьбе, вынуждены принимать во внимание наличную конфигурацию «популярных репрезентаций». Но в то же время они пытаются на нее влиять. Иными словами, имеет место диалектический баланс между стремлением манипулировать и необходимостью приспособляться к массовым настроениям, чтобы добиться легитимации. В рамках данной теоретической конструкции стратегическую культуру следует рассматривать не в логике причинности, как независимую переменную, а в качестве конституирующего условия для формирования определенных паттернов принятия решений.

Понимаемая таким образом стратегическая культура является продуктом истории одновременно в двух отношениях. С одной стороны, набор «популярных репрезентаций» опирается на сложившуюся систему социальных институтов, которые формировались во времени и несут на себе следы исторического опыта. С другой стороны, этот опыт представлен в виде эмоционально окрашенных идей, образов и представлений о прошлом, образующих репертуар символических ресурсов, к которому в своих рассуждениях о политике безопасности апеллируют и представители элиты, и простые граждане.

То, каким образом такие представления актуализируются в процессе принятия решений, хорошо описывается с помощью теории *фреймов коллективной памяти* (точнее – коллективного вспоминания, ибо фреймирование представляет собой динамический процесс). Понятие фреймов было введено в научный оборот И. Гофманом [6] для изучения влияния коллективно разделяемых когнитивных моделей на восприятие индивидами социальных ситуаций и их поведение. На основе идей Гофмана канадский социолог Ивона Ирвин-Зарецка разработала теорию фреймов памяти (*frames of remembrance*), которую предлагает в качестве инструмента анализа диалектической связи между публичным (репертуаром идей, образов и представлений) и частным (осмысливанием социальной реальности отдельными индивидами, опирающимися на общедоступный репертуар). Основным постулатом данного подхода является признание того, что интерпретация реальности направляет-

ся шаблонами, на основе которых мы определяем конкретную ситуацию (фреймами). По мысли Ирвин-Зарецки, исследуя процесс фреймирования, мы «не ставим целью закрепить то или иное «прочтение» в качестве правильного; скорее, пытаемся установить спектр релевантных значений», приписываемых ситуации [25, 4–5]. В этом отличие данного подхода от более традиционного исследования публичных дискурсов о прошлом: он не просто описывает и анализирует представленные в нем нарративы, но стремится выявить спектр интерпретаций, которые в данном контексте воспринимаются как «правдоподобные» и задают смысловые рамки социальных практик. Исследователь фреймов коллективной памяти задается вопросом: каким образом (для кого, когда, где и почему) прошлое имеет значение? По Ирвин-Зарецки, такой подход требует сочетания анализа текстов и социальных практик обращения к прошлому (в нашем случае – в контексте выработки и обоснования политических решений) [25, 14].

Следуя данной логике, опору на «уроки истории» при обсуждении проблем национальной безопасности можно рассматривать в качестве одного из способов конструирования «реальности прошлого». Хотя ссылки на такие «уроки» часто используются в качестве «объективных» аргументов, осмысление прошлого для нужд настоящего (по точному английскому выражению, *making sense of the past*) – всегда результат селекции и интерпретации. Фреймирование восприятия современных угроз безопасности опытом прошлого происходит на основе представлений группы (в нашем случае – лиц, принимающих стратегические решения в области безопасности) о том, какой исторический опыт релевантен нынешней ситуации и какие «уроки» из него следует извлечь.

В следующем разделе я проиллюстрирую эвристические возможности представленной выше теоретической модели на российском примере. Я попытаюсь показать связь между изменением официального исторического нарратива, отражавшего представления правящей элиты о недавнем прошлом, и восприятием проблем национальной безопасности. Не претендуя на систематический анализ российской стратегической культуры, я сосредоточусь на моментах трансформации дискурса безопасности в 1990-х и в начале 2000-х гг., поскольку именно они представляют наибольший интерес в данном контексте.

1990-е годы: легитимация российской политики безопасности по контрасту с советскими практиками

Можно выделить два больших периода в эволюции исторического нарратива российской властвующей элиты, которые в целом совпадают с президентством Б. Н. Ельцина и В. В. Путина – Д. А. Медведева, однако имеют

внутри себя подэтапы (корректировка курса в середине 1990-х гг., оформление путинского нарратива к середине 2000-х гг., попытки связывания эклектического нарратива и переход к «наступательной» исторической политике в 2010-х гг.) [подробнее см. 12].

В 1990-х гг. Ельцин и его команда использовали для легитимации своего политического курса исторический нарратив, противопоставлявший «старую» Россию образца СССР и империи Романовых «новой», «демократической России». Этот нарратив опирался на концепт «тоталитаризма», отражавший логику смысловых оппозиций времен «Холодной войны». Данный концепт играл важную роль в переосмыслении новейшей истории в годы перестройки [39]. Как я попытаюсь показать, критическое отрицание советского наследия и мышление бинарными оппозициями, сложившимися в предыдущий период, существенно определяло восприятие угроз безопасности властвующей элитой почти до конца 1990-х гг.

Принципы легитимации российской политики безопасности и внешней политики опирались на фреймы коллективной памяти, заданные именно таким пониманием недавнего прошлого. Это хорошо прослеживается в текстах посланий президента Федеральному собранию и других документах, обосновавших текущий политический курс. Идея о том, что *Россия – не Советский Союз*, красной нитью проходила через выступления Ельцина. Основные аргументы на этот счет можно суммировать следующим образом:

- *Россия сделала выбор в пользу демократии, свободы и верховенства права* («Коммунистический эксперимент закончился, и не было такой силы, которая могла бы повернуть время вспять» [3]; в 1990-х гг. Россия вернулась «на магистральный путь мирового развития [5]).
- Это коренным образом меняет идентичность России в международной системе координат: *принимая ценности Запада, она становится его партнером* («Новый характер связей с Западом открывает благоприятные возможности для более эффективной реализации интересов России в области безопасности, экономики, торговли, бизнеса» [1]; важно «развивать доверительные отношения, сложившиеся с большинством западно-европейских государств» [2] и т.п.).
- В России действуют *иные принципы взаимоотношений личности и государства*, нежели в СССР – происходит «восстановление естественных пропорций общественного и индивидуального» [1]. Это, в свою очередь, ведет к изменению приоритетов: ставя во главу угла интересы граждан, новая Россия не может, подобно СССР, тратить ресурсы на «внешнеполитические и военные авантюры» [1].
- В отличие от СССР, *Россия – не империя*: 1) она отвергает «командный принцип» взаимоотношений центра и регионов и «жестко централизо-

ванное управление» [2], 2) не стремится вернуть утраченные территории, хотя и готова заботиться о правах соотечественников в бывших советских республиках. В 1997 г., когда Ельцин впервые затронул в послании Федеральному собранию тему защиты прав соотечественников, он специально оговорился: «Позиция России в этом вопросе – не прикрытие каких-то имперских устремлений» [4].

Ельцин и его соратники достаточно последовательно воспроизводили этот набор «уроков» недавней истории в качестве аргументов, объясняющих проводимый ими политический курс. С учетом этого можно говорить о дискурсивном конструировании фреймов, которые на определенном этапе разделялись не только правящей элитой, но и некоторой частью граждан, т.е. были предметом *культурной гегемонии*. Такое понимание «уроков прошлого», с одной стороны, способствовало формированию определенного восприятия угроз национальной безопасности, а с другой стороны – служило инструментом легитимации политического курса.

С завершением «холодной войны» Запад перестал рассматриваться в качестве потенциального врага. В Концепции национальной безопасности, принятой в 1997 г., основной причиной возникновения угроз безопасности называлось «кризисное состояние экономики». Наиболее серьезной внешнеполитической угрозой представлялась перспектива «возникновения или обострения в государствах – участниках Содружества Независимых Государств политических, этнических, экономических кризисов, способных затормозить или разрушить процесс интеграции». Применительно же к оборонной сфере на основании «глубоких изменений в характере отношений Российской Федерации с другими ведущими державами» делался вывод, что «угроза крупномасштабной агрессии против России в обозримом будущем практически отсутствует» [7]. Хотя Ельцин обвинял западных партнеров в двойных стандартах в подходах к урегулированию конфликтов на территории СНГ [2], он никогда не говорил о них как о соперниках, разжигающих эти конфликты (как это позже будет делать Путин).

Рассуждая в логике фрейма противопоставления «старой» и «новой» России, представители ельцинской элиты оказывались видеть преемственность проблематики безопасности по отношению к прежнему периоду. Прежние подходы объявлялись априори ошибочными, основанными на «тоталитарной государственной идеологии». Как Ельцин заявил в своем первом послании Федеральному собранию, теперь на смену этой идеологии приходит «понимание реальностей современного мира и места России в нем» [1].

Отвергая великодержавные амбиции СССР и признавая отсутствие былых ресурсов, Ельцин и его окружение были, тем не менее, убеждены, что Россия должна принимать «участие в строительстве большой Европы, мир-

ной, единой, демократической» [1, 7]. Не имея возможности подкреплять отношения со странами Восточной Европы ресурсами, российская правящая элита уповала на «традиционные связи», которые перевесят «старые обиды» [1, 5]. В президентских посланиях систематически подчеркивалась роль России в урегулировании военных и политических конфликтов в бывшей Югославии, Иране, на ближнем Востоке и странах СНГ, что должно было служить подтверждением высокого международного статуса. Признавая относительную экономическую и военную слабость России, Ельцин неизменно выражал уверенность, что «огромный научный, духовный и оборонный потенциал» позволит ей занять достойное место в мире [5].

Несоответствие реальности этим ожиданиям – расширение НАТО, продемонстрировавшее стремление Запада строить «большую Европу» без участия России, очевидное сокращение ее влияния в традиционных «зонах интересов», военная интервенция в Косово и т. п. – все это стало причиной распада культурной гегемонии, на которой покоилась ельцинская концепция безопасности. В 1999 г., после бомбардировок Косово, Совет безопасности разработал новый вариант Концепции, в котором прежние установки относительно формирования многополярного мира [7] заменялись тезисом о противоборстве тенденций многополярности и однополярности, т.е. «попыток создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США» [8]. Этот вариант лег в основу новой Концепции национальной безопасности, принятой в 2000 г. указом президента В. В. Путина [9].

С ретроспективной точки зрения нельзя не признать, что стратегия безопасности правящей элиты 1990-х гг. была нереалистичной. Вера в то, что отказ от советского «тоталитарного» и имперского наследия автоматически открывает путь к «доверительному партнерству» со странами Запада, а «традиционные связи» гарантируют развитие отношений с Восточной Европой и постсоветскими странами, в условиях недостатка ресурсов не оправдалась. Следует, однако, подчеркнуть, что заблуждение было «добросовестным». Внешняя политика 1990-х гг. основывалась на «извлечении уроков» из недавней истории, она опиралась на представления, которые на каком-то этапе – в период перестройки и начала реформ – разделяла значительная часть российского общества. В дальнейшем эйфорические ожидания уступили место ностальгии по былой «стабильности» и идеологической определенности, обеспечивавшей коллективное самоуважение. В меняющемся контексте идеи, которые продолжала артикулировать правящая элита, больше не обеспечивали ей культурную гегемонию.

**2000-е годы: новая внешняя политика и практики
политического использования прошлого**

Это отчасти объясняет быстрый рост популярности В. В. Путина: с его приходом к власти стал меняться не только политический курс, но и подход к использованию прошлого для его легитимации. Смысловым стержнем путинского исторического нарратива стала проецируемая на всю «тысячелетнюю историю» России идея великодержавности. Именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) стало выступать в качестве ключевой ценности, скрепляющей современную российскую идентичность.

Новая интерпретация прошлого оформлялась постепенно. В первые годы пребывания у власти Путин продолжал придерживаться ельцинского принципа противопоставления «старой» и «новой» России. Однако уже тогда в его дискурсе появились новые элементы. С точки зрения интересующей нас политики безопасности, наиболее примечательной символической новацией был концепт *«сильного государства»* [обстоятельный анализ см. 13]. В своем первом послании Федеральному собранию Путин заявил, что «единственным... для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. *Сильной и уверенной в себе*. Сильной – не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними (выделено мною. – О. М.)». Позже слово *«assertiveness»* (напористость, самоуверенность) будет использоваться многими зарубежными исследователями для характеристики внешней политики Путина [27; 31; 42 и др.]. Идеологема «сильного государства» проецировалась и на внутреннюю, и на внешнюю политику. В первом случае она подразумевала повышение эффективности государственной машины за счет ее централизации. Во втором – легитимировала борьбу за статус на международной арене в качестве цели внешней политики, что было некоторым отступлением от риторики 1990-х гг., которая декларировала приоритет «интересов личности».

Примечательно, что в тексте послания 2000 г. за пассажем о «сильном государстве» следовала фраза: «Сегодня, когда мы идем вперед, важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее» [14]. Принимая во внимание вынужденную лояльность Путина его предшественнику, в этом заявлении можно увидеть утверждение новой стратегии без прямой критики старой. Лишь после повторного избрания в 2004 г. Путин стал позволять себе более резкие критические оценки политики 1990-х гг. Тем не менее, уже в начале 2000-х гг. он стремился легитимировать собственный политический курс по контрасту с предшествующим периодом [11, 144–149]. Образ «сильной России» связывался с настоящим и будущим, «слабость», вынуждавшая «опираться на чужие советы» – с прошлым [14].

Примером подобной практики может служить и определение политики 2000-х гг. с помощью концепта *«стабильность»*. Уже в 2001 г., характеризуя первые достижения своего правления, Путин прибегал к сравнению: «Прошедшее десятилетие для России было *бурным*, можно сказать без всякого преувеличения – *революционным*. 2000 и начало 2001 гг. на его фоне кажутся относительно *спокойными* (выделено мною. – О. М.)». Развивая это наблюдение, Путин рассуждал о том, что страх перемен имеет под собой исторические основания («за революцией обычно следует контрреволюция...»), и заключал: «Пора твердо сказать: этот цикл закончен, не будет ни революций, ни контрреволюций. Прочная и экономически обоснованная государственная *стабильность* является благом для России и для ее людей, и давно пора учиться жить в этой нормальной человеческой логике (выделено мною. – О. М.)» [15]. Нетрудно заметить, что позитивный образ настоящего («спокойного», «стабильного», «нормального») конструируется здесь через противопоставление негативному опыту 1990-х гг. («бурному», «революционному», «непредсказуемому»).

Новые принципы построения официального исторического нарратива оформились к середине первого президентского срока Путина. В конце 2002 г. он заявил в выступлении по случаю Дня Конституции: «Вот уже более десяти лет мы произносим ставшие привычными слова «новая Россия». Но если вдуматься, то мы так говорим о стране с тысячелетней историей...» [16]. Пятью месяцами позже в послании Федеральному собранию Путин назвал «поистине историческим подвигом» граждан России «удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире...» [17]. На смену ельцинскому нарративу о «новой России» пришла концепция «тысячелетней России», сложившейся в великое государство, способное завоевать «сильные позиции в мире».

Это означало переоценку *имперского наследия*, к которому правящая элита 1990-х гг. относилась однозначно негативно. Путин никогда прямо не поддерживал рассуждения о возрождении империи, которые с конца 1990-х гг. пользовались заметной популярностью в различных сегментах российского идеологического спектра. Однако многие его высказывания перекликались с идеями других участников дискуссии об имперском наследии, в силу чего прочитывались заинтересованными комментаторами как знак поддержки той или иной стороны [10, гл. 11]. Следы имперских архетипов можно обнаружить в путинских рассуждениях о «сильном государстве» [17], о «вертикали власти», о «цивилизаторской миссии российской нации на евразийском континенте» [18], в его оценках цветных революций 2003–2005 гг. и др.

Большой общественный резонанс имели и высказывания второго президента РФ о *самобытности* российского пути. Актуальная со времен славынофилов и западников, эта тема не раз поднималась и Ельциным [3; 5]. Однако в контексте противопоставления «слабого» и «сильного» государства она приобретала иное звучание. Согласно путинской формулировке, «долгое время мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или – развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы... Но это выбор слабого государства» [14]. В этих словах можно увидеть наметки будущей доктрины *суверенной демократии*, согласно которой Россия «выбрала для себя демократию волей собственного народа», что дает ей право «самой решать», каким образом обеспечивать реализацию принципов свободы и демократии, не признавая монопольное право Запада на их интерпретацию [18]. Эта доктрина утверждала принципиально новую модель самоидентификации России по отношению к Западному Другому. Эта модель сочетала представление об общности целей и ценностей России и «Запада», свойственное дискурсу 1990-х гг., с «почвенническим» акцентом на самобытный способ их реализации, при этом она представляла Россию как актуально (а не только потенциально) подобную и равную Западному Другому и даже способную служить ему образцом в осуществлении общих ценностей [см. 10, гл. 13].

Пожалуй, наиболее резко разрыв с ельцинским пониманием «уроков истории» обозначился в 2005 г., когда переизбранный на второй срок Путин включил в свое послание Федеральному собранию известные слова *о распаде СССР как «крупнейшей геополитической катастрофе века»* [18]. Интерпретация распада СССР (который де-факто был актом рождения нового Российского государства) как случайной катастрофы, спровоцированной действиями злонамеренных политиков, прекрасно вписывалась в концепцию «тысячелетней» великой державы. Однако она полностью противоречила ельцинскому нарративу, который представлял крах «тоталитарного» коммунистического режима как историческую необходимость, а выбор 1990-х гг. – как возвращение на «путь цивилизации».

Это никоим образом не означало тотальной «реабилитации» советского наследия. Наиболее ценным его элементом была память о великой державе, которая, несмотря на все трудности, смогла осуществить (пусть и не вполне совершенную) модернизацию и превратиться в ведущего актора мировой политики. Но Путин, а затем Медведев не раз говорили о цене, которую пришлось заплатить за эти успехи. Важным «уроком», который правящая элита 2000-х гг. выносила из опыта СССР, было понимание недостатков советского способа модернизации и советской политики безопасности. В 2006 г., рассуждая о диспропорции военного бюджета России и США и об угрозах, связанных с однополярностью, Путин говорил: «...понимая остроту этой про-

блемы, мы не должны повторять ошибок Советского Союза, ошибок эпохи «холодной войны» – ни в политике, ни в оборонной стратегии. Не должны решать вопросы военного строительства в ущерб задачам развития экономики и социальной сферы. Это тупиковый путь, ведущий к истощению ресурсов страны» [19]. Утверждая внешнеполитическую «настойчивость» / «самоуверенность» в стиле СССР и легитимируя борьбу за международный статус в качестве цели внешней политики, политическая элита 2000-х гг. в полной мере разделяла со своими предшественниками представление о том, что политика прямой конфронтации с Западом ведет к разрушительным последствиям.

Таким образом, в первой половине 2000-х гг. оформилась новая культурная гегемония, которая опиралась на принципиально иное понимание «уроков истории». Источником мудрости теперь уже служил опыт не только СССР, но и России в 1990-х гг. Хотя формально никто не ставил под сомнение заявленные в 1990-х гг. принципы соотношения интересов личности и государства, провозглашение последнего ценностью, скрепляющей во времени и пространстве макрополитическое сообщество, означало де-факто смену приоритетов. Новые идеологемы конструировались по контрасту с опытом 1990-х гг.: «сильное» государство противопоставлялось «слабому», вновь обретенная «стабильность» – «революционной» неопределенности, внешнеполитическая «самостоятельность» – необходимости опираться на «чужие советы и кредиты». Провозглашение ценности «сильного государства» и признание борьбы за международный статус в качестве важнейшей цели способствовали пересмотру критического отношения к имперскому опыту, которое было характерно для предыдущего периода. В дискурсе правящей элиты 2000-х гг. Россия стала позиционироваться как страна, разделяющая ценности «Западного Другого», но имеющая собственное представление о том, как их надлежит реализовывать. Эти и другие установки были результатом реинтерпретации исторического опыта в меняющемся политическом контексте. Они послужили когнитивным основанием для новой, «самоуверенной» внешней политики, которая стала возможна в условиях благоприятной экономической (рост цен на энергоносители) и политической (война с терроризмом) конъюнктуры.

Библиографический список

1. *Ельцин Б. Н.* Об укреплении государства: послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации [Yeltsin B. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation „On the Strengthening of the State”]. 1994. URL: <http://www.intelros.ru/2007/>

- 02/04/poslanija_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_1994_god.html (дата обращения: 18.01.2018).
2. *Ельцин Б. Н.* О действенности государственной власти: послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации [Yeltsin B. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation ss „On the Effectiveness of the State Power”] 1995. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (дата обращения: 18.01.2018).
 3. *Ельцин Б. Н.* Россия за которую мы в ответе: послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации [Yeltsin B. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation „Russia, Which We are Responsible for] 1996. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_za_kotoruju_my_v_otvete_1996_god.html (дата обращения: 18.01.2018).
 4. *Ельцин Б. Н.* Порядок во власти – порядок в стране: послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации [Yeltsin B. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation ”The Order in Power – the Order in the Country”] 1997. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_porjadok_vo_vlasti_porjadok_v_strane_1997_god.html (дата обращения: 18.01.2018).
 5. *Ельцин Б. Н.* Россия на рубеже эпох: послание президента России Бориса Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации [Yeltsin B. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation „Russia on the Threshold of Epochs”] 1999. URL: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_na_rubezhe_jepekhh_1999_god.html (дата обращения: 18.01.2018).
 6. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта [Goffman I. Frame analysis: An essay on the organization of experience]. М.: Институт социологии РАН; Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
 7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [The Conception of the State Security of Russian Federation] // Красная звезда. 1997. 27 дек. № 300–301.
 8. Концепция национальной безопасности Российской Федерации в редакции 29.10.1999 [The Conception of the State Security of Russian Federation, the version of 29.10.1999]. URL: <https://flot.com/nowadays/concept/concept-doc1/index.htm> (дата обращения: 18.01.2018).
 9. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 10.01.2000 г. № 24 [About the [The Conception of the State Security of Russian Federation. The Order of the President of

- Russian Federation, 10.01.2000. № 24]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 18.01.2018).
10. *Малинова О. Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России [Malinova O. Constructing Meanings: A Study of the Symbolic Politics in the Contemporary Russia]. М.: ИНИОН РАН, 2013.
 11. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности [Malinova O. The Usable Past: The Symbolic Policy of the Incumbent Elite and Dilemmas of the Russian Identity]. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
 12. *Малинова О. Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам [Malinova O. The official historical narrative as a part of identity policy of the Russian state: from the 1990s to the 2000s] // Полис. Политические исследования. 2016, № 6. С. 139–158.
 13. *Петров К. Е.* Доминирование концептуальной многозначности: «сильное государство» в российском политическом дискурсе [Domination of the Conceptual Ambivalence: the Concept of the “Strong State” in the Russian Political Discourse] // Полис. 2006. № 3. С. 159–183.
 14. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации Putin [Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] 2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480> (дата обращения: 18.01.2018).
 15. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации Putin [Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] 2001. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. April, 3. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/21216> (дата обращения: 18.01.2018).
 16. *Путин В. В.* Выступление на торжественном приеме по случаю Дня Конституции [Address at a gala reception on Constitution Day]. 2002. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24273> (дата обращения: 18.01.2018).
 17. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации Putin [Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] 2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998> (дата обращения: 18.01.2018).
 18. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации Putin [Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation] 2005. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 18.01.2018).
 19. *Путин В. В.* Послание Федеральному собранию Российской Федерации Putin [Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation]

2006. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577> (дата обращения: 18.01.2018).
20. *Berger T. U. Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics.* New York: Columbia University Press, 1996. P. 317–356.
 21. *Gray C. S. Comparative Strategic Culture // Parameters.* 1984. N 1. P. 26–33.
 22. *Herman R.G. Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War // The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics.* New York: Columbia University Press, 1996. P. 271–316.
 23. *Jones D. R. Soviet Strategic Culture // Strategic Power: USA/USSR.* L.: St. Martin's Press, 1990. P. 35–49.
 24. *Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // International Security.* 1995. Vol. 19, N 4. P. 32–64.
 25. *Irwin-Zarecka I. Frames of Remembrance. The Dynamics of Collective Memory.* New Brunswick etc.: Transaction Publishers, 1994.
 26. *Klein B.S. Hegemony and Strategic Culture: American Power Projection and Alliance Defense Politics // Review of International Studies.* 1988. Vol. 14. № 2. P 133–148.
 27. *Lapidus G. W. Between Assertiveness and Insecurity: Russian Elite Attitudes and the Russia-Georgia Crisis // Post-Soviet Affairs.* 2007. Vol. 23. № 2. P. 138–155.
 28. *Macmillan A. et al. Strategic Culture // Strategic Cultures in the Asia-Pacific Region.* New York: St. Martin's Press 1999.: 3-26.
 29. *Morgan F. E. Compellence and the Strategic Culture of Imperial Japan Implications for Coercive Diplomacy in the Twenty-First Century.* Greenwood: Praeger Publishers, 2003.
 30. *Neumann I. B., Heikka H. Grand Strategy, Strategic Culture, Practice. The Social Roots of Nordic Defence // Cooperation and Conflict* 2005. Vol. 40. № 1. P. 5–23.
 31. *Nitoiu C. Aspirations to Great Power Status: Russia's Path to Assertiveness in the International Arena under Putin // Political Studies Review.* 2017. Vol. 15. № 1.
 32. *Olick J. K. The Politics of Regret. On Collective Memory and Historical Responsibility.* L., N.Y.: Routledge; Taylor & Francis Group, 2007.
 33. *Putin, Vladimir. 2000. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation.* July, 8. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>
 34. *Putin, Vladimir. 2001. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation.* April, 3. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/21216>.
 35. *Putin, Vladimir. 2002. Address at a gala reception on Constitution Day.* Dec., 12. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/24273>.
 36. *Putin, Vladimir. 2003. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation,* May, 16. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>.

37. Putin, Vladimir. 2005. Annual Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, April, 25. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.
38. Putin, Vladimir. 2006. Annual Address to the Federal Assembly. May, 10. <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>.
39. Sherlock T. Historical Narratives in the Soviet Union and Post-Soviet Russia: Destroying the Settled Past, Creating an Uncertain Future. New York: Palgrave Macmillan, 2007.
40. Snyder J. L. Soviet strategic culture: Implication for Limited Nuclear Operations. 1977. Mode of access: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf> (date of access: 30/09/15).
41. Steinmo S. Historical Institutionalism // Approaches and Methodologies in the Social Sciences: A Pluralist Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 118-138.
42. Tsygankov A. Russia's International Assertiveness: What Does It Mean for the West? // Problems of Post-Communism. 2008. Vol. 55. N 2. P. 38–55.

STRATEGIC CULTURE AND FRAMES OF COLLECTIVE MEMORY (THE CASE OF POST-SOVIET RUSSIA)

O. Yu. Malinova

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
National Research University “Higher School of Economics”,
Chief Research Fellow, Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences

History is usually considered both a factor in developing strategic culture and a source of empirical evidence about it. However, what actually shapes perceptions of security threats is not “history” as an objectivist analytic reconstruction of the collective past but some shared ideas about this past. The article proposes a theoretical frame for analyzing connections between history and strategic culture based on the concept of frames of collective remembrance, and tests it on the Russian case. It traces the connections between the transforming frames of remembrance of the experience of the USSR and Russia in the 1990s and the perceptions of security threats by the Russian elites.

Keywords: frame; framing; collective memory; strategic culture; security threats; political discourse; cold war.

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-92-107

**ИЗМЕНЕНИЯ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ
В ГОСУДАРСТВАХ – СОЮЗНИКАХ РОССИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЛЕ 2014 ГОДА**

Д. С. Плотников¹

В статье рассматривается динамика исторической политики официальных властей Беларуси, Казахстана, Армении, Кыргызстана и Таджикистана в контексте российско-украинского конфликта 2014 г. Определяются общие тенденции в области политизации прошлого в указанных странах. В официальных трактовках истории и выступлениях политических лидеров выявляется образ «врага», который соотносится с текущим внешнеполитическим курсом данных стран. Автор выясняет, как повлиял российско-украинский конфликт на официальную политику по восприятию собственного прошлого в вышеназванных странах

Ключевые слова: политика памяти; постсоветское пространство; конструирование идентичности; внешняя политика.

Российско-украинский конфликт 2014 г. привел к обострению международной обстановки и всплеску антироссийских настроений в ряде стран коллективного «Запада». Восприятие образа России в качестве «агрессора» было подхвачено в некоторых постсоветских государствах, чья внешнеполитическая стратегия заключается в дистанцировании от России. По мнению А. Гаспаряна, политические элиты этих стран «ищут стержень для государственной опоры, заявляя, что они жертвы "кровавой русской оккупации", а значит, борцы с ней автоматически становятся героями» [8]. Формирование исторических образов «врагов» и «героев» в государствах – союзниках России происходит не так линейно. Этим странам проблематичнее было реагировать и на обострение международной обстановки, поскольку они имеют тесные военно-политические и экономические связи с Москвой (Беларусь, Армения, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – являются членами ОДКБ, эти же страны, за исключением Таджикистана, состоят в ЕАЭС). Вместе с тем, ключевые союзники России на постсоветском пространстве с особым вниманием

¹ Плотников Дмитрий Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: plotnikov.perm@mail.ru.

следили за политикой Кремля в отношении Украины. Одной из болевых точек этих отношений стали «битвы за историю». По мнению В.Г. Шадурского, «постижение отечественной истории широкими слоями населения создает более высокий уровень национальной идентичности и консолидации граждан страны, снижает угрозу полной или частичной утраты государственного суверенитета» [37].

Появление новых государств сопровождается формированием новых опорных мифов, преподносящих существование этих государственных единиц в качестве исторической закономерности. Происходит, по выражению Э. Хобсбаума, «изобретение традиций» – совокупности «общественных практик ритуального или символического характера ..., целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение» [36]. «Традиции, – продолжает Э. Хобсбаум, – которые кажутся старыми или претендуют на то, что они старые, часто оказываются совсем недавнего происхождения и нередко – изобретенными» [36]. Формируя историческое сознание, политические элиты преследуют ряд целей, среди которых обоснование собственного величия, легитимация внутри- и внешнеполитического курса страны. По мнению В. А. Ачкасова, «осуществляя выбор событий и способов увековечивания прошлого, нация (точнее национальные элиты) одновременно выбирает свое будущее, поэтому, прежде всего, «вспоминается» то, что созвучно современности, актуализируется ею и соответствует преследуемым политическим целям, и, соответственно «забывается» то, что препятствует их достижению, поскольку политика памяти традиционно связана и с практиками избирательного забывания» [5]. Трансформация российского дискурса о коллективной идентичности прослеживается в работе О. Ю. Малиновой [21]. В странах постсоветского пространства, по мнению Ф. Пейтона, «национальная идентичность и национальная идея конструировались политическими акторами, стремившимися использовать прошлое для самоутверждения» [39, 25]. Автор использует понятие «виктимизма», подразумевая, что политическим элитам государств постсоветского пространства свойственно изображать историю народа как жертвы со стороны других угнетателей и поработителей [39, 37]. Как отмечает Я. Ассман, «каждый народ, ощущающий себя как таковой и как противостоящий другим народам, некоторым образом воображает себя избранным [4, 31].

Автор данной статьи придерживается теории социального конструктивизма Б. Андерсона [2], согласно которой политические элиты используют историю в качестве инструмента легитимации политического курса. «Официальная» трактовка истории анализируется при помощи дифференциации по модели «свой – чужой», посредством которой выявляется видение себя и своей страны в международной системе координат. В ходе настоящего исследования предпринята попытка выяснить, произошли ли изменения в трактовках прошлого в системе координат «друг – враг» среди союзников России

после российско-украинского конфликта 2014 г. На материалах официальной политики Беларуси, Армении, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана планируется рассмотреть специфику политизации истории в этих государствах. С этой целью ставится задача определить динамику «политики памяти» в каждой из представленных стран (понять, какой период истории с позиции официальных властей рассматривается как «золотой век», выявить образ «исторического врага» и уяснить соотносится ли этот образ с внешней политикой рассматриваемых государств). В качестве рабочей выдвигается гипотеза о том, что политические элиты стран-союзников России на постсоветском пространстве активизировали политику памяти, направленную на формирование лояльного отношения к собственному государству после 2014 г.

* * *

Конструирование истории в недавно образовавшихся государствах не только служит задачей легитимации новых границ, но и влияет на восприятие себя, собственной нации (в гражданском смысле слова) и государства. Через восприятие исторических образов транслируется образ друга или врага, который оказывает влияние на выстраивание ориентиров во внешней политике. В угоду политической конъюнктуре пересматриваются исторические смыслы, что находит отражение в кинематографе, школьных учебниках, формировании праздничных дат или ракурсе позиционирования уже устоявшихся праздников.

Конструирование истории политическими элитами происходит с учётом внешнеполитических трендов государств, в особенности это проявляется в странах, зажатых в тисках геополитических объединений (Молдове, Украине, странах Балтии). В угоду политической конъюнктуре формируются исторические мифы, легитимизирующие векторы внешней политики. Например, в странах Центральной и Восточной Европы ведущим стал миф о «возвращении в Европу», которому всегда препятствовал СССР, принудивший страны региона пойти по исторически тупиковому коммунистическому пути [5]. В странах Центральной Азии также наблюдается взаимосвязь конструирования исторической памяти и выстраивания внешней политики. Так, в Туркменистане и Узбекистане нахождение этих территорий в составе России (в Российской империи и в СССР) воспринимается как колониальный период. Данные исторические трактовки коррелируют со стремлением этих стран дистанцироваться от России. В Кыргызстане и Таджикистане, напротив, исторические образы России (в первую очередь, СССР) органически вписываются в конструирование новых мифов, что проявляется в политике сближения Бишкека и Душанбе с Москвой [29, 159].

Одним из наиболее близких союзников России является **Беларусь**. По мнению В.Г. Шадурского, «в условиях определенной фрагментарности ду-

ховно-культурного пространства Беларуси коллективная память и историческая наука превратились в арену борьбы не только представителей исторических школ и направлений, но и политических сил, власти и оппозиции» [37]. Автор выделяет 3 периода в интерпретации белорусской истории. «Первый период в эволюции исторической политики Беларуси начался в конце 1980-х гг. ... Он продолжался до проведения общенационального референдума в мае 1995 г. Сутью этого периода была попытка строить белорусскую идентичность на этнической основе (расширение использования белорусского языка, создание национально-ориентированной концепции изучения прошлого Беларуси и пр.). Второй период ... продолжался до начала 2000-х гг. Он характеризуется политическим курсом Беларуси на создание Союзного государства Беларуси и России. В результате наметился отход от политики национально-государственного строительства на этнической основе ... Начало третьего периода ... связано с серьезными разногласиями по поводу интеграционных перспектив, возникшими между белорусским и российским руководством в начале 2000-х гг. Этот этап отмечен стремлением белорусского правительства укрепить суверенитет страны путем реализации многовекторной политики, формирования независимой политической идентичности белорусских граждан» [37].

Российско-украинский конфликт вызвал тревогу в Минске. Уже в конце апреля 2014 г. А. Лукашенко заявил: «Государства, окружающие нас, пришли в движение. Бурлит Украина, в полный исторический рост пытается встать Россия. На наших глазах рушатся старые границы. И впервые за много лет в Европе вновь потянуло дымком от взрывов» [18]. После российско-украинского кризиса в Беларуси усилились попытки официальных властей путем подбора «исторических» аргументов легитимировать белорусскую государственность. В 2016 г. А. Лукашенко одобрил создание нового школьного учебника по истории, согласно которому становление белорусской государственности происходит «в середине IX века – с созданием Полоцкой земли» [18]. Существование Полоцкого княжества, с позиции официальных властей Беларуси, является «золотым веком» и воспринимается как исторический прообраз современной белорусской государственности. На праздновании дня независимости А. Лукашенко заявил, что «уже тогда, 1 155 лет назад, Полоцк был известным торговым и административным центром славянской Европы. А Полоцкое княжество – наша историческая колыбель – мирным, трудолюбивым и дружелюбным государством. Уже тогда его жители самостоятельно определяли свою судьбу» [19]. Педалирование Полоцкого княжества как прообраза современной Беларуси вызвано стремлением внедрить в сознание граждан идею «исторической» закономерности появления независимой Беларуси.

По мнению А. Ластовского, «историческая память о Великой Отечественной войне является ключевой для формирования белорусской националь-

ной идентичности, наиболее устойчивым и артикулированным комплексом в представлениях о прошлом жителей Беларуси» [17]. По его мнению, в отличие от России, в современной Беларуси «память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом» [17]. Великая Отечественная война остается в центре внимания белорусской кинопродукции, где главная опасность для Беларуси исходит от «Запада», что коррелирует с фрондой А. Лукашенко в отношении со странами ЕС. Так, после смены власти в Польше и «разморозки» белорусско-польских отношений А. Лукашенко на встрече с польским послом вспомнил об «общем прошлом» двух стран [20]. После 2014 г. в Беларуси некоторые изменения претерпела и символика дня Победы. Начиная с 2015 г. официальным символом дня Победы стала «белорусская ленточка», раскрашенная в цвета национального флага Беларуси. Она призвана вытеснить «георгиевскую» ленточку, которая ассоциируется с пророссийскими силами в Украине [6].

«Золотой век» прошлого в **Казахстане** ассоциируется с Казахским ханством, образовавшимся на территории современного Казахстана после распада Золотой Орды. Одним из наиболее почитаемых в современном Казахстане правителей прошлого является Абдылай-хан (1711-1781), искусный военачальник и дипломат, сумевший объединить под своим началом казахские жузы и умело лавировавший между Россией и Китаем. В его честь названы проспекты в Астане и Алматы, воздвигнуты памятники, его образ запечатлен на казахстанских купюрах. В 2005 г. в прокат вышел францужско-казахстанский фильм «Кочевник» (финансовую поддержку данному фильму оказывал Президент РК Н. Назарбаев) [16], в котором воспевается образ Абдылай-хана, изгнавшего из казахских степей воинственных завоевателей-джунгар. Им казахстанская историография, учебная литература и кинематограф приписывают образ врага. Выбор джунгар в качестве «врага» выглядит удачно ввиду того, что раскручивание их «злодеяний» не может привести к осложнению международных отношений, в отличие, например, от третирования России со стороны политических элит Украины. Историки описывают Казахское ханство как ключевое объединение Центрально-Азиатского региона, в состав которого входили, помимо прочего «Ташкент, Туркестан, Сайран, Отрар» [3, 146]. Это придает «историческую обусловленность» современным претензиям Казахстана на лидерство в Центрально-Азиатском регионе. В 2010 г. в центре Астаны по инициативе Н. Назарбаева был установлен памятник Керею и Жанибеку – основателям Казахского ханства [28]. Место расположения памятника и участие президента в его открытии способствовали восприятию действий Назарбаева как продолжения их дела. При этом политика Назарбаева в отношении прошлого страны до 2014 г. носила эклектичный характер. Еще в 2011 г. он заявлял о том, что «никогда казахского государства не было» [9]. Это подчеркивало роль Н. Назарбаева как создателя

первого оформленного в правовом ключе «казахского» государства. Бурная негативная реакция представителей «патриотического» направления общественной мысли на слова Назарбаева способствовала пересмотру «исторической» политики в Казахстане. О том, что до Назарбаева казахского государства не существовало, высказался в 2014 г. и В. Путин [30]. В контексте вовлечения России во внутриукраинский конфликт эти слова также вызвали озабоченность в Казахстане. Риторика руководства Казахстана резко переменялась. В одном из выступлений Н. Назарбаев указал на то, что «каждый казах должен знать своих великих предков – тюрков, а у тюркских народов великая и могущественная имперская история, насчитывающая 3 тысячи лет, от саков до Орды» [22]. В конце 2014 г. было принято решение о торжественном праздновании в следующем 2015 г. 550-летия Казахского ханства. После 2014 г. в Казахстане более торжественными и многочисленными стали военные парады. При этом в 2015 г. военный парад был проведен лишь в День Независимости, но не в день Победы [25]. В последующем практика военных парадов на 9 мая в Казахстане была восстановлена, демонстрация военной мощи стала носить более широкий размах [14].

Руководство Казахстана удачно использовало идеологию «евразийства» для сплочения тюркских и славянских этнических групп, составляющих основу казахстанской нации. Стремление заменить коммунистическую идеологию евразийством проявилось, в частности, в переименовании ведущего университета страны в «Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева» [33]. Юридическое закрепление статуса русского языка позволило Казахстану избежать межэтнических столкновений и выстроить политическую нацию, где представители разных этнических групп лояльны в отношении государственных институтов. Дальновидность казахстанской стратегии очевидна на фоне украинского кризиса 2014 г., когда альтернативная стратегия, направленная на вытеснение на периферию русского языка из официального делопроизводства в Украине, обострила межнациональные отношения и усугубила раскол в обществе

Таким образом, в Казахстане достаточно бережно относятся к исторической политике. Процесс формирования образа великой кочевой цивилизации, наследницей которой является современный Казахстан, был ускорен российско-украинским кризисом 2014 г. Казахстан пошел по белорусскому пути, заменив «георгиевскую» ленточку на национальный символ вскоре после обострения российско-украинских противоречий 2014 г.

В **Кыргызстане** в качестве исторической фигуры, символизирующей славное историческое прошлое, выбран богатырь Манас, в честь которого в республике назван столичный аэропорт, город и университет, а главную площадь страны украшает памятник в честь этого героя. Высшая награда Кыргызстана именуется Орденом Манаса. В Кыргызстане существует даже отдельное направление исследований под названием «манасоведение». Яр-

ким символом современного Кыргызстана является юрта, украшающая флаг республики и символизирующая кочевые традиции кыргызского народа. Кочевые устои на символическом уровне подкрепляли изображения всадника и орла на кыргызском соме образца 1993 г. На символическом уровне конструирование представления о прошлом в Кыргызстане носит мозаичный характер. В отличие от ряда других постсоветских республик официальный Бишкек не стремится к дискредитации советского периода для придания значимости современному Кыргызстану. Наоборот, некоторые советские идеологические символы приобретают второе дыхание. Например, в 2011 г. в Токмокском гарнизоне (недалеко от Бишкека) была воссоздана 8-я гвардейская мотострелковая дивизия им. Героя Советского Союза генерал-майора Ивана Панфилова [7]. На киргизской валюте изображены деятели культуры советской эпохи (в частности, актер Суйменкул Чокморов).

Одним из признаков отсутствия кардинального разрыва с советским прошлым служит празднование Дня защитника отечества в Таджикистане и Кыргызстане по советской традиции – 23 февраля, тогда как власти Туркменистана, Казахстана и Узбекистана предпочли перенести это торжество на другие даты. Идея общего исторического прошлого для народов Кыргызстана и России педалировалась экс-президентом А. Атамбаевым. Так, на праздновании дня Победы он заявил о том, что «для киргизов Россия является исторической прародиной» [27]. «Исторические» аргументы А. Атамбаев приводил и в конфликте с Казахстаном, когда, критикуя сложности с пересечением кыргызско-казахстанской границы, заявил о 3000-летней письменной истории киргизского народа, который «не испугается 3-дневной блокады» [23]. В другом выступлении он заявлял о помощи голодающему населению Казахстана в 1930-е гг. [1], чем аргументировал «неправильность» политики современного Казахстана в отношении Кыргызстана. Особое значение в республике придается событиям, характеризующимся как «национально-освободительная борьба». Кыргызстан – единственная страна Центральной Азии, которая официально чествовала трагические события, связанные с восстанием 1916 г., получившим название Уркун, т. е. исход. В связи со 100-летием Уркуна был издан указ президента [26], проводились многочисленные конференции, создан мемориал жертвам того периода. Особое внимание теме Уркуна в школьных учебниках по истории вызывает неоднозначную реакцию общественности. Как убедительно показывает О.Л. Сумаркова, интерпретация истории имперского периода в современном Кыргызстане носит однобокий характер. Царская администрация представлена в роли «колонизатора» [34].

После российско-украинского конфликта 2014 г. власти Кыргызстана также приняли решение отказаться от использования георгиевской ленточки как символа Победы, заменив ее на красно-жёлтый биколор, повторяющий расцветку флага государства [15]. Вместе с тем, георгиевская лента офици-

ально не запрещена в Кыргызстане и до сих пор широко используется как символика, связанная с 9 Мая [10]. Красно-желтый символ, продвигаемый официальными властями, используется военными, чиновниками и общественниками, отвергающими «георгиевскую» ленту как символ «имперской политики России» [10]. Согласно фотоотчётам с мероприятий, президенты Казахстана и Кыргызстана предпочитают использовать «национальную» символику, празднуя день Победы в Астане или Бишкеке. Приезжая на официальные мероприятия в Москву, они носят георгиевские ленты.

Итак, в Кыргызстане наблюдается несколько больший «пророссийский» вектор исторической памяти, где многие праздники напрямую соотносятся с российскими, а исторические фигуры почитаемы еще с советских времен. Для Бишкека не свойственно дистанцирование от советского прошлого, трактуемого в Узбекистане и Туркменистане в «колониальных» традициях [29, 162], однако в качестве «врага» рассматривается «царская администрация», подавившая восстание 1916 г. Это используется рядом политических сил для трансляции исторических событий на современные российско-киргизские отношения, но данная позиция характерна для маргинальных политических сил Кыргызстана [29,165].

Армения находится в затяжном конфликте с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Это отражается на «политике памяти» официальных властей, которые стремятся сформировать образ «героев» из защитников Нагорного Карабаха, увязав их с «героями» Великой Отечественной войны. 9 Мая считается «тройным праздником» – окончанием ВОВ, Днем освобождения Шуши и Днем создания Армии обороны Карабаха. Официальные власти возлагают венки «к памятникам героям Великой Отечественной войны и карабахского освободительного движения» [35]. В отличие от Казахстана, Беларуси и Кыргызстана, в Армении на официальном уровне не проводилась политика замены «георгиевской» ленточки «национальным» символом. Вместе с тем, усилившийся армянский национализм (в том числе ввиду армяно-азербайджанских и армяно-турецких противоречий, а также моноэтничности населения Республики) привел к конструированию образа «героев» среди армянских националистов, некоторые из которых сотрудничали с нацистами в период Второй мировой войны (например, Гарегин Ндже, памятник которому был открыт в Ереване в 2016 г. [24]). Одной из острых «исторических» тем российско-армянских отношений являются события 1920-х гг., когда в условиях Гражданской войны в России часть армянской территории отошла Турции, а советские войска подавили ростки государственности в самой Армении. Данные исторические эпизоды, по мнению некоторых экспертов [31], налагаются на «обиду» со стороны армянского общества недостаточно проармянской позицией Москвы в условиях вооруженных столкновений в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г. Вскоре после этих событий и был торжественно открыт памятник Гарегин Ндже в Ереване [24].

В отличие от других рассматриваемых стран, в Армении четко позиционируется образ «врага» в лице Турции и Азербайджана. При этом российско-украинское противостояние 2014 г. не так значимо для «исторического» дискурса, как Нагорно-Карабахский конфликт. Из богатой истории Армении официальные власти используют широкий спектр имен. Одной из высших наград Армении является орден Тиграна Великого, руководителя древнего Армянского царства, а также орден известного в Армении древнего полководца Вардана Мамикояна. Среди символов, используемых в Армении, используются и советские персонажи. В частности, композитор и дирижёр Арам Хачатурян изображен на лицевой стороне армянского драма. Присутствие деятелей советской эпохи в символической политике современной Армении контрастирует с политикой Украины, Молдовы или стран Балтии.

Таджикистан, переживший кровопролитную гражданскую войну в 1990-е гг., осторожно относится к формированию новых символов нации. Таджикистан – единственная из республик Центральной Азии, где в качестве символов на официальных купюрах изображены профессиональные революционные деятели и партийные руководители советского прошлого (Шириншо Шотемор и Мирзо Турсун-Заде). Ш. Шотемор является одним из организаторов создания Таджикской АССР. Таким образом, официальный Душанбе не стремится на символическом уровне разорвать связь собственной государственности с советским периодом.

Современный Таджикистан в идеологии официальных властей представляется в качестве наследника древнего государства Саманидов. 9 сентября 1999 г. Таджикистан торжественно отпраздновал 1 100-летие государства Саманидов, воспринимаемого в качестве первого государства таджиков. В следующем 2000 г. таджикский рубль был заменен сомани, чье название также отсылает к древней истории таджикского народа. Особым почтением в современном Таджикистане пользуется эмир – основатель государства Саманидов Исмаил Самани, живший в IX–X вв. Образ этого правителя изображен на национальной валюте современного Таджикистана. Празднуя 17-ю годовщину образования Таджикистана, президент Э. Рахмон отметил, что «семнадцать лет назад древняя, культурная, стоявшая у истоков цивилизации таджикская нация добилась ... государственной независимости, и сейчас мы с вами ... отмечаем это славное событие – торжество исторической справедливости и восстановление преемственности нашей новой государственности с системами государственности наших предков, имеющими многотысячелетнюю историю» [32].

В отличие от кочевых народов Центральной Азии, Таджикистан не испытывает дефицита исторических персон, и власти удачно апеллируют к древним опытам государственности. Стремясь подчеркнуть особый статус Таджикистана, политические элиты этой страны указывают на то, что современные таджики – потомки арийцев [13], «являются «подлинно коренным»

населением региона, в то время как тюркские народы якобы ведут свою родословную от «пришлых» кочевников-«варваров» [13]. Э. Рахмон написал несколько статей на тему арийского происхождения таджиков [38], а 2006 г. был объявлен годом арийской цивилизации в Таджикистане [11]. Контекст «арийского» происхождения и древность таджикской государственности призваны подчеркнуть особый статус Республики в Центральной Азии. В качестве «исторических оппонентов» избраны узбеки, которым официальная таджикская историография отводит второстепенное место. По мнению С. Горака, «... споры узбекских и таджикских ученых становятся одним из факторов, влияющих на межгосударственные отношения ...» [12]. Автор показывает, что поиски «исторических» аргументов являются стремлением к оправданию геополитических амбиций Ташкента и Душанбе. В этой связи следует подчеркнуть, что современная политика памяти в Таджикистане носит мифотворческий характер, отводя место в качестве «врага» соседнему Узбекистану. Данное обстоятельство объясняется сложностью межгосударственных отношений в постсоветский период.

* * *

Подводя итоги характеристики политики памяти в рассматриваемых странах, следует подчеркнуть, что в них наблюдаются попытки «удревнить» собственную государственность. Истоками государственности провозглашаются Полоцкое княжество в Беларуси, Казахское ханство в Казахстане, древнее Армянское царство в Армении, государство Саманидов в Таджикистане. Кыргызстан официально не дает названия древнего исходного государства. Наиболее акцентированные формы древности (арийское происхождение) проявились в Таджикистане. Следует отметить, что власти Казахстана обратили более пристальное внимание на поиск истоков государственности лишь после российско-украинского конфликта 2014 г.

Образы «исторического врага» более отчетливо присутствуют в Армении, что объясняется острым армяно-азербайджанским конфликтом и недружественной Еревану политикой Турции. Наиболее удачно образ «исторического врага» сформирован в Казахстане, где роль «плохих парней» отводится ныне не существующему джунгарскому царству. Это обстоятельство позволяет сплачивать казахстанское общество и при этом не иметь каких-либо внешнеполитических осложнений. В Беларуси образ «исторического врага» закреплен за условным «Западом» в лице крестоносцев и «немецко-фашистских захватчиков», что в каком-то смысле позволяет А. Лукашенко «обесценить» обвинения представителей ЕС в «антидемократичности» белорусской власти. В Кыргызстане образ «исторического врага» четко не сформирован, в том числе ввиду периодической дестабилизации ситуации в Республике.

Что касается вопроса о влиянии российско-украинского конфликта 2014 г. на политику памяти, следует отметить, что он не привел к смене исторического дискурса в рассматриваемых странах. Вместе с тем, исследуемые государства по-разному оценили это событие. Для Бишкека, Душанбе и Еревана российско-украинский конфликт носил периферийный характер и не оказал существенного влияния на формирование «исторической политики». Принципиально иная ситуация сложилась у непосредственных соседей России – Беларуси и Казахстана. Минск и Астана предприняли ряд шагов в области исторической политики, нацеленных на укрепление национальной идентичности и подбора соответствующих «исторических» аргументов. В Беларуси и Казахстане усилились попытки «удревнения» собственной истории, что выразилось в торжественном праздновании 550-летия Казахстана и поддержке А. Лукашенко политики восприятия Полоцкого княжества как первого «белорусского» государства. Астана и Минск отказались от использования «георгиевской» ленты как символа Победы в ВОВ, создав альтернативные символы. После 2014 г. более торжественными и масштабными стали военные парады в Минске и Астане, которые проводились как 9 Мая, так и в Дни Независимости республик. Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о некотором снижении доверия между Россией и ее ключевыми союзниками вследствие российско-украинского кризиса 2014 г. Вместе с тем, последующая политика России по углублению экономического взаимодействия с Астаной и Минском демонстрирует сохранение российского вектора внешней политики Казахстана и Беларуси в качестве приоритетного.

Библиографический список

1. Алмазбек Атамбаев в день выборов. Новая порция критики в сторону Казахстана и Назарбаева [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/9kcKjef4Xpc> (дата обращения: 17.10.2017) [Almazbek Atambayev on the election day. A new portion of criticism towards Kazakhstan and Nazarbayev. Available at: <https://youtu.be/9kcKjef4Xpc> (accessed 17.10.2017)].
2. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. [Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow, 2001].
3. *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана: учебник для вузов. Костанай, 2006. [Artykbaev Zh.O. History of Kazakhstan. Textbook for institutes of higher education. Kostanay, 2006].
4. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. [Assmann Ya. Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow, 2004].

5. *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций [Электронный ресурс]. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Achkasov_2013_4.pdf (дата обращения: 17.10.2017) [Achkasov V. "Policy of Memory" as a Tool of Constructing Post-Socialist Nations. Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Achkasov_2013_4.pdf (accessed 17.10.2017)].
6. В Беларуси заменят «колорадскую» ленту цветком [Электронный ресурс]. URL: http://by24.org/2015/04/17/no_more_colorado_ribbons_in_belarus/ (дата обращения: 17.10.2017) [In Belarus the "Colorado" ribbon will be replaced with a flower. Available at: http://by24.org/2015/04/17/no_more_colorado_ribbons_in_belarus/ (accessed 17.10.2017)].
7. В Киргизии возродили Панфиловскую дивизию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.for.kg/news-155330-ru.html> (дата обращения: 17.10.2017) [In Kyrgyzstan, the Panfilov Division has been revived. Available at: <http://www.for.kg/news-155330-ru.html> (accessed 17.10.2017)].
8. Гаспарян Армен. Секрет исторической памяти Беларуси и Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/columnists/20160504/1022269249.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Gasparyan Armen. The Secret of the Historical Memory of Belarus and Armenia. Available at: <https://sputnik.by/columnists/20160504/1022269249.html> (accessed 17.10.2017)].
9. Генпрокуратура не дала оценку заявлению Назарбаева в стиле Жириновского [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/nursultan_nazarbaev_vladimir_jirinovski_vladimir/24359644.html (дата обращения: 17.10.2017) [The Prosecutor General's Office did not give an assessment of Nazarbayev's statement in the style of Zhirinovskiy. Available at: https://rus.azattyq.org/a/nursultan_nazarbaev_vladimir_jirinovski_vladimir/24359644.html (accessed 17.10.2017)].
10. Георгиевская лента: политика терпимости [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/28475893.html> (дата обращения: 17.10.2017) [St. George's ribbon: a policy of tolerance. Available at: <https://rus.azattyk.org/a/28475893.html> (accessed 17.10.2017)].
11. Год Арийской цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ehobbex.com/ru/node/3913> (дата обращения: 17.10.2017) [The Year of the Aryan civilization. Available at: <http://www.ehobbex.com/ru/node/3913> (accessed 17.10.2017)].
12. *Горак С.* В поисках истории Таджикистана: о чем таджикские историки спорят с узбекскими? [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/go7.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Horák S. In search for the history of Tajikistan: what are Tajik and Uzbek historians arguing about? Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/go7.html> (accessed 17.10.2017)].

13. Истинные арийцы [Электронный ресурс]. URL: <http://strana.lenta.ru/tajikistan/samanid.htm> (дата обращения: 17.10.2017) [True Aryans. Available at: <http://strana.lenta.ru/tajikistan/samanid.htm> (accessed 17.10.2017)].
14. Казахстан отмечает день Победы. Невероятно масштабный парад потряс жителей [Электронный ресурс]. URL: <https://chto-proishodit.ru/news/2017/05/07/133740075346.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Kazakhstan celebrates the Victory Day. Incredibly large-scale parade shocked inhabitants. Available at: <https://chto-proishodit.ru/news/2017/05/07/133740075346.html> (accessed 17.10.2017)].
15. Киргизия вслед за Казахстаном отказывается от георгиевских ленточек в День Победы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shatilin.com/kirgiziya-vsled-za-kazahstanom-otkazyivaetsya-ot-georgievskih-lentochek-v-den-pobedy/> (дата обращения: 17.10.2017) [After Kazakhstan, Kyrgyzstan rejects St. George's ribbons on the Victory Day. Available at: <http://www.shatilin.com/kirgiziya-vsled-za-kazahstanom-otkazyivaetsya-ot-georgievskih-lentochek-v-den-pobedy/> (accessed 17.10.2017)].
16. «Кочевнику» помог Назарбаев [Электронный ресурс]. URL: http://www.kinoanons.ru/movie/85/review/gpu_ua_080906.html (дата обращения: 17.10.2017) ["Nomad" was helped by Nazarbayev. Available at: http://www.kinoanons.ru/movie/85/review/gpu_ua_080906.html (accessed 17.10.2017)].
17. *Ластовский А.* Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/> (дата обращения: 17.10.2017) [Lastovsky A. Specificity of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective. Available at: <http://polit.ru/article/2010/07/19/belorus/> (accessed 17.10.2017)].
18. Лукашенко одобрил учебник об исключительности белорусской истории [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/03/01/lukashenko/> (дата обращения: 17.10.2017) [Lukashenko Approved the Textbook on Exclusiveness of Belarusian History. Available at: <https://lenta.ru/news/2017/03/01/lukashenko/> (accessed 17.10.2017)].
19. Лукашенко: Полоцкое княжество – наша историческая колыбель [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/society/549720.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Lukashenko: the Principality of Polotsk is our historical cradle. Available at: <https://news.tut.by/society/549720.html> (accessed 17.10.2017)].
20. Лукашенко: У Беларуси и Польши общая история и общие проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://grodno-best.info/v-belarusi/vlast/lukashenko-u-belarusi-i-polshi-obshhaya-is.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Lukashenko: Belarus and Poland have the common history and common problems. Available at: <http://grodno-best.info/v-belarusi/vlast/lukashenko-u-belarusi-i-polshi-obshhaya-is.html> (accessed 17.10.2017)].

21. Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке. Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009. [Malinova O.Yu. Russia and "the West" in the 20th Century. Transformation of the Discourse on Collective Identity. Moscow, 2009].
22. Назарбаев Н.А. История Казахского ханства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MBUOOmRCG0I> (дата обращения: 17.10.2017) [Nazarbayev N. History of the Kazakh Khanate. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=MBUOOmRCG0I> (accessed 17.10.2017)].
23. Новая речь Атамбаева. Президент Кыргызстана ответил Назарбаеву [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=h2m26o2BJ-g&feature=youtu.be> (дата обращения: 17.10.2017) [A new speech by Atambaev. President of Kyrgyzstan answered Nazarbayev. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=h2m26o2BJ-g&feature=youtu.be> (accessed 17.10.2017)].
24. Памятник Гарегину Нжде, союзнику рейха, не врагу России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/27766304.html> (дата обращения: 17.10.2017) [The monument to Garegin Nzhdeh as an ally of the Reich, not the enemy of Russia. Available at: <https://www.ekhokavkaza.com/a/27766304.html> (accessed 17.10.2017)].
25. Парадный выходной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/05/04/8212373.shtml> (дата обращения: 17.10.2017) [The grand day off. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/2016/05/04/8212373.shtml> (accessed 17.10.2017)].
26. Президент Алмазбек Атамбаев подписал Указ «О 100-летию трагических событий 1916 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://knews.kg/2015/05/prezident-almazbek-atambaev-podpisal-ukaz-o-100-letii-tragicheskikh-sobyitiy-1916-goda/> (дата обращения: 17.10.2017) [President Almazbek Atambayev signed the decree "On the 100th anniversary of the tragic events of 1916". Available at: <http://knews.kg/2015/05/prezident-almazbek-atambaev-podpisal-ukaz-o-100-letii-tragicheskikh-sobyitiy-1916-goda/> (accessed 17.10.2017)].
27. Президент Атамбаев. Для нас Россия историческая прародина [Электронный ресурс]. URL: https://youtu.be/jO9iV3z4_8o (дата обращения: 17.10.2017) [President Atambayev. For us, Russia is a historical ancestral home. Available at: https://youtu.be/jO9iV3z4_8o (accessed 17.10.2017)].
28. Президент Казахстана открыл в столице памятник основоположникам Казахского ханства Керею и Жанибеку [Электронный ресурс]. URL: http://www.inform.kz/ru/prezident-kazahstana-otkryl-v-stolice-pamyatnik-osnovopolozhnikam-kazahskogo-hanstva-kereyu-i-zhanibeku_a2273839 (дата обращения: 17.10.2017) [President of Kazakhstan opened a monument in the capital to the founders of the Kazakh Khanate Kerey and Janibek. Available at: http://www.inform.kz/ru/prezident-kazahstana-otkryl-v-stolice-pamyatnik-osnovopolozhnikam-kazahskogo-hanstva-kereyu-i-zhanibeku_a2273839 (accessed 17.10.2017)].

29. *Плотников Д.С.* Конструирование исторического прошлого в государствах Центральной Азии в контексте выстраивания взаимоотношений с Россией на современном этапе // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. №2. С. 155–167. [Plotnikov D.S. Constructing the past of Central Asia in the context of building relations with Russia at the present stage // Review of Political Science. 2016. No. 2.].
30. Путин: у казахов никогда не было государства [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0vxCXFFXMPQ> (дата обращения: 17.10.2017) [Putin: Kazakhs have never had a state of their own. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0vxCXFFXMPQ> (accessed 17.10.2017)].
31. *Ремизов Михаил*: «В сфере политики памяти Армения существенно дистанцируется от России» [Электронный ресурс]. URL: <http://vestikavkaza.ru/interview/Mikhail-Remizov-V-sfere-politiki-pamyati-Armeniya-sushchestvenno-dstantsiruetsya-ot-Rossii.html> (дата обращения: 17.10.2017) [Mikhail Remizov: "In the sphere of the politics of memory, Armenia substantially distances itself from Russia". Available at: <http://vestikavkaza.ru/interview/Mikhail-Remizov-V-sfere-politiki-pamyati-Armeniya-sushchestvenno-dstantsiruetsya-ot-Rossii.html> (accessed 17.10.2017)].
32. Республика Таджикистан отмечает 17-ю годовщину своей государственной независимости [Электронный ресурс]. URL: http://www.tajikemb.kg/index.php?id=161&Itemid=67&option=com_content&task=view (дата обращения: 17.10.2017) [The Republic of Tajikistan marks the 17th anniversary of its independence. Available at: http://www.tajikemb.kg/index.php?id=161&Itemid=67&option=com_content&task=view (accessed 17.10.2017)].
33. Сайт Евразийского национального университета им. Н. Л. Гумилева [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enu.kz/ru/> (дата обращения: 17.10.2017) [The site of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Available at: <http://www.enu.kz/ru/> (accessed 17.10.2017)].
34. *Сумаркова О.Л.* Киргизско-российские взаимоотношения в имперский период на страницах учебников истории для школ и университетов [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgizsko-rossiyskie-vzaimootnosheniya-v-imperskiy-period-na-stranitsah-uchebnikov-istorii-dlya-shkol-i-universitetov-kirgizii> (дата обращения: 17.10.2017) [Sumarkova O. L. Kyrgyz-Russian relations in the imperial period on pages of history textbooks for schools and universities. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirgizsko-rossiyskie-vzaimootnosheniya-v-imperskiy-period-na-stranitsah-uchebnikov-istorii-dlya-shkol-i-universitetov-kirgizii> (accessed 17.10.2017)].
35. Тройной праздник отметят 9 Мая в Армении [Электронный ресурс]. URL: <http://newsarmenia.am/news/armenia/troynoy-prazdnik-otmetyat-9-maya-v-armenii/> (дата обращения: 17.10.2017) [Triple holiday will be celebrated on May 9 in Armenia. Available at: <http://newsarmenia.am/news/armenia/troynoy-prazdnik-otmetyat-9-maya-v-armenii/> (accessed 17.10.2017)].

36. Хобсбаум Э. Изобретение традиций [Электронный ресурс]. URL: <http://fanread.ru/book/8797069/?page=5> (дата обращения: 17.10.2017). [Hobsbawm E. The invention of traditions. Available at: <http://fanread.ru/book/8797069/?page=5> (accessed 17.10.2017)].
37. Шадурский В.Г. Историческая политика в Республике Беларусь: этапы развития и версии интерпретации прошлого [Электронный ресурс]. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108573/1/shadurski_Trudy_2014.pdf (дата обращения: 17.10.2017) [Shadursky V.G. Historical policy in the Republic of Belarus: stages of development and versions of the interpretation of the past. Available at: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108573/1/shadurski_Trudy_2014.pdf (accessed 17.10.2017)].
38. Эмомали Рахмонов – Президент Республики Таджикистан. Арийские ценности в мировой цивилизации (размышления на пороге чествования Арийской цивилизации) [Электронный ресурс]. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=13200 (дата обращения: 17.10.2017) [Emomali Rahmonov – President of the Republic of Tajikistan. Aryan values in the world civilization (reflections on the threshold of the celebration of the Aryan civilization). Available at: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=13200 (accessed 17.10.2017)].
39. Tapon F. Hidden Europe. What Eastern Europeans can teach us. San-Francisco, 2010.

CHANGES IN “POLITICS OF MEMORY” OF THE POST-SOVIET RUSSIA’S ALLIES AFTER 2014

D. S. Plotnikov

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Political Science, Perm State University

The article examines the dynamics of historical politics of the official authorities of Belarus, Kazakhstan, Armenia, Kyrgyzstan, and Tajikistan in the context of the Russian-Ukrainian conflict of 2014. The author determines general tendencies in the politicization of the past in the countries under consideration and defines the image of the "enemy" in official interpretations of history and in speeches of political leaders, which is correlated with the current foreign policy of the countries. The paper focuses on changes in the politics of memory after 2014, which have been observed in the aspirations of political elites to "redouble" their statehood and to introduce new "national" symbols.

Keywords: politics of memory; post-Soviet space; identity building; foreign policy.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-108-121

ЕГЭ ПО ИСТОРИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕПЕРТУАРА АКТУАЛИЗИРОВАННОГО ПРОШЛОГО¹

С. А. Васильковский²

Единый государственный экзамен по истории рассматривается в качестве инструмента формирования репертуара актуализированного прошлого, определяющего содержание национально-гражданской идентичности. Анализ структуры заданий экзамена выявил различную коммеморативную плотность отдельных периодов отечественной истории. Результаты показали, что ЕГЭ встраивается в официальный нарратив славного тысячелетнего прошлого и может служить одним из инструментов конструирования исторических представлений подрастающего поколения российских граждан.

Ключевые слова: политика памяти; макрополитическая идентичность; нарратив; коммеморативная плотность; актуализированное прошлое; ЕГЭ по истории.

После распада Советского Союза перед Россией встал вопрос конструирования новой макрополитической идентичности [14, 139] и новой концепции государственности. События и факты, память о которых была сформирована еще в советский период, – предмет острых политических дискуссий. В России, как и в других постсоветских государствах, история стала фундаментальным фактором, влияющим не только на формирование идентичности новых национальных государств, но и на международные отношения между ними.

Отход от советской схемы интерпретации прошлого поставил задачу разработки нового официального нарратива – сюжетно оформленного повествования, предлагающего связную картину цепи исторических событий [13, 9]. За счет отбора значимых исторических фактов и выстраивания связей между ними не только формируется представление о Нас, как едином сообще-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01589) и проводится на базе Института научной информации по общественным наукам РАН.

² Васильковский Сергей Алексеевич – аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: sergeivasilkovsky@gmail.com.

© Васильковский С. А., 2018

стве, но и объясняются причины, по которым, вспоминая об этом эпизоде прошлого, общество воспроизводит именно такие, а не иные ритуалы [4, 15]. Стоит заметить, что кроме представлений о прошлом и настоящем, политика памяти направлена и в будущее, именно поэтому государство использует определенные события для легитимации политического действия.

Таким образом, создание государством нового исторического нарратива тесно связано с конструированием макрополитической идентичности. Содержанием этого нарратива служит актуализированное прошлое (*usable past*) – «своеобразный репертуар исторических событий, фигур и символов, которые наделяются смыслами, в той или иной мере значимыми для современных политических и культурных практик» [14, 142]. От репертуара актуализированного прошлого зависит успешность закрепления идентичности. Государство использует имеющиеся в его распоряжении ресурсы в процессе формирования коллективной памяти. Так, например, оно может создавать новые ритуалы и праздники, устанавливать памятники, учреждать государственные символы и т. д.

Стоит заметить, что подход к формированию коллективных представлений о прошлом в постсоветской России постоянно менялся под влиянием многих внутренних и внешних факторов [15]. 1990-е гг. прошли под знаком разрыва с представлениями об истории, господствовавшими в СССР. В данный период происходила трансформация репертуара актуализированного прошлого, что выражалось в заполнении белых пятен истории [24], чаще всего связанных с трагическими событиями XX в. Затем, в начале нулевых, политика памяти была направлена на консолидацию общества вокруг «славного тысячелетнего прошлого». Критический подход сменился эклектическим, соединяющим в общий нарратив разные представления о российском прошлом [13;15]. С 2012 г., на фоне обострения внешнеполитических конфликтов и внутреннего экономического кризиса, произошла резкая секьюритизация дискурса об идентичности и как следствие – история как ресурс стала более востребованной [13, 154]. Был принят закон, устанавливающий уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенное публично». Оппоненты власти стали представляться «национал-предателями».

Однако представления об истории у большинства людей складываются еще до того, как они становятся активными участниками общественно-политической жизни. Формирование представлений о прошлом происходит через приобщение человека к культурным памятникам и практикам: литературе, праздникам, кино, устным рассказам, коммеморативным ритуалам. Александр Эткин связывает формирование представлений о прошлом с работой твердых и мягких форм памяти [19, 228]. Мягкая память включает в себя тексты, образы, нарративы, а твердая – главным образом памятники и

мемориалы. Обе формы не просто сосуществуют, они взаимодействуют: идеи и тексты должны быть воплощены в мемориалах, тогда как «твердые средства памяти» не функционируют без дискурсивного поля.

Одним из самых действенных институтов, принимающих непосредственную роль в политике памяти, является школа [4, 15]. Образование, полученное в раннем возрасте, способствует надежному закреплению представлений о прошлом. В частности, формирование макрополитической идентичности происходит через уроки истории в школах. Изучению преподавания истории, и главным образом – содержанию учебников, уделяется в контексте исследований социальной памяти немало внимания [3; 10; 11; 20; 21; 23]. Учебники по истории связывают текущую политику с прошлым в контексте определённых целей [23, 130]. В них наиболее четко представлены и сформулированы идеи гражданства и нации, общего прошлого и будущего.

Проблема унификации содержания школьных учебников истории оказалась предметом внимания власти с середины 2000-х гг. В 2006 г. была предпринята первая попытка «упорядочить» преподавание этой дисциплины. Группе авторов под руководством Александра Филиппова и Александра Данилова было поручено подготовить набор учебников по истории для средней школы [15, 334]. Итогом этой работы стали учебник «История России 1945–2007» и методическое пособие для учителей по периоду 1900–1945 гг., в которых произошел отказ от однозначно негативной оценки тоталитарного прошлого. В 2013 г. Владимир Путин предложил подготовить учебник по истории в рамках единой концепции и логики. Созданная по его указанию расширенная рабочая группа сформировала Концепцию учебно-методического комплекса (УМК), в которую вошел «перечень трудных вопросов истории России» [14, 152]. Для облегчения работы учителей истории, сталкивающихся с проблемой недостатка материалов и достоверной информации по этим вопросам, в «Историко-культурном стандарте» предусмотрено создание серии тематических модулей, методических пособий, а также дополнительных справочных материалов, соотносящих наиболее распространенные точки зрения на эти события. В итоге должна быть закреплена роль учебника как «навигатора», представляющего несколько подходов к существующим проблемам.

Однако в потоке общественных споров о «едином учебнике истории» и на фоне происходящего государственного регулирования в области коллективной памяти и преподавания истории в школах мы упускаем иной вариант стандартизации памяти о прошлом. На запоминание истории влияет также Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Институт ЕГЭ был введен в 2001 г. в качестве эксперимента в нескольких регионах Российской Федерации. Впоследствии, с 2009 г. он стал основным условием для получения аттестата о среднем образовании и для поступления в высшие учебные заведения. Экзамен по истории не числился среди обязательных предметов, его сдавали по

выбору. Однако в мае 2017 г. Министр образования и науки Ольга Васильева заявила, что «вся страна будет сдавать историю».

Следует заметить, что ЕГЭ стал своеобразным измерителем результатов преподавательской деятельности. Родители уже давно выбирают образовательный центр или школу исходя из показанных ими результатов [6, 37]. В гонке за рейтингом, на основе собственного опыта подготовки к ЕГЭ, учителя могут выбирать учебные пособия и рабочие тетради, которые в большей степени будут соответствовать экзамену. Это позволяет повысить баллы у сдающих экзамен. Вслед за ними движутся и финансовые потоки. На основе результатов повышается финансирование школ, а за деньгами идут лучшие педагоги. На это не могут не обращать внимания и создатели учебников, образовательных программ и т.д. Примечательно также, что вплоть до 2014 г. эффективность работы губернаторов и руководителей регионов оценивалась в том числе по баллам ЕГЭ, полученным школьниками, правда позже эта позиция была исключена из показателей для оценки деятельности губернаторов, что снизило политическое давление на проведение ЕГЭ.

Таким образом, структура школьного экзамена играет особенную роль в современных общественно-политических и культурных реалиях. С одной стороны, будучи итогом школьного образования, ЕГЭ призван проверить всю полноту знаний по истории отечества, унифицировать процедуру получения аттестата и уравнивать шансы для поступления в престижные вузы всех учеников. С другой стороны, содержание ЕГЭ отражает результаты определенного отбора дат, фактов, событий и исторических личностей, и его можно рассматривать в качестве отражения структуры актуализируемого прошлого. Более частое употребление одних периодов или событий в представленных на экзамене заданиях указывает на их разную коммеморативную плотность [4, 19]. Это, в свою очередь, служит подтверждением закрепления определенного репертуара актуализированного прошлого.

Примечательно, что главный упор государство делает на формирование позитивного образа отечественной истории, сглаживание её спорных углов и замалчивание негативных событий [22, 532]. Ресурсом для консолидации общества могут служить победы, фигуры выдающихся деятелей, признание заслуг государства на международной арене. В данной статье мы постараемся показать, что Единый государственный экзамен по истории воспроизводит именно такой подход к работе с актуализированным прошлым.

Методика анализа. До 2015 г. ЕГЭ по истории состоял из трех частей разного уровня сложности: блок А включал тестовые задания с единственным ответом; в блоке В необходимо было дать краткий ответ, вписать слово; задания С подразумевали сочинение по выбранной исторической фигуре или периоду, сопоставление, письменный ответ на вопрос. Однако в 2015 г. ЕГЭ был переформатирован и усложнен. Министерство образования

отказалось от структурирования по блокам, обозначенным буквами латинского алфавита (А, В и С), и в нынешнем варианте экзамен по истории состоит из двух частей, включающих в себя 25 заданий. Первая содержит 19 вопросов и представляет собой слияние блоков А и В, в ней надо выбрать правильные варианты ответа, вписать слово, убрать лишний термин из списка и т. д. Вторая часть включает в себя 6 заданий, на которые требуется развернутый ответ.

Источником для анализа структуры заданий экзамена по истории послужил Открытый банк заданий Федерального института педагогических измерений (ФИПИ), который начали создавать в 2013 г. Благодаря этому появилась возможность проанализировать основное содержание вопросов экзамена по отечественной истории. В базу данных вошли задания Части 1, которые требуют конкретного знания материала, основных дат, лиц, фактов и событий. Вторая часть экзамена не представлена в открытом доступе и, на наш взгляд, не представляет собой особой ценности с точки зрения анализа политики памяти, поскольку, по большей части, она направлена на проверку аналитических способностей школьника.

Методика исследования предполагала анализ содержания вопросов. Мы определяли, к какому из этапов отечественной истории отсылает вопрос или задание, отрывок исторического документа. Кроме того, мы выделяли вопросы, относящиеся к внутренней и внешней политике России, связанные со значимыми социальными событиями и реформами, а также отражающими культурную историю. Стоит заметить, что часть заданий не имеет строгой хронологической привязки – они нацелены на проверку знания терминов или относятся сразу к нескольким несвязанным периодам. Такие вопросы не были включены в анализ. Возможны расхождения полученных результатов с общим количеством заданий в пределах небольшой погрешности, поскольку некоторые из них повторялись или находились не в своих периодах. На общую картину это не повлияло.

Анализ содержания заданий ЕГЭ по истории

Общая структура ЕГЭ. Открытый банк заданий экзамена по истории насчитывает около 4 100 вопросов, которые разделены на три основных периода (рис. 1): Древность и Средневековье; Новое время; Новейшая история. Каждый из них должен присутствовать в варианте, который готовится для школьников. Стоит добавить, что в базу вопросов входят все задания, когда-либо встречавшиеся в экзамене по истории. К сожалению, невозможно отследить, в какой год какое из заданий было добавлено, поэтому мы не можем точно проверить динамику изменений в структуре вопросов экзамена. Однако компьютер выбирает задания случайным образом, поэтому события с большей плотностью вопросов будут выпадать чаще.

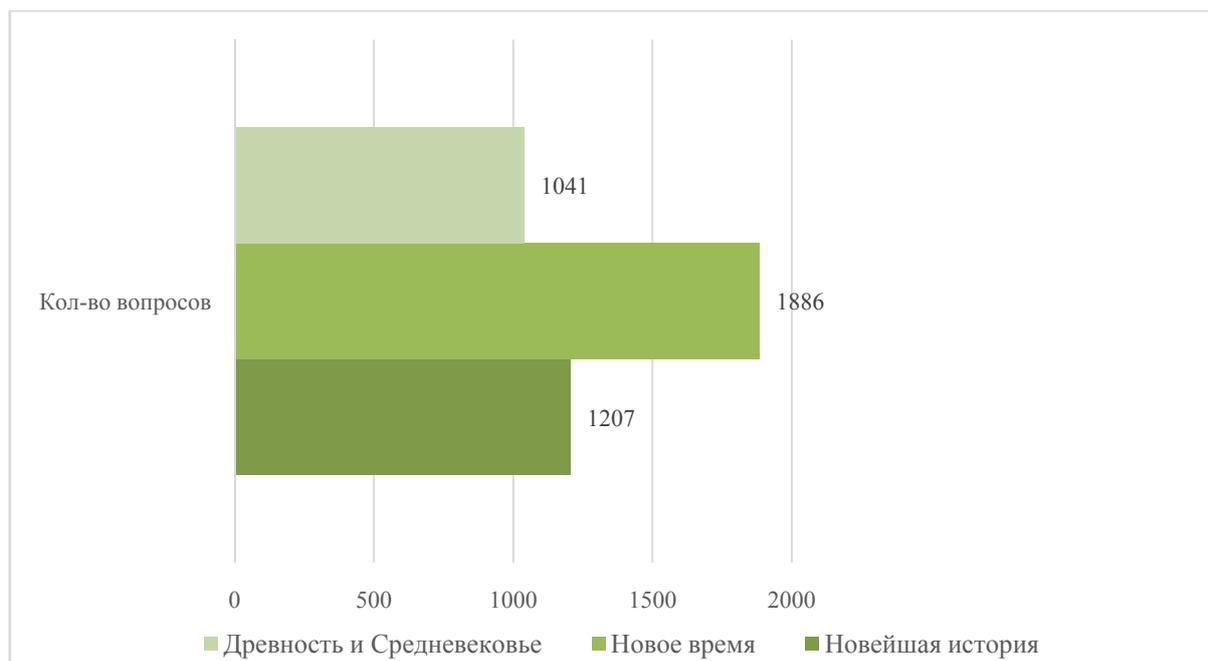

Рис. 1. Общее количество вопросов по основным периодам отечественной истории

Первый блок вопросов «Древность и Средневековье» охватывает масштабный промежуток времени от первых союзов славянских племен и становления Киевского государства до Смутного времени и восшествия на престол династии Романовых. Восемьсот лет (почти две трети) отечественной истории представлены лишь 25% от общего числа вопросов, что вполне объяснимо в рамках позитивного представления о прошлом. На данный период, согласно УМК, приходится ряд «трудных вопросов истории России»: роль варягов в образовании Древнерусского государства; существование древнерусской народности и восприятие наследия Древней Руси как общего фундамента истории России, Украины и Беларуси; исторический выбор Александра Невского; роль Ивана IV Грозного в российской истории, его реформы и их цена; попытки ограничения власти правителя государства в период Смуты. По этим проблемам учителям предлагается предоставлять несколько точек зрения. Однако для подготовки к сдаче ЕГЭ данный подход не играет существенной роли, поскольку основная часть заданий посвящена знанию дат, имен и событий.

Самым большим по объему вопросов оказался период «Нового времени». Он начинается с правления первых Романовых и заканчивается отречением Николая II от престола. На данный этап приходится общественно-политическое, экономическое и культурное становление российского государства. Именно в XVIII в. Россия входит в «европейский концерт» и начинает играть важную роль в мировой политике.

В этап «Новейшей истории» вошли события XX в. от революций и становления Советского государства до его распада и последующих рыночных

реформ. Это один из самых насыщенных и сложных веков российской истории, на изучение которого школьникам отводится отдельный год и учебник. Данный этап включает увеличенное количество разнообразных вопросов. Они отражают не столько роль исторических личностей, сколько ключевые этапы истории. На первый план выходят и экономическая политика, и международная обстановка.

Более подробно мы остановимся на Новом времени и Новейшей истории, поскольку именно тогда происходило становление российского государства и основные события отечественной истории.

Новое время. Структура содержания вопросов экзамена представлена на графиках ниже (рис. 2 и рис. 3). Для Нового времени основными хронологическими водоразделами служат периоды правления монархов, кроме эпохи дворцовых переворотов. Отдельно на графике мы выделили культурную историю и общественные движения. Разделение на этапы в Новейшей истории проходит по значимым направлениям политики, которые были выявлены в ходе анализа.

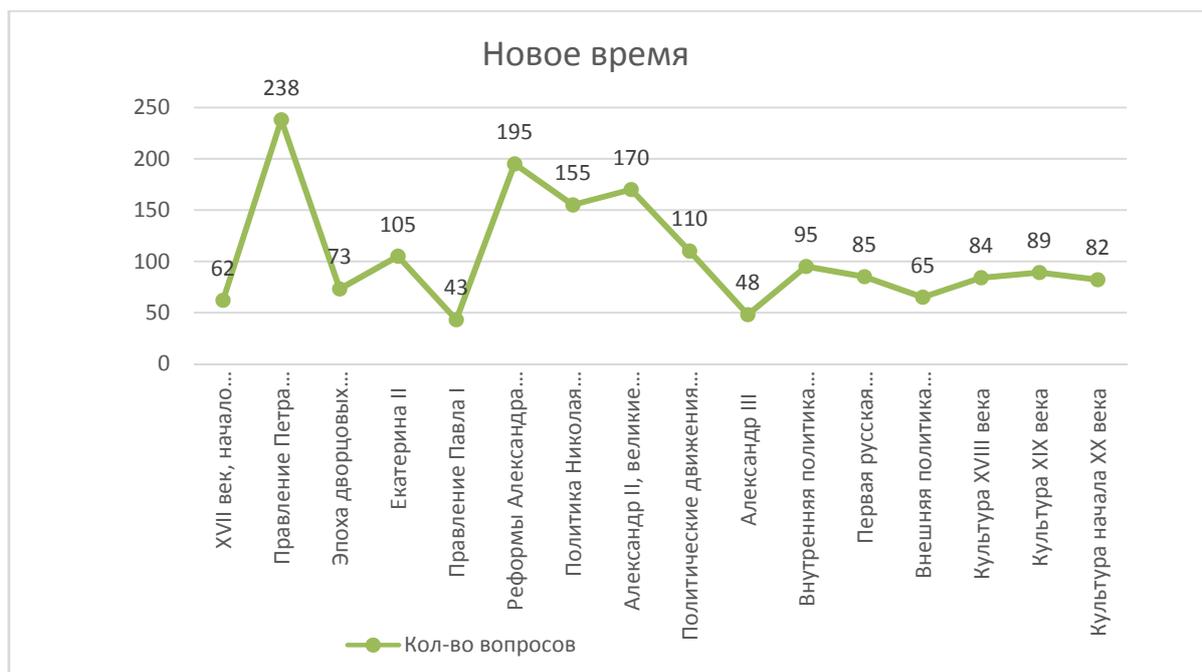

Рис. 2. Представленность вопросов по Новому времени

На графике Нового времени по количеству заданий выделяются несколько периодов. Реформы Петра Великого, становление империи, события Северной войны более представлены на фоне вопросов по XVII в. и дворцовым переворотам. Правление Александра I возвышается за счет вопросов по Отечественной войне 1812 г.: более половины вопросов приходятся именно на неё и на заграничные походы российской армии.

Примечательно, что периоды реформ тоже отличаются высокой коммеморативной плотностью в структуре экзамена. Так, из 170 вопросов, по-

священных правлению Александра II, 120 приходится на внутреннюю политику, в том числе 50 – на земельную реформу и отмену крепостного права. Внутренняя политика Николая II, «зарождение» парламентаризма и предшествующие ему события выделяются по количеству вопросов на фоне контрреформ его отца. Освобождение крестьян, реорганизация армии, а также развитие капитализма, политической и судебной систем рассматриваются как благие преобразования, происходившие в Российской империи в XIX–XX вв. Об этом свидетельствует и отсутствие в «перечне трудных вопросов» сюжетов, связанных с этими событиями.

С другой стороны, вопросы о трагических страницах российской истории, таких как Первая мировая и Русско-японская войны, встречаются достаточно редко: 30 и 35 вопросов соответственно. Эти две проигранные войны воспринимаются как ошибки, воспоминание о которых не вписывается в логику «славного прошлого».

Рис. 3. Представленность вопросов по Новейшей истории

Новейшая история. Гораздо интереснее выглядит содержание заданий по Новейшей истории. Среди сбалансированной общей картины пиком становятся вопросы, посвященные событиям вокруг Второй мировой войны. В них мы включили не только памятные даты Великой Отечественной войны, но и события и договоры, непосредственно предшествовавшие и завершившие войну. При этом основная масса вопросов, так или иначе, посвящена именам и сражениям, поскольку война является отражением славного прошлого, вокруг которого строится советский и постсоветский нарративы.

Примечательно что, каждый этап Новейшей истории России входит в перечень трудных вопросов. С точки зрения учителя, каждый период должен быть представлен несколькими подходами к оценке прошлого. Великая Отечественная война не стала исключением. Спорными моментами являются и внешняя политика СССР накануне войны, и цена победы.

* * *

Исходя из структуры заданий, можно сделать вывод, что Единый государственный экзамен по истории как инструмент формирования представлений о прошлом вписывается в общую картину политики идентичности в России [13, 149]. Во-первых, большой объем заданий ЕГЭ приходится на имперский период истории России. Во-вторых, на современном этапе Великая Отечественная война и победа в ней являются основными событиями репертуара актуализированного прошлого. В-третьих, конструирование идентичности на основе позитивного прошлого ограничивает репертуар используемых событий. В-четвертых, коммеморативная плотность событий, отраженных в ЕГЭ, не всегда коррелирует с «перечнем трудных вопросов».

Кроме проверки общих знаний по истории, ЕГЭ закрепляет картину прошлого, преподаваемую в школе. Упор в ЕГЭ на дореволюционные события создает и поддерживает образ «тысячелетней истории» России. Как правильно заметила О.Ю. Малинова, именно дореволюционное прошлое обладает большим ресурсом для построения макрополитической идентичности [13, 137]. Кроме того, согласно УМК на данный период приходится всего четыре «трудных вопроса» из двадцати: попытки ограничения власти главы государства в эпоху дворцовых переворотов; присоединение Украины к России; фундаментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы; причины, особенности, последствия и цена петровских преобразований. Таким образом, в период от дворцовых переворотов до революций 1917 г. не встречаются проблемные события, которые требуют разбора нескольких точек зрения.

Помимо становления империи и внешней экспансии в XVIII в., конституирующим историческим событием XX в. для современной России была и остается Великая Отечественная война. На её долю приходится 230 из 1 030 вопросов по Новейшей истории. Иными словами, почти четверть всех заданий ЕГЭ по данному периоду посвящена всего 6 годам XX в. Согласно исследованиям О.Ю. Малиновой, память о Великой Отечественной войне окончательно стала основным ресурсом российской исторической политики, нацеленным на построение макрополитической идентичности [12;13]. Впрочем, в 1990-е гг., после распада СССР, государство пыталось создать иной, отличный от советского, образ этой войны. Великая Победа интерпре-

тировалась как подвиг народа, одержавшего её вопреки политике партии и правительства, а не благодаря им. В 2000-е гг. на смену теме травмы пришли консолидирующие, позитивные представления о войне. На первый план снова вышли подвиги героев и гордость за славное прошлое [12;19]. Все инициативы, исходящие снизу (например, георгиевская ленточка или «Бессмертный полк»), государство поддерживало, а впоследствии принимало на вооружение.

По мнению Н. Копосова, Великая Отечественная война стала настоящим мифом происхождения российского государства [7, 163]. Вокруг него строится концепция нового режима. При этом происходит вовлечение в официальный нарратив разных взглядов на это событие. Государство интегрирует в себя и бессмысленные жертвы, и представления о неготовности к войне, и подвиги героев, и спасение советскими войсками Европы от нацизма. В ЕГЭ одновременно присутствуют вопросы, относящиеся к пакту Молотова-Риббентропа и к 28 панфиловцам. Великая Отечественная война и Победа являются также главными консолидирующими событиями прошлого из-за мультиэтничности Российской Федерации, поскольку построение макрополитической идентичности через этническую или религиозную принадлежность в России по меньшей мере затруднительно.

Стремление к позитивному образу российской истории и сглаживание проблемных углов упрощают и ограничивают репертуар актуализированного прошлого. Коммеморативная плотность военных побед и славных событий значительно больше, чем неудачных периодов. Количество вопросов, посвященных событиям «славного прошлого» (становлению империи при Петре I, Отечественной войне 1812 г., реформам Александра II и Великой Отечественной войне), существенно превышает количество тех, вспоминать о которых неудобно: Бунташный век, восстание декабристов, Крымская война, Русско-японская война, НЭП, «Большой террор».

Задания для Единого государственного экзамена начали составлять задолго до появления «Историко-культурного стандарта», поэтому «трудные вопросы» могут иметь высокую коммеморативную плотность. Они направлены не на рефлексию в отношении истории, а на проверку знаний о победах, славных датах и событиях. Таким образом, ЕГЭ становится некой ретроспективной политики памяти: он отражает подход к работе с прошлым, закреплённый в 2000-х гг. Попытка зафиксировать историю в качестве обязательного предмета для получения аттестата может привести к дальнейшей ревизии заданий на основе новой концепции.

В завершение следует отметить, что отношение к войне и имперской истории резко изменилось после 2014 г. В условиях конфликта с Украиной и Западом политика идентичности стала рассматриваться как фактор национальной безопасности. На фоне обострившихся войн памяти государство постаралось защитить формируемые представления об истории. Также в дан-

ный период начался поиск новых событий для расширения рамок привычного репертуара актуализированного прошлого, что впоследствии может отразиться на структуре экзамена.

В данных условиях прошлое играет роль не только в построении макрополитической идентичности, но и в демаркации по линии «Свой / Чужой». Границы между оппонентами проходят в России не по вопросам экономических, правовых, социальных реформ, а по отношению к историческому наследию. Обсуждение актуальных внешнеполитических и внутривнутриполитических событий редко обходится без отсылок к прошлому. Отсутствие же определенности в обществе по поводу одного из главных фундаментов формирования новой идентичности объясняет повышенное внимание властвующих элит к вопросу формирования единого исторического нарратива, в том числе посредством таких инструментов актуализированного прошлого, как ЕГЭ, учебники истории, мемориальные законы и т.д. Неразрешенность вопросов памяти, односторонний взгляд на события истории и использование войны продолжают раскалывать общество современной России.

Библиографический список

1. *Берелович В.* Современные российские учебники истории: многоликая истина или очередная национальная идея? // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре.* 2002. № 4 (24). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/4/brel-pr.html> [Berelovich V. Contemporary Russian history textbooks: many-faced truth or yet another national idea? // *Debates on Politics and Culture.* 2002. No. 4 (24)].
2. *Воробьева О. В.* Историческая память и профессиональная историография // *Преподаватель XXI.* 2015. Т. 2. № 4. [Vorob'eva O. V. Historical memory and professional historiography // *Prepodavatel XXI vek.* 2015. Vol. 2. No. 4. P. 240–250].
3. *Зверева Г.* Конструирование культурной памяти: «наше прошлое» в учебниках российской истории // *Новое литературное обозрение.* 2005. №74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/zv6.html> [Zvereva G. Constructing cultural memory: "our past" in Russian history textbooks // *New Literary Observer.* 2005. No. 74. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/zv6.html>].
4. *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти: сб. статей «Империя и нация в зеркале исторической памяти». М., 2011. [Zerubavel' Ya. Dynamics of Collective Memory // *Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory: Collected works.* Moscow, 2011].
5. *Калинин И. А.* Бои за историю: прошлое как ограниченный ресурс // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре.* 2011. № 4(78).

- [Kalinin I.A. The struggle for history: the past as a limited resource // *Debates on Politics and Culture*. 2011. No. 4(78)].
6. *Калинин И. А.* Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт// *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2010. № 6 (74). С. 6–16. [Kalinin I.A. Nostalgic Modernization: the Soviet Past as Historical Horizon // *Debates on Politics and Culture*. 2010. No. 6 (74). P. 6–16].
 7. *Копосов Н. Е.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с. [Koposov N.E. Memory of the Brutal Regime: History and Politics in Russia. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 230 p.].
 8. *Кирчанов М. В.* Проблемы политизации исторической науки в России (на примере националистических течений в историографии) // *Общество: политика, экономика, право*. 2014. № 2. С. 9–13. [Kirchanov M. V. Problems of historical science politicization in Russia (case study of nationalist trends in historiography) // *Society: Politics, Economics, Law*. 2014. No. 2. P. 9–13].
 9. Кто боится учебника истории? Материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона при поддержке Фонда Ф. Эберта 26 апреля 2012 г. (Волгоградский исторический семинар. Вып. 4) / под ред. д.и.н. проф. И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2013. [Who is afraid of a history textbook? Proceedings of the seminar conducted by the Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars with the support of the Friedrich Ebert Foundation on April 26, 2012 (Volgograd Historical Seminar Proceedings. Issue 4) / ed. by I.I. Kurilla. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2013].
 10. *Курилла И. И.* История и память в 2004, 2008 и 2014 годах // *Отечественные записки*. 2014. №3 (60). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/istoriya-i-pamyat-v-2004-2008-i-2014-godah> 18.10.2017. [Kurilla I.I. History and memory in 2004, 2008 and 2014 // *Homeland Notes*. 2014. No. 3 (60). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/3/istoriya-i-pamyat-v-2004-2008-i-2014-godah>].
 11. *Курилла И. И.* Политическое «использование истории» в современной России // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист.* 2012. № 1(21). С. 155–159. [Kurilla I.I. Political “Use of History” in Contemporary Russia // *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2012. No. 1(21). P. 155–159].
 12. *Малинова О. Ю.* Великая Отечественная война как символический ресурс: эволюция отображения в официальной риторике 2000–2010-х гг. // *Россия и современный мир*. 2015. № 2(87). С. 6–29. [Malinova O.Yu. The

- Great Patriotic War as a symbolic resource: The evolution in the official rhetoric of 2000-2010 // *Russia and the Contemporary World*. 2015. No. 2(87). P. 6–29].
13. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. [Malinova O.Yu. Past of current interest: The symbolic policy of the ruling elite and dilemmas of Russian identity. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015].
 14. *Малинова О. Ю.* Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // *Полис*. 2016. № 6. С. 139–158. [Malinova O.Yu. The Official Historical Narrative as a Part of Identity Policy of the Russian State: From the 1990s to the 2000s // *Polis. Political Studies*. 2016. No. 6. P. 139–158].
 15. *Миллер А. И.* Историческая политика в России: Новый поворот? // *Историческая политика в XXI веке: сб. статей*. М., 2012. [Miller A.I. Historical politics in Russia: A new twist? // *Historical Politics in the 21st century: collected works*. Moscow, 2012].
 16. *Миллер А. И.* Политика памяти в России: Год разрушенных надежд // *ПОЛИТИЯ*. 2014. № 4 (75). [Miller A.I. Politics of Memory in Russia: Year of Dashed Hopes // *Politeia*. 2014. No. 4 (75)].
 17. *Миллер А.И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти в России // *ПОЛИТИЯ*. 2013. № 4 (71). [Miller A.I. Role of Expert Communities in Memory Politics in Russia // *Politeia*. 2013. No. 4 (71)].
 18. Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / под ред. В. И. Журавлевой и И. И. Куриллы. Волгоград: Институт Кеннана, 2009. [Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks / ed. by V. I. Zhuravleva and I. I. Kurilla. Volgograd. 2009].
 19. *Эткинд А.* Кривое горе: память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2016. [Etkind A. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016].
 20. *Феретти М.* Обретенная идентичность. Новая «официальная история» путинской России // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2004. №4 (36). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html> [Ferretti M. Found Identity: The new "official history" of Putin's Russia // *Debates on Politics and Culture*. 2004. No. 4 (36). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/fe11.html>].
 21. *Butterfield J., Levintova E.* History education and historical remembrance in contemporary Russia: Sources of political attitudes of pro-Kremlin youth // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. No. 43. P. 139–166.
 22. *Coakley J.* Mobilizing the Past: Nationalist Images of History. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. No. 4. P. 531–560.

23. Korostelina K. War of textbooks: History education in Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 2010. No. 43. P. 129–137.
24. Wertsch V James. Blank Spots in Collective Memory: A Case Study of Russia// The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 617. The Politics of History in Comparative Perspective (May, 2008). P. 58–71.

Источники

1. Открытый банк заданий ЕГЭ. ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений». URL: <http://www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-ege>. 05.12.2017 [Unified State Exam Open bank of assignments. FSBSI “Federal Institute of Pedagogical Measurements”. Available at: <http://www.fipi.ru/content/otkrytyy-bank-zadaniy-ege>].
2. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории. URL: <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>. 05.12.2017 [The Concept of a New Educational and Methodological Complex on Russian History. Available at: <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>].

HISTORY STATE EXAM AS A TOOL FOR FORMING THE REPERTOIRE OF THE USABLE PAST

S. A. Vasilkovsky

Postgraduate Student,

National Research University “Higher School of Economics”

The article analyzes the role of the Unified State Exam in History in forming the repertoire of the usable past, which determines the content of the national identity. The analysis of the examination tasks has revealed different commemorative density of the periods of Russian history. The author states that the exam is integrated into the official narrative of the millennial past and can serve as a tool for constructing the historical views of younger Russian citizens.

Keywords: politics of memory; macro-political identity; historical narrative; commemorative density; usable past; History State Exam.

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-122-131

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ «СТОЛИЧНОСТИ» И ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ САМАРЫ

*И. Ю. Окунев, Н. И. Еряшев*¹

В статье рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование идентичности жителей г. Самары. Исторические сведения времен Гражданской и Великой Отечественной войн сопоставляются с восприятием жителями этих событий. В работе дается трактовка полученных в ходе интервью данных. Раскрывается зависимость между субъективными факторами и отражением событий разных, по сути, эпох в сознании горожан. В конце делаются выводы о влиянии исторического контекста на самоидентификацию жителей г. Самары.

Ключевые слова: территориальная идентичность; столицы; историческая память; география.

Конец XX в., по мнению многих экспертов, явился завершением той эпохи истории человечества, которая характеризовалась наличием масштабных идеологий (*grand ideologies*). На смену им пришли мифы и нарративы, которые объединяют те или иные общности и одновременно могут служить критериями их выделения [1, 9]. В частности, возрастает роль такого явления, как «территориальная идентичность», изучение которой – один из центральных вопросов современной политической географии. Тематике территориальной идентичности посвящены работы многих отечественных и зарубежных географов: О. И. Вендиной, Д. Н. Визгалова, А. А. Гриценко, Д. Н. Замятина, Н. Ю. Замятиной, В. Н. Калуцкова, В. А. Колосова, М. П. Крылова, А. Г. Манакова, И. И. Митина, С. Г. Павлюка, Н. В. Петрова, К. А. Пузанова, М. В. Рагулиной, Л. В. Смирнягина, В. Н. Стрелецкого, А. А. Ткаченко, Р. Ф. Туровского, У. Зеленского, Э. Рельфа, И-Фу Туана, Г. Харда, Р. Хейл и других.

¹ Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Центра региональных политических исследований. E-mail: iokunev@mgimo.ru. Еряшев Никита Игоревич – студент МГИМО МИД России. E-mail: erjaschew.nikita@yandex.ru.

© Окунев И. Ю., Еряшев Н. И., 2018

Идентичность является выражением принадлежности человека к определенной общности. Выделяются два типа идентичности, связанных с принадлежностью к географическим координатам: территориальная и пространственная. Территориальная идентичность основывается на свойствах территории, в рамках которой она формируется. Например, горские элементы будут у жителей гор, а приморские – у жителей на берегу морей. Хотя любая идентичность конструируется на индивидуальном уровне, территориальная утверждается именно через социальную деятельность как коллективная. Такая идентичность вытекает из представлений об общности людей, проживающих на единой территории, которых объединяют свойства данной территории. Связи с единым местом проживания формируют общие интересы, что сплачивает группу. Основой территориальной идентичности служит т.н. культурный ландшафт, т.е. совокупность уникальных ментальных и культурных образов места. В рамках такой общности действуют механизмы монополизации пространства и исключения из него других. При первом обосновывается исключительное право общности на данную территорию в силу ее особой идентичности, а при второй любые внутренние элементы, не разделяющие идентичность, вытесняются на периферию социума. По уровню территориальная идентичность делится на локальную, региональную, национальную (государственную) и цивилизационную (континентальную).

Пространственная идентичность вытекает не из свойств места, а из его положения в пространстве, из системы его связей относительно других объектов. Таким образом, она выражает появление устойчивых связей различного характера поверх свойств конкретного места. Так, жители г. Санкт-Петербурга будут говорить, что живут в городе, являющимся «окном в Европу». Сама Невская губа Балтийского моря не является «окном в Европу», однако для пространственной структуры России она играла именно такую роль. Когда жители г. Самарканда говорят о том, что город представляет собой перекресток культур, они характеризуют не существующие в нем музеи и памятники, а его бывшее положение на торговых путях, предопределившее смешанное цивилизационное положение. Тем самым, можно сказать, что территориальная идентичность связана с абсолютным пространством, а пространственная – с относительным.

М. Китинг выделял три степени актуализированности пространственной идентичности. На первом – когнитивном – через соположение места с соседними происходит осознание его специфичности и географических пределов. На втором – эмоциональном – формируются устойчивые метальные механизмы воспроизводства идентичности. Наконец, на третьем – инструментальном – идентичность начинает использоваться для политической мобилизации.

Иногда говорят также об особом уровне пространственной идентичности – геополитическом, т.е. об идентификации человеком себя и своего места жительства относительно глобальных геополитических раскладов и систем.

Так, в Молдавии сторонниками интеграции с Россией стали не только русские жители Приднестровья, но и культурно более далекие гагаузы и болгары. Через дискурс о геополитическом выборе ориентации на Европу или Россию в многосоставном молдавском обществе актуализировалась политическая дискуссия о формах национального строительства в молодом государстве. Европейский выбор стал маркером мажоритарной модели национального строительства, предполагающей построение этнической нации на основе молдавского этноса. В его наиболее крайней форме он агитирует за объединение страны с Румынией и отождествляет молдавский этнос и язык с румынским. Основными адептами такой интерпретации выступают собственно румыны и религиозное меньшинство молдаван-прихожан Румынской православной церкви. Российский (или нейтральный) выбор стал маркером консциативной модели национального строительства, основанной на построении политической нации, предполагающей сбалансированное участие всех этнических и религиозных групп в политическом процессе. С разной степенью интенсивности он поддерживается этническими меньшинствами Молдовы (русскими, украинцами, гагаузами, болгарами) и частично молдованами-прихожанами Русской православной церкви.

В ходе крымского кризиса в глобальном идейно-информационном соперничестве одно из ключевых мест занял дискурс о цивилизационных различиях России и Европы, который можно обобщить как «Россия – это не Европа» (и наоборот). Таким образом, международный политический конфликт оказался интерпретирован через антагонизм пространственных образов Европы и России / Евразии, а следовательно, стал конструктивно геополитическим. Происхождение данного дискурса, по-видимому, относится еще к середине XV в., когда христианская построманская идентичность (границы распространения которой включали и Древнюю Русь) дополняется пространственной характеристикой, формируя современные границы «европейской» цивилизации. Это связано с почти одновременным успехом Реконкисты на Пиренеях и падением Константинополя на Балканах, в результате чего границы христианского мира начинают больше совпадать с географическими границами континента. В то же время подобный пространственный образ актуализует необходимость оформления восточной границы европейской цивилизации, которая может быть только ментальной, а не географической. Ордынское иго на Руси в то время и попытка формирования национальной идеи нового московского государства через позиционирование себя в качестве наследницы Византии стали причинами, оформившими данную ментальную границу. Она пролегла между католической Западной Европой и православной Россией, образовав буферную серую зону на территориях славянских, балтийских и финно-угорских народов. Данный дискурс, будучи импортированным в Россию в XVIII в., стал ключевой дихотомией российской внешней политики (извечный спор западников и славянофилов). В последнее

время данный дискурс оказался переосмыслен и редуцирован с «Россия – это не Европа» до «Россия – это анти-Европа» (и наоборот), что привело к эскалации конфликта вдоль всей ментальной границы Европы и России (в первую очередь, на Украине, в Грузии и Молдавии). Гражданская война на Украине привела к оформлению мифа о двух государствах, вышедших из ядра Древней Руси, – европейского, демократического украинского, и восточного, деспотичного российского. Антагонизм двух образований привел к реинтерпретации на Украине европейской идентичности как антироссийской. Данный спор породил схожие дискурсы о «европейскости» Молдовы, Беларуси, Грузии, Армении как культур, альтернативных азиатской России.

Человек является носителем одновременно множества идентичностей. Он помнит, из какой деревни или района города он родом, гордится регионом своего жительства, своей родиной, ощущает свою причастность к крупным цивилизационным структурам. Однако все эти различные идентичности пассивны, пока их не актуализирует внешняя сила. Скажем, мы вспоминаем о нашей национальной идентичности по государственным праздникам, о региональной, когда нашей земле угрожает опасность, а о локальной, когда ностальгируем о родном доме.

В данной работе анализируется влияние ключевых событий истории страны через призму восприятия жителей одного из регионов, имеющих непосредственное к ним отношение. Предметом исследования стало формирование идентичности жителей г. Самары. Кейс Самары интересен тем, что он предоставляет возможность проведения сравнительного анализа. Исторически сложилось так, что Самара была столицей два раза – один раз в период Гражданской войны, когда там собралось значительное число депутатов Учредительного собрания, которые после разгона его большевиками договорились образовать учредительный орган в первом же городе, где это станет возможным. Второй раз столицей стал г. Куйбышев, куда в период наступления немцев к Москве были эвакуированы некоторые органы власти, дипломатический корпус, а также значительная часть промышленных мощностей.

Столичность в определении Д. Н. Замятина – онтологический атрибут, преобразующий, трансформирующий внешние, физико-географические приметы и признаки положения (горная котловина, плато, бескрайняя равнина, остров, предгорье, излучина реки или слияние рек, берег морского залива и т. д.) в мощный – иногда единый, а иногда дуалистический – мифологический нарратив, обладающий целенаправленной сакральной энергетикой, подпитывающей властные дискурсы [3, 23–28]. Продолжая развивать эту логику, В. Россман отмечает, что столицы – это не только место расположения органов государственной власти; в их функции входит «представление нации себе и окружающему миру. Столицы представляют собой идеализированные образы нации и национальной истории, своего рода нации в миниатюре» [7, 35–36]. Символическое значение столичности, превалирующее над инсти-

туциональным, открывает перспективы для использования данного капитала локальными сообществами, далекими от мест расположения органов государственной власти. Можно выделить следующие типы использования нарратива о столичности в формировании локальной идентичности [5, 93–94].

Во-первых, это нарратив о бывшей столице. В российском случае это не только классический пример г. Петербурга, но более сложные случаи г. Новгорода и Владимира, о которых сложно говорить как о столицах именно Российского государства. В этот же ряд можно занести г. Старую Ладугу, которая приютила Рюрика еще до появления централизованного славянского государства, но активно использует этот бренд с петровских времен как легитимирующий смещение ядра российской государственности на северо-западное пограничье. Здесь же можно упомянуть и столицы государств, вошедших в состав России (Астрахань, Биляр, Казань, Касимов и т.д.) а также Александров Ивана Грозного, Омск Колчака, Куйбышев Сталина и другие подобные примеры. Данный нарратив соседствует в локальном дискурсе с представлениями о золотом веке города и актуализует историческую память горожан.

Даже малоизвестный нарратив может обыгрываться в таком ключе горожанами. Так, Вязьма (Смоленская область) с 21 октября 1654 г. по 10 февраля 1655 г. была фактической столицей России, когда царь Алексей Михайлович перевел ее сюда из Москвы, где свирепствовала чума. Ярославль в 1612 г. при польской оккупации Москвы в Смутное время стал фактической столицей страны, где были сформированы временное Земское правительство (Совет всея земли) и его вооружённые силы (Народное ополчение). Другой пример фантомной памяти о столице – Таганрог (Ростовская область). Город являлся фактической «столицей» Российской империи с сентября по ноябрь 1825 г., во время проживания в нем императора Александра I; в 1918–1919 гг. был ставкой (практически – столицей) А. И. Деникина, стоявшего во главе вооруженных сил Юга России. Наконец, г. Таганрог планировался Петром Первым в качестве столицы России, но из-за военных поражений от этой идеи пришлось отказаться в пользу Санкт-Петербурга.

Во-вторых, можно говорить о региональных столицах (Урала, Сибири, Поволжья и т.д.). В данном случае предпринимается попытка переноса центр-периферийной модели государственного устройства на региональный уровень, выстраивания внутренней дихотомии развития в рамках более узкого региона страны. В данном ключе интересными кажутся региональные «дерби» за статус местной столицы между Пермью, Екатеринбургом и Челябинском, Ставрополем и Пятигорском, Сочи и Краснодаром, Новосибирском, Омском и Красноярском, Хабаровском и Владивостоком. Схожими случаями представляются ранговые столицы (вторая, третья, четвертая). Так, для определения официальной третьей столицы России даже был организован специальный конкурс, по итогам которого Казань лишь ненамного опередила Нижний Новгород. Подобное позиционирование помогает выстраивать ие-

рархическую структуру пространства, организовывать и соподчинять в ней единицы пространства и их локальные бренды.

В-третьих, можно говорить о переносе идеи столичности на нарратив об исключительности. В таком ракурсе почти каждый город позиционирует себя как столица русских пряников, огурцов, самолетостроения и т.д. Вот список основных столиц в таком понимании этого термина в России:

Наконец, в-четвертых, существуют альтернативные (запасные, дипломатические) столицы, которые определяются во время кризисов государственности. Такими примерами в России могут служить г. Уфа (столица Директории), г. Омск (белая столица Колчака), Вологда (дипломатическая столица гражданской войны) и г. Самара. Последний кейс особенно интересен тем, что столичность в нем была представлена в течение одного века дважды.

Исследование самарского случая проводилось на основе экспертных интервью, взятых у представителей общественности, органов власти и туристического бизнеса. Сбор материалов велся в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П. В. Алабина, Музее истории г. Самары им. М. Д. Челышова, Самарском военно-историческом музее Краснознаменного Приволжско-Уральского военного округа, Доме-музее М. В. Фрунзе, Музее «Бункер Сталина», Музее «Бункер Жукова», Музейно-выставочном центре «Самара космическая», Музее модерна (в здании посольства Швеции в годы Великой Отечественной войны), Музее «Куйбышев – запасная столица» в школе №178 и в Музее «Парад 7 ноября 1941 г. в г. Куйбышеве» в Техническом лицее г. Самары. Среди респондентов были представители регионального отделения Общероссийского народного фронта, Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева, Самарского государственного социально-педагогического университета, Самарского государственного медицинского университета, Самарского государственного экономического университета, Самарского государственного института культуры, Самарской областной универсальной научной библиотеки, Историко-эко-культурной ассоциации «Поволжье», Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Самарской областной писательской организации. Негосударственный сектор был представлен сотрудниками СМИ из сетевого издания «Волга Ньюс», газет «Волжская Коммуна» и «Самарское обозрение» и специалистами туристической компании «Профцентр», туристического агентства «Водолей» и Центра туризма и отдыха «УРА» (23 респондента).

На основе взятых интервью была построена дискурсивная картина. Выяснилось, что с первым периодом знакомо экспертное сообщество, тогда как в дискурсе остальных групп преобладал только второй. На основе полученных данных мы задались вопросом, почему миф о «дипломатической столице» больше известен, чем миф о «демократической столице»?

Перенос столицы в г. Куйбышев в период Великой Отечественной войны был связан с совокупностью различных социально-экономических и географических факторов. Куйбышев был центром железнодорожных путей, также ключевое значение имел водный транспорт. Город был расположен на левом берегу р. Волги, которая была естественным препятствием на пути фашистских захватчиков. При этом город был достаточно близок для того, чтобы осуществить туда эвакуацию. Все это повлияло на принятие решения о переводе дипломатического корпуса в Куйбышев, нашедшего отражение в Постановлении об эвакуации столицы СССР Москвы от 15 октября 1941 г. [2, 506]. После начала войны в Куйбышев были эвакуированы Комитеты по нефтяной и сланцевой промышленности. В город переместились Президиум Верховного Совета СССР, часть ЦК и Наркоматы, в том числе и Наркомат иностранных дел с дипломатическим корпусом. В Куйбышеве началась активная работа по введению в эксплуатацию эвакуированных туда промышленных мощностей. В районе «Безымянка», в том числе с помощью труда заключенных, был построен авиастроительный завод, эвакуированный из Воронежа. Несколько заводов были эвакуированы из Ленинграда. Иными словами, толчок развитию промышленности города был дан именно в период Великой Отечественной войны.

Однако на тот момент развитие индустрии не отразилось положительно на жизни граждан. Выделение зданий под посольства, как и приезд инженеров, рабочих и их семей дало начало политике уплотнения. Резкое увеличение численности населения заставило власти ввести карточное снабжение. Значительную часть тягот взяли на себя женщины. На заводе в районе «Безымянка», который был оторван от основной части города, рабочие трудились по 12 часов. Ночевать оставались там, так как дорога занимала длительное время.

После победы в Великой Отечественной войне город стал центром развития космической промышленности. Это обусловило получение им статуса «закрытого» города. В таких условиях миф о «запасной столице» был обречен на исчезновение, до начала политической и социальной трансформации в СССР.

Самара знает еще один период, когда город получил «столичный» статус. В 1918 г., после разгона Учредительного собрания, его члены договорились собраться в первом городе, где это было бы возможным. Изначально в Самаре мирным путем была установлена большевистская власть, однако восстание Чехословацкого корпуса, начавшееся в мае 1918 г., привело к свержению органов советской власти и созданию Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания [8]. Власть КОМУЧа распространялась на несколько приволжских губерний. В Самаре, как столице, были созданы свои министерства, ведомства, отсюда велись контакты с заграницей [4, 75]. Хотя сначала в городе было всего три депутата, постепенно туда приехало около ста

членов Учредительного собрания. Таким образом, можно утверждать, что в городе вело свою деятельность легитимное демократическое правительство.

Однако в силу противоречивой повестки дня оно не смогло создать прочную социальную базу. Провозглашался лозунг «земля крестьянам», но они должны были вернуть те участки, которые были отобраны у помещиков. Заводы возвращались промышленникам, при этом устанавливался восьмичасовой рабочий день. Члены КОМУЧа хотели оставить символом страны красное знамя, но это очень не понравилось казакам. В итоге демократические силы, не пойдя на сближение с белыми, были вынуждены оказывать сопротивление большевикам в одиночку. В дальнейшем, после отступления, члены КОМУЧа приняли участие в формировании «Уфимской директории», после чего были расстреляны силами Колчака [4, 135].

Таким образом, период Гражданской войны также являлся временем, когда Самара носила «столичный» статус. Свою роль здесь опять же сыграла география: мятеж Чехословацкого корпуса, начавшийся в Мариинске, быстро распространился на западную часть страны. Свою роль здесь сыграл Южно-Уральский ход Транссибирской магистрали, позволивший корпусу быстро передвигаться и освободить города от советской власти. Впоследствии Самара стала наиболее удачным пунктом с точки зрения организации пространства, в том числе и за счет р. Волги.

Однако память об этих двух событиях актуализируется по-разному. С первым периодом знакомы лишь представители экспертного сообщества – краеведы, профессора, тогда как в дискурсе остальных групп (представители власти, бизнеса) преобладал второй. Первичный ответ на вопрос «Хорошо ли Вы знакомы с периодом истории Самары как запасной столицы?» был связан именно с Великой Отечественной войной. То же направление мысли прослеживается и в литературе, посвященной данной теме [6].

Почему именно эта история о столице находится в центре городской идентичности? С одной стороны, можно утверждать, что период ВОВ ближе к сегодняшнему с точки зрения временной перспективы. Действительно, память человека склонна забывать те события, которые произошли раньше. Уходят поколения, исчезают и воспоминания. Однако миф о «дипломатической столице» даже не проникал в сознание жителей до начала периода либерализации в СССР. Невозможно вообразить, чтобы кто-либо вспомнил о столичном статусе города в тот период, когда он был закрытым. Кроме того, если рассмотреть период правления Ельцина, логично предположить, что миф о «демократической столице» имел не меньше шансов на формирование вокруг него городской идентичности. Почему же этого не произошло? Для понимания этого важна не сама история, а политический контекст, связанный с воспоминанием о ней. Гражданская война традиционно воспринимается как событие, связанное с разобщением нации, в то время как ВОВ – наоборот, является событием, наложившим неизгладимый отпечаток на сознание со-

временных россиян. 1990-е гг. явились скорее не временем демократизации, но периодом упадка, слабости и разобщенности страны, население которой привыкло воспринимать себя как великую общность. Величие как раз и ассоциируется с победой в Великой Отечественной войне, поэтому история о самарской «столичности» активно используется властями города, а также сохраняется в памяти его жителей.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М., 2001. 288 с. [Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / Transl. from English by V. Nikolaeva; Introduction by S. Ban'kovskaya. Moscow, 2001. 288 p.].
2. *Горьков Ю. А.* Государственный Комитет Оборона постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. [Gor'kov Yu.A. State Defense Committee Decrees (1941–1945). Figures, Documents. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2002.].
3. *Замятин Д. Н.* Феномен/ноумен столицы: историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы: исторический опыт геополитического проектирования: материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Институт всеобщей истории РАН; Аквилон, 2013. [Zamyatin D.N. The Phenomenon/ Noumenon of the Capital City: Historical Geography and Ontological Models of Imagination // Transfer of Capital City: Historical Experience of Geopolitical Engineering. Proceedings of the Conference, October 28–29, 2013 / Ed. by I.G. Konovalova. Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences Publ.; Akvilon Publ., 2013].
4. *Иоффе Г. З.* Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с. [Ioffe G.Z. Kolchak's Venture and its Collapse. Moscow: Mysl' Publ., 1983. 294 p.].
5. *Окунев И. Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики: монография. М., 2017. 208 с. [Okunev I.Yu. Capital Cities in a Critical Geopolitics Mirror: Monograph. Moscow, 2017. 208 p.].
6. *Павлов А.* Запасная столица. Самара: Самарский Дом печати, 1995. 96 с. [Pavlov A. Reserve capital city. Samara: Samarskiy Dom pechati Publ., 1995. 96 p.].
7. *Россман В.* Столицы: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М., 2013. 336 с. [Rossman V. Capital Cities: their Diversity, Patterns of Development and Transfer. Moscow, 2013. 336 p.].
8. *Салдугеев Д. В.* Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 1. № 2. [Saldugeev D.V. Czechoslovak legion in Russia // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2005. Vol.1. No. 2].

**HISTORICAL NARRATIVE OF “CAPITALNESS”
AND THE FORMATION OF SAMARA RESIDENTS’ IDENTITY**

I. Yu. Okunev

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Comparative Politics, MGIMO University,
Senior Research Fellow, Center for Regional Political Studies

N. I. Eryashev

Bachelor Student, MGIMO University

The article discusses the factors that influenced the formation of the identity of Samara’s residents. Historical facts from the periods of the Civil War in Russia and the Great Patriotic War are compared with the residents’ perception of these events. The work contains an interpretation of the data received from the interviewees. The authors show the links between subjective factors and the way events from, in fact, two different epochs are reflected in people’s memory. Conclusions about the influence of the historical context on the self-identification of Samara’s residents are drawn.

Keywords: territorial identity; capitals; collective memory; geography.

Мировая политика

УДК-327

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-132-140

КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО: ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ США И КНР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. А. Шибанова, Р. В. Пеньковцев¹

Данная статья посвящена анализу противоречивого характера американо-китайских отношений в финансовой и экономической сферах. Достаточно распространенным является мнение о том, что только два государства – США и Китай могут претендовать на статус экономических сверхдержав в современной системе международных отношений. Межгосударственные и, прежде всего, экономические отношения между этими странами имеют огромное значение для всего мирового сообщества. Официальные дипломатические отношения между США и КНР были установлены лишь в 1979 г. С этого времени государствам удается поддерживать сложный баланс между конкуренцией и сотрудничеством в экономической сфере.

Ключевые слова: международные отношения; мировая экономика; мировая политика; экономические конфликты; США; КНР; конкуренция; глобализация.

Процессы глобализации непосредственно влияют на динамику американо-китайских отношений, которые становятся все более интенсивными. Фундаментом этих процессов являются тесные торгово-экономические связи двух стран. В 2012 г. объем товарооборота между Китаем и США впервые составил 500 млрд долл. США, установив новый исторический рекорд. Одновременно Соединенные Штаты стали крупнейшим экспортным рынком Китая. В частности, импорт из США в Китай составил 119,2 млрд долл.

¹ Шибанова Наталья Александровна – кандидат философских наук, ассистент кафедры конфликтологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: NASHibanova@kpfu.ru. Пеньковцев Роман Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет. E-mail: Roman.Penkovtsev@kpfu.ru.

© Шибанова Н. А., Пеньковцев Р. В., 2018

США, увеличившись на 8.1 %; экспорт из Китая в США – 319, 4 млрд долл. США с приростом на 8.2 %. Положительное сальдо в пользу Китая составило 200,3 млрд долл. США с повышением на 8.3%. Америка остается крупнейшим источником инвестиций для Китая. В том же 2012 г. в Китае санкционировали создание 1 180 предприятий с участием американского капитала; объемом фактически использованных инвестиций составил 2,4 млрд долл. США с приростом на 11.6%. В 2012 г. США реально вложили 70 млрд долл. США в экономику Китая. Тем же временем китайские инвестиции в США продолжают восходящую тенденцию. Прямые инвестиции из Китая в нефинансовый сектор США достигли 1,1 млрд долл. США, а объем нефинансовых инвестиций, вложенных китайскими предприятиями в экономику США, составил в общей сложности 8,6 млрд долл. [1].

Основу для двустороннего торгово-экономического сотрудничества заложили встречи на высшем уровне. Большое значение для укрепления американо-китайских экономических отношений имел визит президента США в Китай в ноябре 2009 г. Б. Обама изначально подчеркнул значимость взаимовыгодных экономических отношений между Пекином и Вашингтоном. При этом нормализацию сотрудничества в области экономики он назвал самой актуальной проблемой. Обама возложил на Китай значительные надежды по преодолению глобального финансового кризиса. «Китайские инвестиции в мировую экономику могут ослабить последствия экономического спада и существенно сократить период рецессии. Китай не только обеспечивает значительную часть мирового импорта, – заявил глава Белого дома, – одновременно он является и потенциальным огромным потребительским рынком для товаров со всего мира и, в первую очередь, из США» [9, 11].

В ходе переговоров в Пекине был затронут большой круг вопросов, непосредственно связанных с причинами и последствиями мирового финансового кризиса, а также выработкой согласованных действий и путей по его преодолению и недопущению (по крайней мере, смягчению) в дальнейшем. Вместе с тем, как показывает анализ имеющихся мнений, по этим вопросам имеются немалые расхождения. По мнению американского профессора Я. Котликова, ситуация выглядит следующим образом: «В ряде публикаций и заявлениях известных американских экономистов утверждается, что первопричиной финансового кризиса в США явился Китай. Так, Алан Гринспен, в течение двух десятков лет возглавлявший ФРС, признавший свои ошибки в возникновении финансового кризиса в США, тем не менее, утверждает, что причины мировой и, в частности, американской экономической рецессии вытекают из быстрого роста китайской экономики и что это обстоятельство («китайский заговор») является одной из причин негативных явлений в американской экономике. Напротив, в многочисленных выступлениях китайских политиков ответственность за кризис возлагается на США, на их ошибочную

финансовую политику и отсутствие должного контроля за действиями финансовых властей и организаций. В действительности, как нам представляется, при объяснении причин кризиса упускается из анализа факт растущей взаимозависимости, взаимопроникновения экономик обоих государств как главного фактора» [4].

Обе стороны не устраивает политика дешевой валюты, но по разным причинам. Дешевый доллар (по нынешнему курсу 6,8 юаня за 1 доллар) не устраивает Китай по той причине, что имея огромный валютный запас, хранящийся в американских облигациях, он постоянно теряет свою значимость. Помимо этого, в США имеются немалые инвестиции от китайских корпораций и частных лиц, которые по мере удешевления доллара также обесцениваются. Китайская сторона имела немалые потери вследствие банкротства значительного числа американских банков и других финансовых организаций. Приведем лишь один пример. Китайские инвестиции в гиганты ипотечного кредитования США Фанни Мэй и Фредди Мак, по имеющимся сведениям, составляли 340 млрд долларов. Примерная величина потерь составила 90%, что не могло не сказаться на экономических возможностях страны. Но и США не устраивает дешевый юань, поскольку он стимулирует китайский экспорт в США и уменьшает импорт. Дешевый юань способствует росту отрицательного сальдо внешнеторгового баланса США на 40–45% [4].

Еще до визита в Юго-Восточную Азию Обама заявил, что будет «добиваться от Пекина более справедливого обменного курса национальной валюты. Искусственное занижение стоимости юаня по отношению к доллару, практикуемое властями КНР, дает серьезные дивиденды производителям, ориентированным на экспорт, и, наоборот, усложняет американским компаниям задачу по их продвижению на внутренний рынок Китая. В Китае находится большое количество американских долларов, так что наш успех для них важен. С другой стороны, если мы не решим некоторые проблемы, тогда, я думаю, это, с экономической и политической стороны, станет причиной осложнения отношений» [8]. Визит Обамы в ноябре 2009 г. проходил на фоне все возрастающих трений по вопросам внешней торговли между США и Китаем. К ним следует отнести дисбаланс и торговый дефицит США, протекционизм и охрану интеллектуальной собственности. Снижение объемов внешней торговли Китая в 2008–2009 гг. было связано с финансовым кризисом и сопутствующими ему трудностями, возникшими у основных партнеров по торговым операциям. Импорт из Китая уменьшился. Вследствие этого удельный вес Китая в мировой торговле снизился, что сразу же отразилось на снижении темпов экономического роста. Вместо роста ВВП на 11,5%, имевших место ранее, во второй половине 2008 г. он составил всего 6%. Таким образом, проблема торгового баланса в отношениях США и Китая сложная, потому что ее решение сказывается на интересах каждой из сторон. По этому

поводу Б. Обама сделал примиряющее заявление: «Соединенные Штаты не ищут способов удержать усиление роли Китая на мировой арене» [4].

Наряду с торговлей в отношениях Китая и США все большее значение приобретает сфера инвестиций и инвестиционного сотрудничества. Китайские предприниматели при поддержке государства все активно вкладывают средства в американские корпорации и различные фонды. Для экономического роста США это хорошо. Но это же обстоятельство стало все более беспокоить американских конгрессменов, усмотревших в этом негативные политические последствия. В свое время они даже обращались в администрацию Дж. Буша-мл. с просьбой исследовать иностранные инвестиции, их размеры, направление, степень влияния. Их взволновало, что у иностранных инвесторов помимо экономических могут появиться политические и стратегические планы, которые затронут национальные интересы и безопасность США. Американский комитет иностранных инвестиций был даже обвинен в том, что экономические интересы он ставит выше национальной безопасности.

В ходе переговоров с китайским руководством президент Обама пообещал облегчить деятельность китайских инвесторов на территории США. Он предложил реализовать соответствующие программы при непосредственном участии объединенной комиссии США и Китая по делам торговли. Созданная в 1983 г. объединенная комиссия США и Китая по делам торговли переживала в начале XXI в. сложные времена. В период правления Дж. Буша-младшего ее активность заметно упала и возникла реальная угроза замораживания всего проекта. Переговоры Б. Обамы с Ху Цзинтао в ноябре 2009 г. вывели работу комиссии на новый, качественно более высокий уровень. В настоящее время американо-китайская объединенная комиссия по делам торговли является важнейшей площадкой для достижения диалога в межгосударственных торговых отношениях и стимулировании их стабильного развития.

На протяжении 2009–2013 гг. Министерство коммерции КНР и соответствующие структуры в США регулярно организовывали работу делегаций по содействию торговле и инвестициям в США. Были осуществлены различные формы деятельности для содействия торговле и инвестициям, имелись широкие контакты с представителями федерального и местных правительств, парламентов и деловых кругов США, что играло энергичную роль в стимулировании стабильного развития китайско-американского торгово-экономического сотрудничества. Также были установлены контакты и торгово-экономическое сотрудничество между китайскими провинциями и отдельными штатами Америки.

По мнению старшего научного сотрудника Института международной экономики им. Питерсона Николас Ларди, сутью торгово-экономического сотрудничества между Китаем и США на современном этапе являются взаи-

модополняемость, общая выгода и обоюдный выигрыш. Китай не только занимается экспортом товаров в США для удовлетворения потребностей американцев, но и расширяет импорт из США для удовлетворения внутреннего спроса [6].

Другим событием, имевшим определяющее значение для развития торгово-экономических связей США и КНР, стал визит Ху Цзиньтао в США в январе в 2011 г., который способствовал заключению ряда принципиальных договоров и соглашений. «Экономический рост в Китае создает огромные возможности для увеличения числа рабочих мест в США. Мы готовы продавать вам различные вещи: самолеты, машины, компьютерные программы», – заявил президент Обама. По итогам переговоров США и Китай заключили экспортных сделок на сумму 45 млрд долл. Были подписаны 70 соглашений, охватывающие 12 штатов США. Белый дом отказавшись от нервной риторики, заявил, что заключенные соглашения дадут 235 000 рабочих мест в США. В числе прочих был реализован заказ на 200 самолетов Боинг, оценивающийся в 19 000 млн долл. Сделки охватили разнообразные сектора экономики, включая сельское хозяйство, газификацию, железные дороги. В число ключевых компаний, заключивших партнерские отношения с предприятиями КНР, вошли: Boeing, General Electric, Caterpillar Inc., Navistar и др. [10].

По результатам январской встречи было составлено двухстороннее заявление «Об укреплении китайско-американских экономических отношений». Пекин, соглашаясь с необходимостью придания «большей эластичности» юаню, в то же время хочет осмотрительно подступать к изменению курса государственной валюты, четко контролируя обстановку, складывающуюся на мировом рынке. Говоря о курсе юаня, Ху Цзиньтао отметил, что «после реформирования механизма формирования обменного курса юаня в 2005 г. реальный курс китайской национальной валюты вырос на 30%. Пассивное торговое сальдо и высокий уровень безработицы, наблюдаемые в США, не были вызваны обменным курсом юаня, поэтому резкое подорожание китайской национальной валюты не поможет решить эту проблему. Китайская сторона продолжит реформировать механизм формирования курса юаня, обеспечивая его гибкость, чтобы поддерживать стабильность национальной валюты на рациональном и сбалансированном уровне» [7].

КНР удостоверила американских партнеров в приверженности курсу на углубление политики преобразований и открытости, охраны прав интеллектуальной собственности, создания равных конкурентных критериев для всех компаний, работающих на внутреннем рынке страны. Были коллективно выработаны современные аспекты экспортного кредитования, значительнее учитывающие интересы и специфику сторон. Эти шаги призваны несколько смягчить озабоченность деловых кругов США по поводу имеющихся огра-

ничений деловой активности американских бизнесменов в Китае. Как полагает первый заместитель директора Российского института стратегических исследований К.А. Кокарев, «Пекин настойчиво предлагает США снять ограничения на поставки в КНР высокотехнологичной продукции, что должно положительно сказаться на сокращении американского дефицита в торговле с Китаем. В Вашингтоне, в частности, отмечалось, что Соединенные Штаты уже сделали «небольшой шаг» в расширении экспорта в КНР некоторых видов высоких технологий. Приветствовалось также и создание более благоприятных условий для деятельности инвестирующих в США китайских предприятий, включая качественное улучшение процедуры прохождения визовых формальностей» [3].

Стороны выразили готовность и далее улучшать ситуацию в сфере инвестиций. Рассуждая о разработке новейших шансов для торгово-экономического роста, китайские политики предложили заокеанским партнерам направить особое внимание на развитие сотрудничества в области информационных спецтехнологий и энергетические проекты. Очевидно, это будет одной из грядущих ценностей двустороннего сотрудничества в деловой сфере.

Существенное место в процессе визита заняла та часть программы, которая была связана с укреплением контактов и сотрудничества между китайскими регионами и отдельными штатами. Были разработаны совместные проекты между 38 провинциями и штатами, а также между 176 городами. Отныне более энергичное сотрудничество между регионами обоих государств осуществляется в торгово-экономической сфере, в области обмена инвестициями, науки и техники, образования, туризма. Оно является принципиальной комбинированной частью отраслевого и регионально-производственного взаимопроникновения, ведущего к развитию структурной дополняемости и всеобщему росту товарооборота. В итоге лишь за текущие годы повышение уровня торговли среди отдельных регионов составило свыше 400 %.

По словам К.А. Кокарева, «Китай и США высказались за большую согласованность макроэкономической политики, в рамках реализации которой китайцы в период 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) будут стремиться к изменению так называемых «способов экономического развития» КНР, в то время как американцы заинтересованы в значительном увеличении экспорта своих товаров и активном привлечении внешних инвестиций. Обе стороны уверены, что такого рода согласованность макроэкономического характера будет существенным образом помогать эффективной реализации проектов двустороннего сотрудничества» [3]. В целом, Пекин и Вашингтон предполагают и дальше наращивать совместный вклад в управление глобальной экономикой.

Несмотря на активный диалог в торгово-экономической сфере, развивавшийся между США и КНР в последние годы, к настоящему моменту оста-

ется нерешенным целый ряд принципиальных вопросов. Так, например, неизменным остается давление США на Китай относительно курса юаня и другим вопросам. Вашингтон требует от Пекина нести больше ответственности для реализации «вторичного равновесия мировой экономики» и дальше открывать рынок. В частности, в 2012–2013 гг. США подали в ВТО жалобы на принятые Китаем меры по ограничению экспорта редкоземельных элементов и других сырьевых материалов, антидемпинговые и antidотационные меры в отношении автомобилей, ввозимых в Китай из США, а также поднимали вопрос о субсидиях на автозапчасти.

В свою очередь, встречаются случаи препятствия инвестиционной деятельности китайских предприятий в США под предлогом обеспечения «национальной безопасности». Такое поведение Штатов вполне объяснимо. Дело в том, что КНР уверенно начинает обгонять Соединенные Штаты по основным экономическим параметрам. По итогам 2012 г. Китай обошел США по объему внешнеторгового оборота. Экспорт и импорт США в сумме составили 3,82 трлн долл., а объем внешнеторгового баланса КНР – 3,87 трлн долл. Следует заметить, что США лидировали по этому показателю с окончания Второй мировой войны. Более того эксперты авторитетной американской аудиторско-консалтинговой компании Pricewaterhouse Coopers выступили с прогнозом, что к 2017 г. Китай может стать абсолютным лидером в мировой экономике, обогнав США. По их подсчетам, через пять лет объем ВВП КНР достигнет 20 трлн долл. Таким образом, борьба на ключевых экспортных рынках США и Китая будет складываться в пользу КНР, поскольку китайские экспортеры смогут активнее конкурировать в области качества предлагаемой продукции [2].

Экс-глава МВФ, французский экономист Доминик Стросс-Кан охарактеризовал положение, сложившееся к настоящему времени в торгово-экономических отношениях США и Китая следующим образом: «Мне кажется, что США осознали мощь экономического развития Китая. Они пришли к выводу, что нельзя вести прежнюю политику, рассматривая Китай в качестве густонаселенной страны с высокими темпами экономического роста, но без сильного политического влияния. Я считаю, что США, как и все остальные страны мира, осознали, что Китай будет играть важную роль в грядущие годы и десятилетия». В то же время Стросс-Кан отметил, что в отношениях между США и КНР «сторонам удалось достичь некоего взаимопонимания, уважения, и это является новым фактором. Именно поэтому США не действуют в лоб – они атакуют Китай не так, как несколько лет назад... Речи и действия сегодня касаются совсем другого, а именно попытки окружить Китай» [5].

Отдельные аналитики считают, что экономическое столкновение между США и Китаем неминуемо, и основной повод заключается в том, что по-

литики США не готовы уступить китайским коллегам единоличного лидерства в мире без борьбы. Хотелось бы верить, что итоги этого столкновения не будут разорительными для всего мира, так как в силовом противоборстве двух сильнейших экономик не может быть фаворита. Выход только один: сотрудничество и сосуществование. В обратном случае – неминуем новый мировой финансовый коллапс с перспективой взаимного разрушения экономических институтов. Последней вариант развития событий, конечно, маловероятен, так как американские и китайские аналитики прекрасно понимают взаимозависимый характер глобализированной экономики XXI в. Вашингтонские эксперты прямо указывают президенту Б. Обаме на тот очевидный факт, что необъятный китайский рынок крайне необходим для национальной экономики США, а значит Штаты жизненно заинтересованы в том, чтоб китайская экономика стабильно эволюционировала.

Библиографический список

1. Годовой обзор коммерческой работы в 2012 г. Объем товарооборота между Китаем и США // Министерство коммерции КНР. 2012. 27 декабря. URL: <http://russia.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201212/20121208502943.shtml> [Annual review of commercial work in 2012. The volume of trade between China and the USA // Ministry of Commerce of the PRC. 2012. December, 27. Available at: <http://russia.mofcom.gov.cn/article/speechheader/201212/20121208502943.shtml>].
2. Китай обогнал США по объему внешнеторгового оборота // Ведомости. 2013. 11 февраля. [China outran the USA in terms of foreign trade turnover // Vedomosti. 2013. February, 11].
3. *Кокарев К. А.* Китай и США на пороге «новых» отношений (к визиту Си Цзиньпина в США) // Российский институт стратегических исследований (РИСИ). 2012. 28 февраля. [Kokarev K. A. China and the United States of America on the threshold of "new" relations (to the Xi Jinping's visit to the USA) // Russian Institute for Strategic Studies (RISS). 2012. February, 28].
4. *Котликов Я.* Обама едет на Восток // Русская Америка. № 422. URL: <http://www.rusamny.com/422/t01%28422%29.htm> [Kotlikov Ya. Obama goes to the East // The Russian America. 2012. No. 422. Available at: <http://www.rusamny.com/422/t01%28422%29.htm>].
5. США осознали мощь экономического развития Китая и изменили свою тактику, считает Доминик Стросс-Кан // ИТАР-ТАСС. 2013. 31 июля. [Dominique Strauss-Kahn believes, the USA realized the power of China's economic development and changed its tactics // ITAR-TASS. 2013. July, 31].
6. Торгово-экономические отношения являются краеугольным камнем китайско-американских связей // Жэньминь жибао. 2012. 18 декабря.

- [Trade and economic relations are the cornerstone of Sino-American relations // People's Daily. 2012. December, 18].
7. Ху Цзиньтао: Трения между КНР и США в торгово-экономической области надо преодолеть в процессе укрепления сотрудничества // Агентство Синьхуа. 2012. 27 марта. URL: <http://www.cntv.ru/2012/03/27/ARTI1332816069250848.shtml> [Hu Jintao: Tensions between the PRC and the USA in the trade and economic area must be overcome in the process of strengthening cooperation // Xinhua News Agency. 2012. March, 27. Available at: <http://www.cntv.ru/2012/03/27/ARTI1332816069250848.shtml>].
 8. Obama Says He Will Raise Yuan Issue with China // The New York Times. 2009. 9 November.
 9. The Hu-Obama Summit and U.S.-China Relations. A Collection of Essays Presented by FPRI's Asia Program /Editor, Jacques de Lisle. Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2009. P. 11–12.
 10. US, China ink \$45 bln of export deals // The Economic Times. 2011. 20 January.

COMPETITION OR COOPERATION: THE DUAL NATURE OF ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE USA AND CHINA IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

N. A. Shibanova

Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer,
Department of Conflict Resolution Studies,
Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University

R. V. Penkovtsev

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, World Policy and Foreign Area Studies,
Institute of International Relations, History and Oriental Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the contradictory nature of US-China relations in financial and economic spheres. Quite common is the view that the US and China are the only two states that can claim the status of economic superpowers in the current system of international relations. Interstate relations between them (especially economic ones) are of great importance for the entire world community. Official diplomatic relations between the US and China were established only in 1979. Since that time, the states have managed to maintain a complex balance between competition and cooperation in the economic sphere.

Keywords: international relations; world economy; world politics; economic conflicts; USA; China; competition; globalization.

УДК-327(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-141-157

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРАДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(С 1991 г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)**

*Е. Б. Михайленко, Т. В. Вербицкая*¹

Статья посвящена исследованию эволюции международной деятельности (международных и внешнеэкономических связей) Свердловской области. Выделено три этапа развития парадипломатии Свердловской области: на первом этапе (1991–1999 гг.) происходит становление парадипломатии; второй этап (1999–2009 гг.) характеризуется возникновением контрольного механизма МИД России за международной деятельностью субъектов России; в рамках третьего этапа (2009–2017 гг.) усиливается координация федеральных органов власти в сфере осуществления международных и внешнеэкономических связей субъектов России.

Ключевые слова: парадипломатия; регулирование международной деятельности; международные и внешнеэкономические связи; Свердловская область.

Официально Свердловская область была создана 17 января 1934 г. решением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного комитета. Уральский регион был разделен на три области: Свердловскую с центром в г. Свердловск, Челябинскую с центром в г. Челябинск и Обско-Иртышскую с центром в г. Тюмени [12]. До 1992 г. Свердловская область была закрытым регионом для каких-либо внешних сношений. Международная деятельность региона получила свое развитие после распада СССР и становления новой системы регионального самоуправления. Несмотря на то, что Свердловская область является крупным промышленным регионом России, основой экономики которого являются горнодобывающая, металлургическая и машиностроительная отрасли промышленности, имеет природные ресурсы и диверсифицированный промышленный комплекс, географическое расположение области на границе Европы и Азии, в пределах Уральского горного хребта, служило в большей степени изоляции региона в советский период.

¹ Михайленко Екатерина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет. E-mail: earslanova@urfu.ru. Вербицкая Татьяна Владимировна – ассистент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет. E-mail: Aquitania-17@ya.ru.

Регион Свердловской области является внутренним регионом, что в период СССР играло важную роль для безопасного размещения промышленных объектов. В условиях формирования нового государства перед элитами региона встала проблема вывода региона из внутренней изоляции.

Данная статья рассматривает эволюцию акторности Свердловской области по осуществлению международных и внешнеэкономических связей через призму теорий парадипломатии. Современная зарубежная политологическая наука широко исследует феномен «парадипломатия» [52; 53; 54; 55]. Исследователи трактуют парадипломатию также и как деятельность на мировой арене определенной территориальной единицы государства. Парадипломатия предполагает построение идентичности территориального образования государства, реализацию интересов и удовлетворение потребностей территориального образования на международной арене. Таким образом, парадипломатия служит средством установления национальной идентичности, помогает в реализации определенных интересов, таких, как сохранение культуры.

Работ российских ученых, посвященных парадипломатии, не так много. Большая их часть посвящена анализу проблем приграничного сотрудничества субъектов РФ [1; 5; 8; 20; 24; 27; 40]. Подобный интерес исследователей к изучению внешних связей приграничных регионов России можно объяснить интенсивностью указанных связей и, соответственно, наличием значительного объема материала для аналитической работы.

Термин «парадипломатия» является относительно новым для российского научного дискурса, тем не менее существует большое количество работ, посвященных федеративному устройству РФ [28], взаимодействию властей субъектов федераций с центром [19; 21], внешнеэкономическим отношениям регионов [2; 45; 47], роли политических элит [23; 49; 15; 16] и т.п. Анализ русскоязычной литературы показывает, что феномен парадипломатии изучается достаточно узко, применительно к зарубежной сецессионной практике и к роли пограничных территорий в РФ. Работ о парадипломатии, посвященных Свердловской области, практически нет.

Парадипломатия представляет собой публично-властную деятельность субгосударственных акторов по осуществлению ими международных и внешнеэкономических связей в пределах, установленных государством. Методологией исследования является критический анализ уровней парадипломатии, а также набора инструментов формирования парадипломатии Свердловской области. Источниковой базой исследования являются нормативные документы как федерального, так и регионального значения, открытые источники информации, представленные на сайтах МИВЭС, Представительства МИДа России в г. Екатеринбурге и др. Кроме того, исследование опирается на данные, полученные в ходе интервьюирования основных участников региональной парадипломатии.

Исследователи феномена парадипломатии обычно выделяют в нем три «слоя», или уровня [55, 2]. Первый уровень выстраивания парадипломатических отношений относится к экономическим вопросам. В этом контексте региональные институты стремятся к развитию международного присутствия с целью привлечения иностранных инвестиций, международных компаний в регион и ориентации на новые рынки для экспорта. Этот «слой» не имеет явного политического измерения и не связан с культурными проблемами. Второй уровень парадипломатии предполагает акцент на сотрудничество (культурное, образовательное, техническое, технологическое и др.). Здесь международные связи региона более обширны и многомерны, поскольку они ориентированы не только на экономическую выгоду. Третий уровень парадипломатии связан с политическими аспектами. Региональные правительства стремятся разработать такие международные связи, которые подтвердят культурную самобытность, политическую автономию сообщества, которое они представляют. Парадипломатия использует как прямой, так и косвенный инструментарий. Прямые методы парадипломатии включают создание законодательной базы для парадипломатии, договорной механизм, открытие иностранных консульств и представительств, привлечение иностранных инвестиций и продвижение совместных проектов, создание позитивного имиджа за рубежом, сотрудничество с международными организациями, заключение партнёрских договоров с городами-побратимами и др. К косвенным методам относятся влияние на федеральное законодательство, лоббирование интересов региона в федеральных институтах и др.

* * *

Парадипломатия Свердловской области развивалась и продолжает работать преимущественно на уровне экономических и культурных связей. Политический аспект парадипломатии в меньшей степени характерен для Свердловского региона. Особенностью Свердловской области является то, что она относится к Урало-Поволжской этноконтактной зоне, которая представляет собой «чересполосицу пространственно перемешанных этносов» [43, 13]. Здесь нет четких выраженных этнических зон, что позволяет говорить об отсутствии компактно проживающих этнических групп, имеющих политические и сецессионные интересы. Следует отметить, что 25 апреля 1993 г. в Свердловской области был проведен референдум о повышении статуса Свердловской области до уровня республики. 1 июля 1993 г. Свердловский областной Совет провозгласил Уральскую Республику. Поскольку этот проект регионального правительства встретил сопротивление федеральных властей, стало популярно говорить об уральском сепаратизме. Тем не менее, современные исследователи рассматривают феномен «Уральской Республики» как искусственно созданный конструкт региональной политической эли-

ты, имевший конкретные цели. Идея «нового федерализма» Э. Э. Росселя предполагала постепенный отказ от национально-территориального принципа построения России, бюджетную децентрализацию, увеличение самостоятельности региональных органов власти в определении форм и методов реализации экономических реформ, а также расширении их прав во внешнеэкономической деятельности [30, 199]. В основе идеи республики не было этнонационального принципа. Главный интерес лежал в получении политико-экономических преимуществ для региона, придание региону образа «столичности». С середины 2000-х гг. регионализм стал «не в тренде». Тем не менее, термин «Урал» и «уральская идентичность» стали использоваться в качестве регионального бренда. «Уральскость» сегодня ассоциируется преимущественно со Свердловской областью [16].

Развитие международных связей Свердловской области прошло несколько этапов. Первый этап хронологически включает 1991–1999 гг. Это период формирования региональной политической элиты в регионе, поиск новых вариантов развития региона и формирование региональных квазидипломатических структур. Для данного этапа характерно общее, не детализированное регулирование вопросов полномочий органов власти в области международной деятельности Свердловской области. Министерство иностранных дел Российской Федерации не наделено контролирующими функциями в области осуществления субъектами России международных и внешнеэкономических связей.

В 1991 г. было создано Управление по международным и внешнеэкономическим связям при Комитете по экономике Свердловского облисполкома (Решение облисполкома № 365 от 16.07.1991). В 1995 г. управление было выделено в самостоятельный департамент внешнеэкономических отношений [48], а 23 июля 1998 г. преобразовано в Министерство [26]. Очень важную роль в формировании региональной парадипломатии сыграл первый губернатор Свердловской области Э. Э. Россель. Первым Генеральным консульством, открытым в этот период, было генеральное консульство США (1994 г.). Первое региональное представительство МИД РФ было создано в Екатеринбурге в 1996 г. Со слов экс-министра иностранных дел Свердловской области А. Тарасова, идея открытия представительства принадлежит Э. Э. Росселю, целью которого было открыть регион для зарубежных партнеров [51].

Это был сложный период. А. В. Харлов, министр иностранных дел Свердловской области, в интервью говорит о том, что нужны были идеи, проекты для продвижения региона, не было нормативной базы. Активное участие в международных и внешнеэкономических связях Свердловской области обусловило необходимость принятия нормативного правового акта Свердловской области, направленного на регулирование порядка участия Свердловской области в указанных связях. Исходя из пункта в ст. 24 Закона Свердловской области от 24 декабря 1996 г. № 58-ОЗ «Об исполнительных

органах государственной власти Свердловской области» [6], областные и территориальные исполнительные органы государственной власти Свердловской области осуществляют подготовку проектов соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Свердловской области.

В 1999 г. в Екатеринбурге работало более 80 представительств федеральных министерств и ведомств. Было создано Уральское территориальное управление Государственного таможенного комитета РФ. В Свердловской области стало функционировать Управление Уполномоченного Министерства торговли РФ по Уральскому району, целью которого было обеспечивать лицензирование и сертификацию экспортной продукции предприятий области [45, 32–33]. При Свердловском областном Союзе промышленников и предпринимателей создана Межведомственная комиссия по проблемам развития внешнеэкономического комплекса Свердловской области. Особая роль уделяется в этот период привлечению иностранных инвестиций. Была создана система льгот и гарантий иностранным инвесторам. Важным элементом инвестиционной политики Правительства области стала программа создания на территории области зон с особым таможенным и налоговым режимом. Помимо инвестиционных программ и выстраивания международных отношений, Свердловская область в этот период развивает межрегиональные связи (сотрудничество Свердловской области и земли Баден-Вюртемберг), муниципальные отношения (сотрудничество с городом Эдинбург, с городом Харбин) [45, 39–40]. Активно развиваются культурные и научные связи области со странами Европы и Азии [45, 44].

Таким образом, к 1999 г. в Свердловской области начинают работать региональные институты парадипломатии, открываются генеральные консульства, заключаются международные договоры. Тем не менее, можно определить круг проблем, с которыми сталкиваются региональные институты власти. Проблемами для реализации международной и внешнеэкономической деятельности в этот период стали экономический кризис 1998 г., который привел к «замораживанию» контрактов, неплатежеспособности партнёров из СНГ, снижение платежеспособного спроса на российском рынке на импортные товары [45, 11]. К этому можно добавить общесистемный кризис структур, работающих на региональном уровне международных связей, связанный с постоянным изменением законодательства и непрерывным реформированием системы управления внешнеэкономической деятельности в рамках Федерации. Отсутствие федерального законодательства, которое бы регулировало взаимодействие России и субъектов России по вопросам международных и внешнеэкономических связей, создавало, с одной стороны, возможности для субъектов РФ, а с другой – несло потенциал негативных для страны последствий.

Одновременно в Свердловской области начинает действовать несколько региональных институтов парадипломатии. Несмотря на то, что был при-

нят нормативный правовой акт, посвященный регулированию международных и внешнеэкономических связей Свердловской области, в нем содержатся лишь нормы общего характера, не позволяющие четко разграничить функции ведомств, участвующих в международных и внешнеэкономических. Кроме того, существовала определённая сложность в привлечении зарубежных партнеров в силу того, что область только приступила к осуществлению парадипломатической деятельности. Завершается данный этап принятием Федерального закона от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [41].

Второй этап (1999–2009 гг.) также связан с деятельностью Э.Э. Россе- ля. В этот период начинает действовать Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (1999). Установлен контрольный механизм МИД России за осуществлением субъектами России международных и внешнеэкономических связей. В 2005 г. был принят Закон Свердловской области [6], в котором установлена компетенция Законодательного собрания Свердловской области, Губернатора, Правительства Свердловской области, а также исполнительных органов государственной власти в области реализации международных связей и внешнеэкономических отношений. Полномочия Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области (далее – ММиВЭС СО) в указанной сфере отражены в ст. 7 данного Областного закона. Она устанавливает, что ММиВЭС СО обеспечивает выполнение международных и внешнеэкономических обязательств Свердловской области, проведение переговоров с зарубежными партнерами, разработку проектов соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, а также участвует в международном информационном обмене и информирует население о международной деятельности Свердловской области.

Количество открываемых консульств, представительств зарубежных компаний в указанный период неизменно растет. В это время появляется концепция «срединного региона». Свердловская область, как и УрФО в целом, начинает рассматриваться как регион, расположенный в центре страны, имеющий примерно равное расстояние из центра до столиц остальных округов. Расположение на пересечении Европы и Азии позволило рассматривать регион как хаб, пересечение основных торговых воздушных и наземных путей [46, 29–30]. С учетом перспектив Екатеринбурга в качестве моста между Европой и Азией, посредством которого происходит слияние евроазиатских транспортных потоков, «в столице Урала и создается Евро-Азиатский международный транспортно-логистический центр (ЕАМТЛЦ). Он закрывает возрастающую потребность в современных мощностях – как контейнерных, так и по перевалке грузов» [11].

Главным экономическим и стратегическим партнером в этот период являются страны ЕС. Инвесторы из стран ЕС в 1999 г. обеспечили более 50

процентов, поступивших в Свердловскую область, инвестиций. Со слов Министра иностранных и внешнеэкономических связей Свердловской области В. Кокшарова, отношения с ЕС развиваются не только через «поставки в Европу наших металлов, продукции химпрома или деревообработки. Страны ЕС способствуют привлечению на территорию инвестиций и новейших технологий, и это очень важно для Свердловской области» [10].

Поворот в сторону Азии во внешней политике РФ отразился и на внешней экономической деятельности Свердловской области. Были подписаны Меморандум о взаимопонимании между Министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области и Департаментом экономического сотрудничества и внешней торговли Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики от 20 апреля 2002 г. [13], Соглашение о сотрудничестве между Законодательным собранием Свердловской области и постоянным комитетом собрания Народных представителей провинции Хэйлуцзян Китайской Народной Республики от 29 мая 2006 г. [42]. В 2006 г. Китай вошел в десятку ведущих внешнеторговых партнеров области, внешнеторговый оборот Китая и Свердловской области превысил 460 млн долл. «При этом большую часть составляют поставки металла, а доля экспорта машин и оборудования – всего 4%» [3]. В 2009 г. открылось Генеральное консульство КНР в Екатеринбурге.

Город Екатеринбург стал центром событий международного значения. В 2003 г. в Екатеринбурге прошел Российско-Германский саммит. В нем приняли участие Президент РФ В. Путин и Канцлер ФРГ Г. Шредер. В июне 2009 г. в Екатеринбурге были проведены саммиты ШОС и БРИКС, участие в которых приняли главы 12 государств.

Тем не менее, в рамках парадипломатии возникает феномен «гетерархии» [22]. Наличие дублирующих полномочий в сфере координации и осуществления международных и внешнеэкономических связей Свердловской области между Полномочным представителем Президента России в Уральском федеральном округе [31], ММиВЭС СО и МИД России. Отсутствие нормативно закрепленного механизма взаимодействия Свердловской области и муниципальных образований на территории Свердловской области (прежде всего, Екатеринбурга как административного центра Свердловской области) в сфере участия в международной деятельности муниципальных образований, приводит к правовым коллизиям.

Таким образом, с одной стороны, в данный период начинает функционировать контрольный механизм за осуществлением субъектами России международных и внешнеэкономических связей, осуществляемый посредством предварительного согласования проектов соглашения Свердловской области об осуществлении международных и внешнеэкономических связей с МИД РФ. Последующий контроль международных и внешнеэкономических связей заключается в регистрации текстов таких соглашений в Мини-

стерстве юстиции России и их опубликовании. С другой стороны, наличие параллельно действующих субъектов в пределах одного региона приводит к отсутствию координации деятельности как между субъектами международной деятельности в Свердловской области, так и между региональными институтами и иностранными компаниями, программами и др. [25]. Отсутствие правовой защиты иностранных инвестиций, информационная закрытость региона также осложняют развитие парадипломатии Свердловской области [29].

Третий этап охватывает период с 2009 по 2017 гг. Он включает губернаторство А. С. Мишарина и Е. В. Куйвашева. В данный период усиливается координация федеральных органов власти. В 2011 г. принимается Указ Президента Российской Федерации № 1 478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». В соответствие с ним было приведено региональное законодательство Свердловской области. ММиВЭС СО готовит ответы на запросы МИД России, включает представителей МИД в состав комиссии и рабочих групп по вопросам международной деятельности Свердловской области. В 2013–2014 гг. начинают действовать разработанные Правительством Свердловской области программы, направленные на обеспечение развития международных и внешнеэкономических связей Свердловской области [35; 36; 37]. Изменяется объем полномочий ММиВЭС СО. В 2010 г. полномочия ММиВЭС СО в сфере инвестиционной деятельности были переданы Министерству инвестиций Свердловской области и Корпорации Среднего Урала. В 2012–2014 гг. Министерством международных и внешнеэкономических связей принимаются административные регламенты, определяющие процедуры и участников осуществления международной деятельности [38; 39]. С 2014 г. ММиВЭС СО оказывает содействие в установлении внешнеэкономических связей: 1) субъектам инвестиционной деятельности в Свердловской области [32]; 2) управляющим компаниям технопарков, базовым организациям технопарков и резидентам технопарков в Свердловской области [33]; 3) субъектам инновационной деятельности [34].

На сегодняшний день в Екатеринбурге действует 15 Генеральных консульств (включая отделение Генерального консульства Республики Беларусь), институт почетных консулов, действует 37 соглашений с 22 странами. Область сотрудничает с 14 странами Европы, с США и Канадой, с 9 странами СНГ, с 24 странами Азии и Африки, с 10 странами Латинской Америки. В 2011 г. открывается самый масштабный выставочный комплекс Урала «Екатеринбург-Экспо». Тем не менее, торговый оборот Свердловской области с зарубежными странами снижается [4]. Со второй половины 2014 г. начался спад активности взаимодействия с США и рядом европейских государств [13].

Несмотря на то, что третий период в истории развития международной деятельности Свердловской области характеризуется усилением централи-

ции государственной власти в сфере координации международных и внешнеэкономических связей субъектов России, в целом наблюдается внешнеэкономический и международный «феодализм» [9]. Каждый субъект планирует и реализует свою международную деятельность вне общего плана или программы развития УрФО. По мнению А.В. Харлова, субъекты международной деятельности одного региона могут не знать о деятельности других структур, а Представительство МИД РФ в Свердловской области не обладает координирующими функциями. А. В. Харлов высказал предложение, что было бы правильнее разработать концепцию промышленной специализации областей УрФО, чтобы субъекты могли понимать, кто и что делает в области ВЭД. В качестве конкретных мер для координации деятельности он предложил взаимное участие в ярмарочно-выставочных мероприятиях всех субъектов УрФО, например, все субъекты УрФО могли бы участвовать в ИННОПРОМе или в инвестиционном форуме в Тюмени. Необходим координационный механизм, как, например, ассоциация «Большой Урал» в период губернаторства Э. Э. Росселя.

* * *

Эволюция институтов в области международных связей Свердловской области демонстрирует классический пример развития парадипломатии развивающихся стран. Международное сотрудничество развивалось в первую очередь, с развитыми странами Запада, так как это содействовало экономическому, технологическому развитию региона. Поскольку парадипломатия – это особая область деятельности региональных субъектов страны, в которой исключительные полномочия государства передаются на региональный уровень, очень важно было разработать механизмы координации международной деятельности, создать каналы для консультаций.

История деятельности ММиВЭС СО показывает, что на первых этапах оно работало более самостоятельно в силу неразработанности компетенций региональных институтов. Самостоятельность региона, претензия на «столичность» региона была заложена в концепции «Уральской республики» и в дальнейшем развитии идеи «срединного региона». Изолированность Свердловской области от внешних границ страны требовала от руководства области большей инициативы. Благодаря инициативам политической элиты, Средний Урал получил серьезное признание на международной арене. В ряде случаев представители ММиВЭС СО принимали нормативные акты, которые инкорпорировались далее в федеральные документы. На втором этапе уже начинают формироваться механизмы согласования с МИД РФ. Второй этап, несмотря на последствия экономического кризиса 1998 г. и финансового кризиса 2008 г., демонстрирует наивысшие показатели оборота внешней торговли, инвестиционной политики, культурного сотрудничества. На третьем эта-

пе формируется комплексное документационно-правовое обеспечение международной деятельности региональных субъектов. Международный кризис, начавшийся в 2014 г., общий экономический спад в РФ осложнили осуществление внешнеэкономической деятельности Свердловской области. Тем не менее, появляется и новая причина неэффективности в области ВЭД. Количество самих субъектов международной деятельности увеличивается. Гетерархия и одновременная «феодализация» структур внутри Свердловской области, регионов УрФО в целом, приводит к общей несогласованности действий в этом направлении.

Библиографический список

1. *Алексеев М. Ю.* Актуальные международно-правовые проблемы внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М., 1999. [Alekseev M. Yu. Current international legal problems of foreign economic relations of constituent entities of the Russian Federation. Moscow, 1999].
2. *Андреева Е. Л., Соболев А. О., Ратнер А. В.* Внешнеторговые связи Свердловской области и их перспективы с учетом новых ориентиров развития несырьевого экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 2. С. 55–70. [Andreeva E. L., Sobolev A. O., Ratner A. V. International trade ties of the Sverdlovsk region and their prospects in terms of new vectors of non-raw export development // Russian Foreign Economic Journal. 2017. No. 2. P. 55–70].
3. В новой плоскости. Эксперт Урал. 2007. URL: http://expert.ru/ural/2006/39/v_novoy_ploskosti/ (дата обращения: 05.10.2017). [In the new dimension // Expert Ural. 2007. Available at: http://expert.ru/ural/2006/39/v_novoy_ploskosti/ (accessed 05.10.2017)].
4. Внешняя торговля. 15.06.2017 // Внешнеэкономическая деятельность // Управление федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/ (дата обращения: 05.10.2017) [Foreign trade. 15.06.2017 // Foreign economic activity // Federal State Statistics Service Department of the Sverdlovsk region and Kurgan region. Available at: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/ (accessed 05.10.2017)].
5. *Еремина М. А.* Конституционно-правовые основы внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации и провинций Канады: сравнительно-правовой анализ. Саратов, 2011. [Eremina M. A. Constitutional and legal framework of foreign economic relations of constituent entities of the Russian Federation and Canadian provinces: a comparative legal analysis. Saratov, 2011].

6. О международных и внешнеэкономических связях Свердловской области и участии Свердловской области и органов государственной власти Свердловской области в международном информационном обмене: закон Свердловской области от 28 окт. 2005 г. N 99-ОЗ. [The law of Sverdlovsk Oblast No. 99-OZ of October 28, 2005 "On international and foreign economic relations of Sverdlovsk Oblast and the participation of Sverdlovsk Oblast and Sverdlovsk Oblast public authorities in the international information exchange"].
7. Об исполнительных органах государственной власти Свердловской области: закон Свердловской области от 24 дек. 1996 г. N 58-ОЗ // "Областная газета". 1997. 9 янв. № 2. [The law of Sverdlovsk Oblast No. 58-OZ of December 24, 1996 "On Executive state government bodies of Sverdlovsk Oblast" // "Regional Newspaper". 1997. January 9. No. 2].
8. *Изотова Л. М.* Конституционно-правовые основы международных связей субъектов Российской Федерации. Саратов, 2003 [Izotova L. M. Constitutional and legal bases of international relations of constituent entities of the Russian Federation. Saratov, 2003].
9. Интервью А. В. Харлова. 06.10.2017 [Interview with A. V. Kharlov. 06.10.2017].
10. Интервью В. Кокшарова // Белимов В. Многоголосый партнер // Эксперт Урал. 2007. URL: <http://expert.ru/ural/2007/11/koksharov/> (дата обращения: 05.10.2017) [Interview of V. Belimov with V. Koksharov. Many-voiced partner // Expert Ural. 2007. Available at: <http://expert.ru/ural/2007/11/koksharov/> (accessed 05.10.2017)].
11. Интервью В. Кокшарова // Колбина Л. Логистический центр Екатеринбург необходим // Эксперт Урал. 2005. URL: http://expert.ru/ural/2005/27/27ur-utema_64269/ (дата обращения: 05.10.2017) [Interview of L. Kolbina with V. Koksharov. Logistic center is necessary for Ekaterinburg // Expert Ural. 2005. Available at: http://expert.ru/ural/2005/27/27ur-utema_64269/ (accessed 05.10.2017)].
12. История рождения Свердловской области // Официальный сайт правительства Свердловской области. URL: <http://www.midural.ru/100034/100083/100309/> (дата обращения: 05.10.2017) [The story of the birth of Sverdlovsk Oblast // Official website of the Government of Sverdlovsk Oblast. Available at: <http://www.midural.ru/100034/100083/100309/> (accessed 05.10.2017)].
13. Итоги ВЭД Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/sites/default/files/20170720usac.pdf> (дата обращения: 05.10.2017) [The results of foreign economic activity of Sverdlovsk Oblast. Available at: <http://mvs.midural.ru/sites/default/files/20170720usac.pdf> (accessed 05.10.2017)].

14. Список действующих соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (дата обращения: 05.10.2017) [International agreements of the Sverdlovsk region. Available at: <http://mvs.midural.ru/soglasheniya> (accessed 05.10.2017)].
15. Киселев К. В. К вопросу об идентичности Свердловской области // Дискурс Пи. 2014. Т. 11 № 2–3. С. 206–210. [Kiselev K. V. To the question on identity of Sverdlovsk region // Discourse-P. 2014. Vol. 11. No. 2–3. P. 206–210].
16. Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Урал – к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 1. С. 138–150. [Kiselev K.V., Shcherbakov A.Yu. Ural: identity dynamic of the brand // Review of Political Science. 2013. No. 1. P. 138–150].
17. Кокшаров В. А. Логистический центр Екатеринбургскому необходим // Журнал «Эксперт Урал». URL: http://expert.ru/ural/2005/27/27ur-utema_64269/ (дата обращения: 05.10.2017) [Koksharov V.A. Logistic center is necessary for Ekaterinburg // Expert Ural. Available at: http://expert.ru/ural/2005/27/27ur-utema_64269/ (accessed 05.10.2017)].
18. Кокшаров В.А. Предел самообслуживания. URL: http://expert.ru/ural/2005/20/20ur-uekfi_64544/ (дата обращения: 05.10.2017) [Koksharov V.A. The limit of self-service. Available at: http://expert.ru/ural/2005/20/20ur-uekfi_64544/ (accessed 05.10.2017)].
19. Макарычев А. С. Федерализм эпохи глобализма: вызовы для региональной России. // Полис. Политические исследования. 2000. № 5. С. 81–97 [Makarychev A. S. The federalism of the epoch of globalism: the challenges for the Russia of regions // Polis. Political Studies. 2000. No. 5. P. 81–97].
20. Мальцева Г. П. Политико-правовые основы участия субъектов Российской Федерации в международных связях. М., 2000. [Mal'tseva G. P. Political and legal bases of participation of constituent entities of the Russian Federation in international relations. Moscow, 2000].
21. Маркедонов С. Черты российского регионализма рубежа XX–XXI веков. “Вестфальская” Россия // Новый мир. 2004. № 2. С. 124–136. [Markedonov S. Features of Russian regionalism at the turn of 20th-21st centuries. “Westphalian” Russia // New World. 2004. No. 2. P. 124–136].
22. Мартыанов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 230–248 [Mart'yanov V. S. The state and heterarchy: actors and factors of social change // The Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the UrD RAS. 2009. Issue 9. P. 230–248].
23. Мошкин С.В. Уральская республика. Хроники // Дискурс Пи. 2013. Т. 10 № 3. С. 103–107 [Moshkin S. V. Urals Republic. Chronicles // Discourse-P. 2013. Vol. 10. No. 3. P. 103–107].

24. *Надирадзе Н. А.* Федеративное устройство государства: международная правосубъектность субъектов федерации. М., 2000. [Nadiradze N.A. The federal structure of the state: the international legal personality of federal subjects. Moscow, 2000].
25. *Немытых Ю.* Мнения специалистов // Эксперт Урал. 2004. URL: http://expert.ru/ural/2003/27/27ur-usob1_70936/ (дата обращения: 05.10.2017) [Nemytykh Yu. Experts' views // Expert Ural. 2004. Available at: http://expert.ru/ural/2003/27/27ur-usob1_70936/ (accessed 05.10.2017)].
26. О министерстве // Министерство международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/o-ministerstve> (дата обращения: 05.10.2017) [On the Ministry // Ministry of international and foreign economic relations of the Sverdlovsk Region. Available at: <http://mvs.midural.ru/o-ministerstve> (accessed 05.10.2017)].
27. *Орехович А. В.* Развитие регионализма в странах Европы: конституционно-правовой аспект. М., 2011. [Orekhovich A.V. Development of regionalism in European countries: the constitutional-legal aspect. Moscow, 2011].
28. *Панкевич Н. В.* Модели федеративного устройства: закономерности политической трансформации. Екатеринбург: УрО РАН. 2008. [Pankevich N. V. Models of federative structure: patterns of political transformation. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 2008].
29. *Перечнева И.* Доверие на возвратной основе // Эксперт Урал. 2004. URL: http://expert.ru/ural/2004/23/23ur-uekfi2_66094/ (дата обращения: 05.10.2017) [Perechneva I. The trust on a returnable basis // Expert Ural. 2004. Available at: http://expert.ru/ural/2004/23/23ur-uekfi2_66094/ (accessed 05.10.2017)].
30. Политическая история Урала и Уральского федерального округа. 1985–2007 гг.: сб. ст., материалов и документов. Екатеринбург, 2008. 542 с. [Political history of the Urals and the Ural Federal District. 1985–2007. Collection of articles, materials and documents. Ekaterinburg, 2008. 542 p.].
31. О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе, утвержденного Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. N 849 // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112 [The provision "On the plenipotentiary representative of the President of the Russian Federation in the federal district", approved by the Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2000 No. 849 // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2000. No. 20. Art. 2112].
32. Положение о формах и порядке оказания содействия в установлении внешнеэкономических связей субъектам инвестиционной деятельности в Свердловской области, утвержденного Указом Губернатора Свердловской области от 21 янв. 2014 г. № 20-УГ [The statute on forms and order of assistance in the establishment of foreign economic relations of the subjects of investment activity in Sverdlovsk Oblast, approved by the decree of the Governor of Sverdlovsk Oblast on January 21, 2014 No. 20-UG].

33. Положение о формах и порядке оказания содействия в установлении внешнеэкономических связей управляющим компаниям технопарков, базовым организациям технопарков и резидентам технопарков в Свердловской области, утвержденного Указом Губернатора Свердловской области от 30 июня 2014 г. № 328-УГ [The statute on forms and order of assistance in the establishment of foreign economic relations of management companies of technoparks, technoparks base organizations and residents of technoparks in the Sverdlovsk Oblast, approved by the Decree of the Governor of Sverdlovsk Oblast of June 30, 2014 No. 328-UG].
34. Положение о формах и порядке оказания содействия в установлении внешнеэкономических связей субъектам инновационной деятельности в Свердловской области от 30 июня 2014 года № 329-УГ [The statute on forms and order of assistance in the establishment of foreign economic relations of the subjects of innovation activity in Sverdlovsk Oblast of June 30, 2014 No. 329-UG].
35. Об утверждении государственной программы Свердловской области "Развитие международных и внешнеэкономических связей Свердловской области до 2024 г.": постановление Правительства Свердловской области от 24.10.2013 № 1295-ПП [Resolution of the Government of Sverdlovsk Oblast of 24.10.2013 No. 1295-PP "On approval of the state program of Sverdlovsk Oblast "The development of international and foreign economic relations of Sverdlovsk Oblast until 2024"].
36. Об утверждении Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Свердловскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013–2020 гг.: постановление Правительства Свердловской области от 28.08.2013 № 1054-ПП [Resolution of the government of Sverdlovsk Oblast of 28.08.2013 No. 1054-PP "On approval of the Program to assist the voluntary resettlement in the Sverdlovsk region of compatriots living abroad for 2013-2020"].
37. Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Поддержка соотечественников, проживающих за рубежом» на 2014–2020 гг.»: постановление Правительства Свердловской области от 30 дек. 2014 № 1224-ПП [Resolution of the government of Sverdlovsk Oblast of 30.12.2014 No. 1224-PP "On approval of the comprehensive program of the Sverdlovsk Oblast "The Support of compatriots living abroad" for 2014–2020"].
38. Об утверждении Административного регламента Министерства международных внешнеэкономических связей Свердловской области: приказ Министерства международных и внешнеэкономических Связей Свердловской области от 17 дек. 2014 № 54 [The Order of the Ministry of international and foreign economic relations of Sverdlovsk region of 17.12.2014 No. 54 "On approval of Administrative regulations of the Ministry of international foreign economic relations of Sverdlovsk region"].

39. Об утверждении Административного регламента Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области по исполнению государственной функции по координации деятельности органов государственной власти Свердловской области в сфере осуществления международных и внешнеэкономических связей Свердловской области: приказ Министерства от 28 февр. 2012 № 8 [The Order of the Ministry of 28.02.2012 No. 8 "On approval of Administrative regulations of the Ministry of international and foreign economic relations of Sverdlovsk Oblast for the execution of the state function of coordination of activity of state power bodies of Sverdlovsk Oblast in the sphere of implementation of international and foreign economic relations of Sverdlovsk Oblast"].
40. *Рогозина Н. А.* Правовой режим внешнеэкономических связей субъекта Российской Федерации (на примере Санкт-Петербурга). СПб, 2011. [Rogozina N.A. The legal regime of foreign economic relations of the subject of the Russian Federation (a case study of St. Petersburg). St. Petersburg, 2011].
41. О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 4 янв. 1999 г. № 4-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 231 [Federal law of January 4, 1999 No. 4-FZ "On coordination of international and foreign economic relations of constituent entities of the Russian Federation" // Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 1999. No. 2. Art. 231].
42. Соглашения Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/soglaseniya> (дата обращения: 05.10.2017) [Agreements of the Sverdlovsk region. Available at: <http://mvs.midural.ru/soglaseniya> (accessed 05.10.2017)].
43. *Стрелецкий В.* Конфигурация этнических, лингвистических, культурных, религиозных и расовых различий в Российской Федерации // Федерализм и этническое разнообразие в России / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М., 2010. 33 с. [Streletsky V. The configuration of ethnic, linguistic, cultural, religious and racial differences in the Russian Federation // Federalism and ethnic diversity in Russia / Ed. by I. Busygina and A. Heinemann-Grüder. Moscow, 2010. 33 p.].
44. *Тарасов А. Г., Кокшаров В. А.* Развитие сотрудничества России с Европейским союзом на федеральном и региональном уровне: на примере Свердловской области. Екатеринбург, 2000. 144 с. [Tarasov A.G., Koksharov V.A. Development of Russia's cooperation with the European Union at the federal and regional levels: a case study of Sverdlovsk Oblast. Ekaterinburg, 2000. 144 p.].
45. *Тарасов А. Г., Кокшаров В. А.* Регион как субъект международной и внешнеэкономической деятельности. Екатеринбург, 1999. 76 с. [Tarasov A.G., Koksharov V.A. Region as a subject of international and foreign economic activity. Ekaterinburg, 1999. 76 p.].

46. *Татаркин А. И.* Социально-экономический статус срединного региона России // *Пространственная экономика*. 2005. № 4. С. 29–30. [Tatarkin A.I. Socio-economic status of Russia's median region // *Spatial Economics*. 2005. No. 4. P. 29–30].
47. *Татаркин А. И., Линецкий А. Ф.* Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // *Экономика региона*. № 1. 2009. С.125–135. [Tatarkin A. I., Linetsky A. F. The development of the Russian external economic activity on the basis of the use features of social and economic complex of region // *Economy of Region*. 2009. No. 1. P. 125–135].
48. О структуре исполнительной власти: указ Губернатора Свердловской области от 18 сент. 1995 г. № 12. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=160033777&page=1&rdk=7#I0 (дата обращения: 05.10.2017) [The decree of the Governor of Sverdlovsk Oblast of 18.09.1995 No.–12 "On the structure of executive power". Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=160033777&page=1&rdk=7#I0 (accessed 05.10.2017)].
49. *Фадеечева М. А.* Колония и терпение: внутренний неоколониализм и этнополитика на Урале // *Дискурс Пи*. 2003. № 3. С. 46–48. [Fadeicheva M. A. Colony and patience: internal neo-colonialism and ethno-politics in the Urals // *Discourse-P*. 2003. No. 3. P. 46–48].
50. *Федерализм и централизация / коллектив авторов.* Екатеринбург; УрО РАН, 2007 [Federalism and centralization / collective of authors. Ekaterinburg: UB RAS Publ., 2007].
51. Число генконсульств на Урале за 20 лет выросло в 16 раз // *Новости Урала*. ТАСС. URL: <http://tass.ru/ural-news/3717509> (дата обращения: 05.10.2017) [The number of Consulates General in the Urals has grown 16 times in 20 years // *News of the Urals*. TASS. Available at: <http://tass.ru/ural-news/3717509> (accessed 05.10.2017)].
52. Aguirre I. Making Sense of Paradiplomacy? An Intertextual Inquiry about a Concept in Search of a Definition. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments*. London: Frank Cass, 1999. 472 p.
53. Aldecoa F., Keating M. *Paradiplomacy in Action: The Foreign Relation of Subnational Governments*. London: Frank Cass, 1999. 563 p.
54. Kuznetsov A. S. *Theory and Practice of Paradiplomacy. Subnational governments in international politics*. New York: Routledge, 2015. 489 p.
55. Lecours A. *Political Issues of Paradiplomacy: Lessons from the Developed World*. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2008. 237 p.

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PARADIPLOMATIC
ACTIVITY OF THE SVERDLOVSK REGION (1991 – PRESENT TIME)**

E. B. Mikhailenko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University

T. V. Verbitskaya

Assistant, Department of Theory and History of International Relations,
Ural Federal University

The article analyzes the evolution of international activity (international contacts and foreign economic relations) of the Sverdlovsk region. The authors distinguish three stages of its development: the period of the genesis of paradiplomacy of the region (1991-1999); the emergence of a special mechanism of the Russian Foreign Ministry to control international activities of Russian regions (1999-2009); the strengthening of the federal authorities' role in coordinating the sphere of international and foreign economic relations of Russian regions (2009-2017).

Keywords: paradiplomacy; regulation of international activity; international and foreign economic relations; Sverdlovsk region.

УДК-327.7

DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-158-169

**ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ
СТРАТЕГИЙ ГОСУДАРСТВ ЕАЭС ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ**

*А. К. Назарова*¹

Статья посвящена проблемам реализации проекта Евразийского экономического союза, связанным с взаимодействием государств-участниц с Китайской Народной Республикой в части осуществления контроля над реэкспортом китайских товарных потоков, а также попыток этих стран реализовать совместные с Китаем транспортные проекты в нарушение положений Договора о ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС; Россия; Китай; Казахстан; Кыргызстан; проект; стратегия.

Проект Евразийской интеграции представляет собой основу континентальной геополитической стратегии Российской Федерации (РФ). При этом как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), так и каждое из государств-участниц ЕАЭС взаимодействуют с Китайской Народной Республикой (Китай, КНР) – одному из ведущих государств по политическому, экономическому, военно-техническому, научному и прочим потенциалам в мире. Целью данной статьи является анализ китайского фактора во взаимодействии двух стран участниц ЕАЭС – Казахстана и Кыргызстана в части осуществления контроля над реэкспортом китайских товарных потоков, а также попыток этих стран реализовать совместные с Китаем транспортные проекты в нарушение положений Договора о ЕАЭС.

Великий шелковый путь на протяжении тысячелетий связывал Запад и Восток. Он входил на территорию Кыргызстана через направление Торугарт и Иркештам. После развала СССР в Кыргызской Республике (КР) на этих направлениях успешно работали рынки «Дордой» и «Кара-Суу». Кыргызстан был региональным транзитным торговым центром [8]. Доходы от реэкспорта составляли значительную часть как бюджета, так и доходов граждан Кыргызстана.

¹ Назарова Анастасия Константиновна – аспирант, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика. E-mail: nazaem@yandex.com.

© Назарова А. К., 2018

В начале 2000-х гг. в Республике Казахстан (РК) появилась идея пере-направить логистические потоки товаров с Кыргызстана на Казахстан. В 2002 г. между правительствами Китая и Казахстана начались переговоры о строительстве логистического центра на границе Хоргоса. В 2004 г. соглашение было подписано, а на следующий год начались работы по его строительству. Параллельно, в ноябре 2004 г. на территории Казахстана в пограничном селе Кордай был построен рынок «Барыс-2», который должен был составить конкуренцию рынку «Дордой» в Бишкеке. Но популярностью он пользоваться не стал в связи с дополнительными инфраструктурными, организационными и административными проблемами для коммерсантов [3].

В феврале 2005 г. Казахстан в очередной раз усилил таможенный контроль со стороны своей границы. Был введен тщательный таможенный досмотр, увеличены пошлины, появились длинные очереди. На пограничном посту в с. Кордай образовались автомобильные пробки из 500 и более автомашин. Для того чтобы пересечь границу Казахстана, рейсовые автобусы, маршрутные такси и легковые автомобили были вынуждены простаивать по 4–6 ч. в ожидании досмотра. Официально усиление пограничного контроля объяснялось казахстанской стороной необходимостью борьбы с контрабандой [3]. Протекционизм Казахстана не принес ожидаемого эффекта. 90% контейнеров рынка «Барыс-2» так и не были заполнены товарами. Оставшиеся торговые точки имели скудный ассортимент и завышенные цены. Но и на рынке «Дордой» товарооборот сократился на 70%. Вместо 30–40 автобусов из Казахстана, России и Узбекистана на «Дордой» стали загружать всего 5–6. Действия казахской стороны были охарактеризованы в Кыргызстане как «недобросовестная конкуренция». Руководство «Дордоя» направило на имя премьер-министра Кыргызстана письмо с просьбой решить вопрос. Директор рынка «Барыс-2» опроверг обвинения и со своей стороны обвинил руководство «Дордоя» в использовании нечестных методов конкурентной борьбы [3].

29 ноября 2011 г. в соответствии с указом президента Казахстана № 187 была образована свободная экономическая зона (СЭЗ) «Хоргос – Восточные ворота». Объект площадью 5 740 га расположен в Панфиловском районе Алматинской области на границе с Китаем. Сейчас количество контейнеров там превышает 10 тыс. Географическое положение предполагает развитие СЭЗ в качестве крупного логистического и промышленного центра. В структуру СЭЗ входят международный центр приграничного сотрудничества, сухой порт, индустриальная зона, населенный пункт и вспомогательная инфраструктура. На территории действует тридцатидневный безвизовый режим и отсутствуют таможенные пошлины на товары, стоимость которых не превышает 1,5 тыс. евро, а вес – 50 кг, ввозимые физическими лицами для личного пользования не чаще одного раза в месяц. Сейчас МЦПС ежедневно посещают от 2 до 5 тыс. покупателей. Сухой порт осуществляет перевалку контейнеров с китайской колеи (1 435 мм) на широкую (1 520 мм), действующую на постсоветском пространстве. Первая очередь порта открылась в

декабре 2014 г., а в конце июля 2015 г. была получена первая партия контейнеров из Китая [16]. В СЭЗ действуют льготные условия ведения бизнеса, включая отсутствие земельного налога, налога на имущество, корпоративного налога, а также НДС и таможенных пошлин на сырье и детали, завозимые для продукции, используемой и перерабатываемой на территории центра. Такой механизм предусмотрен Соглашением по вопросам свободных экономических зон ТС от 18.06.2010 г. На сегодняшний день участниками индустриального парка Хоргоса являются 82 компании – преимущественно резиденты Казахстана. На китайской стороне инфраструктурные объекты были завершены уже к 2014 г. В стадии реализации в КНР находится около двадцати проектов, общая сумма инвестиций превышает 2 млрд евро [16].

В сентябре 2015 г. РК и КНР подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве по совместному развитию проектов СЭЗ Хоргос и международной логистической зоны в г. Ляньюньган. Согласно документу, предполагается выделение Пекином 600 млн долл. инвестиций на финансирование казахстанской части СЭЗ. Документ вписывается в объявленную КНР стратегию экономического пояса Шелкового пути. Завершение строительства инфраструктуры казахстанской части СЭЗ намечалось на середину 2016 г., выход сухого порта на полную мощность (4,5 млн т) – на 2020 г. [16]. Основной грузопоток Хоргоса оседает на территории ЕАЭС, поэтому его рассматривают как способ для Казахстана стать главным железнодорожным хабом Центральной Азии. Другая железнодорожная ветка, связывающая регион с Китаем, также проходит через Казахстан в районе пропускного пункта Достык. Хоргос становится ключевым торговым и транзитным портом регионального уровня. «Восточные ворота» претендуют на исполнение роли, которую ранее в ЦА играли оптовые рынки Кыргызстана (Дордой и Кара-Суу) [16].

Эксперты высказывают мнение, что «центр торговли переместится из Кыргызстана в Казахстан. Несмотря на провал с рынком в Кордае, сейчас победа в конкурентной борьбе на стороне казахов». Цены на «Хоргосе» ниже, чем на «Дордое». Рынок «Дордой» столкнулся с угрозой закрытия. Сейчас Казахстан работает в ускоренном темпе, а Кыргызстан терпит экономические убытки. Торговля с «Дордоя» переходит в Казахстан [8].

С 12 августа 2015 г. КР стал полноправным членом ЕАЭС, но уже в конце августа 2015 г. Казахстан организовал тотальный контроль всех партий подкарантинных грузов и вновь создал карантинную лабораторию на пограничном переходе «Кордай» [18]. Это нарушило ряд законодательных актов как самой РК, так и норм Евразийской экономической комиссии, к примеру, Порядка лабораторного обеспечения карантинных фитосанитарных мер [7]. Запрет коснулся мясо-молочной продукции, картофеля и прочих продуктов из Кыргызстана. «Министерство сельского хозяйства, мелиорации и пищевой промышленности КР посчитало неправомерным введения казахстанской стороной ограничений» [18]. Только активные усилия политического руководства КР на заседании Евразийского Межправительственного сове-

та в «расширенном» составе в Бишкеке позволили прийти к тому, что в марте 2017 г. был «расширен перечень товаров, разрешенных к перемещению из Кыргызстана в Россию по территории Казахстана, на 86 дополнительных групп. Кроме этого, с февраля 2017 г. были разрешены к ввозу на территорию Казахстана 46 групп товаров, подлежащих ветеринарному контролю, и расширен перечень разрешённых к ввозу на территорию 5 областей Казахстана товаров до 39 групп» [4].

Таким образом, в целях перенаправления логистических потоков реэкспортных товаров с торговых центров рынков Кыргызстана на собственные торговые центры Казахстан использовал и использует государственные протекционистские меры, именуемые в Кыргызстане «недобросовестной конкуренцией». Под предлогом вступления Кыргызстана в 1998 г. в ВТО, политических событий 2005 и 2010 гг., борьбы с коррупцией и контрабандой в 2017 г. Казахстан регулярно ограничивает въезд граждан и ввоз, транзит и реэкспорт товаров из Кыргызстана в Казахстан, постсоветские страны и страны дальнего зарубежья. Этому способствовало и повышение налогов и пошлин, связанное с вступлением Кыргызстана в ЕАЭС.

Со своей стороны, Казахстан обвиняет предпринимателей Кыргызстана в контрабанде и «сером экспорте» китайских товаров. Действительно, до 2012 г. говорилось о десятикратном расхождении данных об объемах провозимых товаров таможенных служб Кыргызстана и Китая. В Кыргызстане это объяснялось различиями в методиках расчета пошлин. Китай взимал пошлину из расчетов на единицу товара, а Кыргызстан рассчитывал пошлины по его весу. В 2015 г. вице-премьер-министр по безопасности и вопросам границ Т. Мамытов говорил о том, что объем нелегальной торговли Кыргызстана с Китаем составляет 80%. Это подтверждается разницей между цифрами торгового оборота, о которых сообщают правительства КР и КНР. По данным Кыргызстана, годовой торговый оборот с Китаем составляет 1–1,2 млрд долл. Китай заявлял о 5 млрд долл. [19].

В 2017 г. премьер-министр Казахстана заявил: «Таможенные органы РК фиксируют резкое повышение импорта китайских товаров в КР и пропорциональное увеличение ввоза аналогичных товаров из КР в Казахстан, что связано с неэффективным таможенным администрированием. Тем не менее, казахстанской стороной не применяются какие-либо ограничительные меры к кыргызским товарам. Принятые обязательства по обеспечению свободы движения кыргызских товаров Казахстаном обеспечиваются в полной мере, несмотря на имеющиеся факты незаконного реэкспорта китайских товаров. Предполагаемые потери государств-членов ЕАЭС составляют 100 млн долл. США. Потери Казахстана по НДС – 155,8 млн долл. США. Более того, РК не применяет экспортные таможенные пошлины на ряд важных для Кыргызстана товаров, несмотря на то, что нам известно о фактах реэкспорта этих товаров с территории Кыргызстана (нефть и нефтепродукты, лом черных и цветных металлов, шкуры, шерсть и др.)» [4].

Председатель Комитета государственных доходов Министерства финансов РК А. Тенгебаев, подчеркнул, что «согласно данным таможенной статистики, импорт товаров из КНР в Кыргызстан составил 1,5 млрд долл. США, увеличившись по сравнению с 2016 г. на 42%. При этом, транзит товаров через территорию РК в Кыргызстан увеличился на 67 %». По его словам, одной из причин роста является низкая таможенная стоимость в соседней стране. «Нами был произведен анализ резкого увеличения импорта в Кыргызстан, в результате которого установлено, что таможенная стоимость в Кыргызстане значительно занижена в сравнении с РК – в 2 и более раз. Есть отдельные случаи, когда разница в стоимости товаров составляет 1000% и более» [11].

В соответствии со ст. 3 «Соглашения о представлении и об обмене предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза» от 21 мая 2010 г., в целях повышения эффективности таможенного контроля в декабре 2011 г. Комиссия Таможенного союза решила «ввести обязательное предварительное информирование в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза автомобильным транспортом» (п. 1). «Операции по получению и использованию предварительной информации подлежат протоколированию во всех информационных системах таможенных органов государств-членов Таможенного союза (ЕАЭС)» (п. 9) [12]. Исполнение Кыргызстаном своих обязательств у стран ЕАЭС претензий не вызывает, то есть действующая система мониторинга и взаимного контроля исключает системный характер контрабанды на кыргызско-казахстанской границе.

19 октября 2017 г. Премьер-министр РК Б. Сагинтаев заявил, что на встрече с Премьер-министром КР были «рассмотрены проблемные вопросы, касающиеся таможенного и налогового администрирования с учетом соответствующих норм и правил ЕАЭС. Таможенные органы РК выявляют факты недостоверного декларирования кыргызскими импортерами товаров из Китая при транзите через территорию Казахстана. Из-за этого мы несем прямые убытки. Задача специальных служб – не допустить ввоза в Казахстан и территорию единого экономического пространства ЕАЭС, контрабанды, в том числе и серого реэкспорта. По этой схеме недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности закупают товар в Китае, затем ввозят его в Кыргызстан по сниженной таможенной ставке, якобы для использования внутри страны. На деле же перевозят его в страны ЕАЭС» [2].

Таким образом, если до 2012 г. говорилось о системном характере коррупции в таможенной службе Кыргызстана, то в настоящее время разговор идет о «сером экспорте» китайских товаров, осуществляемом кыргызстанскими предпринимателями на территорию государств ЕАЭС. Повышение пошлин на китайские товары, предназначенные для потребления на территории КР, может решить проблему «серого экспорта», но это вызовет рост цен, что будет негативно воспринято общественностью республики. Найти дейст-

венные меры контроля сторонам (РК и КР) пока не удается. Государственный протекционизм Казахстана получает ответ в виде полного игнорирования государственными органами Кыргызстана проблемы «серого экспорта».

Следующей проблемой является участие Казахстана и Кыргызстана в реализации ряда транспортных проектов КНР. С 2008 г. началось строительство трансконтинентальной автомагистрали «Западная Европа – Западный Китай» в рамках реализации идеи «Нового шёлкового пути». Последовательность выстроенных в единую систему скоростных автотрасс и просто автодорог высокого класса проходит по территории Китая, Казахстана и России [20]. В 2017 г. Премьер-министр РК отчитался о том, что Казахстан «полностью завершил строительство казахстанского участка Трансконтинентальной магистрали «Западная Европа-Западный Китай» протяженностью 2 800 км. Построено более 2,5 тыс. км новых железных дорог» [4].

Казахстан является ключевым звеном в реализации другого проекта – Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ). Это международный транспортный коридор, который пролегает через Китай, Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и далее в страны Европы. 7 ноября 2013 г. в рамках II Международного транспортно-логистического бизнес-форума «Новый Шелковый путь» в г. Астана руководитель АО «Национальная компания «Қазақстан темір жолы» подписал Соглашение об учреждении Координационного комитета по развитию ТМТМ. В декабре 2016 г. участники Координационного комитета по развитию ТМТМ – Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Турция – создали Международную ассоциацию «Транскаспийский международный транспортный маршрут». С февраля 2017 г. ассоциация приступила к своей деятельности [21]. Данный транспортный проект является альтернативой российскому маршруту Транссибирской магистрали – сухопутному пути доставки грузов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Японии, Китая, Кореи, Тайваня) в страны ЕС. Очевидно, что основная цель ТМТМ – обеспечение (диверсификация) транспортных сообщений Китая и ЕС в обход России и Монголии через Казахстан, Грузию, Азербайджан и Турцию [5].

В соответствии со ст. 86 «Договора о Евразийском экономическом союзе в ЕАЭС» осуществляется скоординированная (согласованная) транспортная политика, направленная на формирование единого транспортного пространства (п. 1). Эта политика формируется государствами-членами (п. 4). Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики определяются Высшим советом (п. 5). При этом Комиссия ЕАЭС должна осуществлять мониторинг реализации государствами – членами скоординированной (согласованной) транспортной политики (п. 6) [1]. Однако материалы заседаний Высшего совета ЕАЭС не содержат упоминаний о том, что Казахстан каким-либо образом согласовывал свои участие в вышеназванных проектах со странами ЕАЭС.

Следует отметить, что данную статью договора игнорирует не только Казахстан, но и Кыргызстан. К примеру, кыргызско-китайские переговоры о строительстве железной дороги «Китай – Киргизия – Узбекистан» (далее ККУЖД) начались еще в 1997 г. Основопологающими документами по проекту железнодорожной линии стали Меморандум между Министерством железных дорог Китая, Министерством транспорта и коммуникаций КР и ГАК «Узбекистон темир йуллари» о совместном проведении исследований и предпроектных работ по строительству железнодорожной линии Андижан – Ош – Кашгар (Ташкент, апрель 1997 г.) и Протокол Первого заседания Совместной рабочей комиссии (Бишкек, ноябрь 1997 г.). В 2002 г. Китай предоставил правительству КР технический грант для подготовки Предварительного технико-экономического обоснования ККУЖД на территории республики. В исследовании, выполненном китайской стороной, были сделаны заключения о целесообразности строительства новой магистрали, ее преимуществах по сравнению с существующими транспортными коридорами и вывод о жизнеспособности проекта, его технической, экономической осуществимости и безопасности в экологическом отношении. Основываясь на результатах данного исследования, киргизско-китайская экспертная группа согласовала вариант маршрута, который считался на тот момент конкурентоспособным практически по всем техническим и экономическим показателям [10]. В 2006 г. директор Госдирекции по проектированию и строительству магистральных железных дорог КР С. Аблесов заявил, что согласованный с Китаем проект был одобрен правительством КР. Что касается сметы проекта, то с 2000 по 2012 гг. она возросла с 900 тыс. до 3–4 млрд долл. США. К. А. Черевык, проведя анализ киргизско-китайских переговоров о строительстве железной дороги «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», пришел к выводу, что «проект имеет стратегическое значение для обеих стран. Переговоры идут около двадцати лет и продолжаются сегодня. Прогресс в переговорах не наблюдается из-за отсутствия взаимопонимания между договаривающимися сторонами по вопросам размера колеи, выбора маршрута, финансирования строительства, передачи Китаю месторождений полезных ископаемых, социальным вопросам и т.д. Проект сегодня остается нереализованным» [17].

Таким образом, и Казахстан, и Кыргызстан задолго до образования ЕАЭС осуществляли и осуществляют двустороннее сотрудничество с КНР в транспортной сфере. Ни РФ, ни ЕАЭС в этом сотрудничестве участия не принимали. В то время как Китай реализует в Центральной Азии свою транспортную (логистическую) стратегию, Россия лишь только «выражала моральную поддержку». Как пишет Г. Я. Новосельский, «Россия, заинтересованная в развитии евразийской экономической интеграции, поддерживает проекты в транспортной сфере, которые способствуют интеграционному процессу и увеличивают товарооборот стран, входящих в ЕАЭС. В перспективе может быть поддержан обсуждаемый в Кыргызстане проект строитель-

ства Транскыргызской железной дороги «Чуй-Фергана», которая должна будет соединить северные и южные территории страны. На IV Саммите прикаспийских государств в Астрахани 29–30 сентября 2014 г. Россия предложила инициативу строительства железнодорожного кольца вокруг Каспийского моря. Эта инициатива может реанимировать российский проект международного транспортного коридора «Север-Юг», который обсуждается с 2002 г.» [6].

Итак, в геополитической конкуренции между КНР и РФ наблюдается явный дисбаланс. По мнению С. Иванова, «КР находится в орбите глобального геополитического и геоэкономического противостояния». При этом республика «определилась с внешнеполитическим приоритетом в сторону РФ при сохранении «многовекторности» дипломатии» [3, 80]. В условиях санкционного противостояния со странами Запада РФ избрала, возможно, единственно верный путь, а именно вместо конкуренции и противостояния пойти на объединение геополитических стратегий с Китаем. В мае 2015 г. Владимир Путин и Си Цзиньпин подписали соглашение о сопряжении китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и проектов Евразийского экономического союза. В соглашении было отмечено, что основной площадкой, где будут обсуждаться вопросы сопряжения, станет Шанхайская организация сотрудничества.

Китайская инициатива «Один пояс, один путь» объединяет два проекта – «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века». Экономический пояс Шелкового пути – проект по формированию единого евроазиатского торгово-экономического пространства и трансконтинентального транспортного коридора. Идея проекта была выдвинута Си Цзиньпином в сентябре 2013 г. Тогда во время выступления в Университете Назарбаева (Астана) руководитель Китая выделил пять основных задач, которые призван решить ЭПШП: усиление региональной экономической интеграции, строительство единой трансасиатской транспортной инфраструктуры, ликвидация инвестиционных и торговых барьеров, повышение роли национальных валют, углубление сотрудничества в гуманитарной сфере.

В настоящий момент конкретные маршруты, по которому пройдет новый Шелковый путь, до конца не разработаны. По опубликованным данным, в основе проекта лежит строительство трех железнодорожных коридоров (северный, центральный и южный). Все они соединят восточные провинции Китая со странами Западной Европы [9]. Маршрут северного коридора: через Казахстан и РФ к Балтийскому морю, его западная ветка пройдет через Белоруссию и Польшу в Германию и Голландию. Именно этот коридор сводит на нет попытку реализации Транскаспийского международного транспортного маршрута в обход России. При этом основная причина этого лежит не в политической плоскости: сложные отношения РФ с Украиной или Грузией. Проблемы состоят в сложности маршрута (пересечение множества границ), политической нестабильности в Украине, рассогласованности таможенных и

тарифных политик и процедур участников консорциума и т.д. Центральный коридор, который является самым сложным с точки зрения политической обстановки и отсутствия действующей инфраструктуры, соединит порты восточного Китая (Шанхай, Ляньюньган) со странами Центральной Азии (Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан), Ираном, Турцией, затем проследует через Балканский полуостров к портам Франции. Его реализация потребует строительства дополнительного тоннеля под проливом Босфор в Стамбуле (Турция). Южная ветвь пройдет через Бангладеш, Индию и Пакистан.

Кроме сухопутного транспортного коридора, китайской стороной была предложена концепция развития морских торговых путей, которая получила название «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП). Планы по его созданию были озвучены в октябре 2013 г. Си Цзиньпином в Индонезии. Морской путь возьмет начало в г. Фучжоу (провинция Фуцзянь), пройдет через Гуанчжоу (провинция Гуандун) и остров Хайнань, по Малаккскому проливу (Малайзия – Индонезия), затем через Индийский океан, обогнет Африканский рог (Кения) и направится в Красное и Средиземное моря. Второе направление МШП идет из китайских портов в южную часть Тихого океана [9].

В настоящее время эксперты из МГУ и Академии общественных наук КНР готовят концепцию Большого евразийского партнерства. Эта концепция подразумевает строительство высокоскоростной магистрали «Москва – Пекин» и газотранспортной магистрали «Сила Сибири». В Шелковый путь могут быть вписаны возможности БАМа и Транссиба, а также мощности Дальневосточного порта в части потенциального сопряжения российского Северного Морского Пути и китайского Морского Шелкового пути XXI в. [15]. В настоящее время осуществляется сопряжение Евразийского интеграционного проекта, Экономического пояса Шелкового и инфраструктурных проектов других стран: монгольского проекта «Степной путь» (модернизация трансмонгольской железной дороги Китай – Россия), южнокорейской «Евразийской инициативы» (объединение железных дорог Северной и Южной Кореи с выходом на Транссибирскую магистраль), казахстанской программы «Светлый путь» и т.д.

Таким образом, нарушение РК ст. 86 Договора о ЕАЭС о необходимости координировать (согласовывать) со странами Союза свою транспортную политику повлекло значительные вложения, рентабельность которых пока остается под сомнением. Игнорирование КР той же статьи Договора ставят под сомнение целесообразность двадцатилетнего кыргызско-китайского переговорного процесса. В то же время сопряжение российских и китайских инфраструктурных проектов выходит за пределы существующих интеграционных объединений (ЕАЭС, ШОС, ЕС, АТЭС и т.д.). Фактически, это объединение континентальных геополитических стратегий двух игроков глобального уровня. Для стран ЕАЭС координация внешнеэкономических стратегий переходит из разряда внутрисоюзных отношений в разряд вопросов стратегической значимости для обеспечения конкурентоспособности и перспектив

национального развития. Скоординированная позиция евразийских государств при сопряжении проектов с Китаем на площадке ШОС позволит удовлетворить национальные интересы стран ЕАЭС в наибольшей степени. В то же время опыт их двустороннего взаимодействия с КНР выявляет проблемы как экономического, так и политического характера.

Библиографический список

1. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. В редакции от 8 мая 2015 г. С изменениями и дополнениями. Вступил в силу с 12 авг. 2017 г. [Treaty on the Eurasian Economic Union. Signed in Astana on May 29, 2014. As amended on 08.05.2015. With changes and additions. Came into force on August 12, 2017].
2. Заявление Премьер-министра РК Бакытжана Сагинтаева по итогам переговоров с кыргызской делегацией. 19 окт. 2017 г. URL: <https://prime-minister.kz/ru/news/all/> (дата обращения: 21.10.2017). [The statement of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan Bakytzhan Sagintayev on the results of negotiations with the Kyrgyz delegation. October 19, 2017. Available at: <https://primeminister.kz/en/news/all/> (accessed 21.10.2017)].
3. *Иванов С. Г.* Кыргызская Республика в противостоянии глобальных геополитических стратегий России и США, 2-е изд., перераб.: монография / С. Г. Иванов; отв. ред. д-р полит. наук А.Н. Кангельдиев. М., 2016. 90 с. [Ivanov S.G. The Kyrgyz Republic in the confrontation of global geopolitical strategies of Russia and the United States. 2nd ed.: monograph / S.G. Ivanov; ed. by Dr. polit. sci. A. N. Kangel'diev. Moscow, 2016. 90 p.].
4. Казахстан увеличил перечень разрешенных к ввозу товаров из Киргизии. 7.03.2017. URL: https://forbes.kz/news/2017/03/07/newsid_137612 (дата обращения: 5.09.2017). [Kazakhstan extended the list of goods allowed to import from Kyrgyzstan. 07.03.2017. Available at: https://forbes.kz/news/2017/03/07/newsid_137612 (accessed 05.09.2017)].
5. Маршрут «Китай – Турция – Европа» – грузы в обход Монголии и России. 2 дек. 2015 г. URL: <http://asiarussia.ru/articles/10165/> (дата обращения: 7.09.2017). [China-Turkey-Europe route – cargoes bypassing Mongolia and Russia. 02.12.2015. Available at: <http://asiarussia.ru/articles/10165/> (accessed 07.09.2017)].
6. *Новосельский Г. Я.* Транспортная интеграция в Центральной Азии и Россия. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34468/1/urrr_2015_90.pdf (дата обращения: 20.10.2017). [Novosel'sky G.Ya. Transport Integration in Central Asia and Russia. Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/34468/1/urrr_2015_90.pdf (accessed 20.10.2017)].
7. Порядок лабораторного обеспечения карантинных фитосанитарных мер. Утвержден Решением коллегии ЕЭК от 10.05.2016 года и стандарта ЕОКЗР РМ 7/84. [The order of laboratory provision of quarantine phytosanitary measures. Approved by the Decision of the Collegium of the Eurasian Economic Commission of 10.05.2016 and the standard EOCZR PM 7/84].

- tary measures. Approved by the Decision of the Collegium of the ECE of 10.05.2016 and EPPO Standard PM 7/84].
8. Построим «Хоргос» Кыргызстана в Сары-Таше. 25.11.2015. URL: http://www.gezitter.org/tamozhennyj_sojuz/45681/ (дата обращения: 8.08.2017). [Let's build "Horgos" of Kyrgyzstan in Sary-Tash. 25.11.2015. Available at: http://www.gezitter.org/tamozhennyj_sojuz / 45681 / (accessed 08.08.2017)].
 9. Проект «Один пояс, один путь». 3 июля 2017. URL: <http://tass.ru/info/4383152> (дата обращения: 11.08.2017). ["One zone, one way" Project. 03.07.2017. Available at: <http://tass.com/info/4383152> (accessed 11.08.2017)].
 10. Проект строительства железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» / ГП «НК Кыргыз темир жолу». URL: <http://www.kjd.kg/ru/investmentprojects/> (дата обращения: 1.08.2017). [The project of construction of the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway / State Enterprise "Kyrgyz Temir Jolu". Available at: <http://www.kjd.kg/en/investmentprojects/> (accessed 01.08.2017)].
 11. Разница в стоимости товаров в Казахстане и Кыргызстане составляет 1000% и более. 17 окт. 2017 г. URL: <http://www.ratel.kz/raw/> (дата обращения: 18.10.2017). [The difference in the value of goods in Kazakhstan and Kyrgyzstan is 1000 or more percent. 17.10.2017. Available at: <http://www.ratel.kz/raw/> (accessed 18.10.2017)].
 12. О введении обязательного предварительного информирования о товарах, ввозимых на таможенную территорию Таможенного союза автомобильным транспортом: решение Комиссии ТС от 9 дек. 2011 г. № 899. Москва. [Decision of the Customs Union Commission of 09.12.2011 No. 899 "On the introduction of mandatory prior informing on goods imported into the customs territory of the Customs Union by road transport". Moscow].
 13. Саралаева Л. Рыночные игры на казахстанской границе. 21.02.2005. By IWPR Central Asia. URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices/> (дата обращения: 20.09.2017). [Saralaeva L. Market games on the Kazakhstan border. 21.02.2005. By IWPR Central Asia. Available at: <https://iwpr.net/en/global-voices/> (accessed 20.09.2017)].
 14. Ситуация на границе Казахстана и Кыргызстана стабильная 16.10.2017. URL: <http://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/4> (дата обращения: 17.10.2017). [The situation on the border of Kazakhstan and Kyrgyzstan is stable. 16.10.2017. Available at: <http://khabar.kz/en/news/obshchestvo/item/4> (accessed 17.10.2017)].
 15. Фаляхов Р. Шелковый путь – 2017: в чем интерес России? 13.05.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/05/13/671401.shtml> (дата обращения: 22.09.2017). [Falyakhov R. Silk Road – 2017: what is the interest of Russia? 13.05.2017. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2017/05/13/671401.shtml> (accessed 22.09.2017)].

16. Хоргос – «Восточные ворота» или «черная дыра» евразийской интеграции. URL: <https://riss.ru/analytics/24823/> (дата обращения: 7.09.2017). [Horgos – "Eastern gate" or "black hole" of Eurasian integration. Available at: <https://riss.ru/analytics/24823/> (accessed 07.09.2017)].
17. Черевык К.А. Киргизско-китайские переговоры о строительстве железной дороги «Китай-Киргизия-Узбекистан». МГУ. 2016. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27513742_37038.pdf (дата обращения: 4.07.2017). [Cherevyk K.A. Kyrgyz-Chinese negotiations on the construction of the China-Kyrgyzstan-Uzbekistan railway. Moscow State University. 2016. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_27513742_37038.pdf (accessed 04.07.2017)].
18. Чуштук А. Осуществление карантинного фитосанитарного контроля на границе казахстанской стороной – нарушение норм ЕАЭС – минсельхоз КР. 04.08.2016. URL: <http://kyrtag.kg/society/> (дата обращения: 6.09.2017). [Chushtuk A. Implementation of quarantine phytosanitary control at the border by Kazakhstan side is the violation of the norms of the EAEU – Ministry of Agriculture of the Kyrgyz Republic. 04.08.2016. Available at: <http://kyrtag.kg/society/> (accessed 06.09.2017)].
19. Яловкина А. Вступление в ЕАЭС – не помеха для контрабанды в Кыргызстане. URL: <https://iwpr.net/ru/global-voices> (дата обращения: 19.10.2017). [Yalovkina A. Joining the EAEU is not a hindrance to smuggling in Kyrgyzstan. Available at: <https://iwpr.net/en/global-voices> (accessed 19.10.2017)].
20. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Новый_шёлковый_путь.
21. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Транскаспийский_транспортный_маршрут.

PROBLEMS OF COORDINATING EXTERNAL ECONOMIC STRATEGIES OF THE EAEU STATES IN INTERACTION WITH CHINA

A. K. Nazarova

Postgraduate Student,

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin

The article analyzes the implementation of the project of the Eurasian Economic Union and its problems related to the interaction of the participating states with the People's Republic of China. In particular, the paper considers the interaction concerning control over re-export of Chinese commodity flows, as well as attempts of the countries to implement joint transport projects with China in violation of the provisions of the EAEU Treaty.

Keywords: EAEU; Russia; China; Kazakhstan; Kyrgyzstan; project; strategy.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований в различных субдисциплинах политической науки: политическая теория, политическая социология, политическая регионалистика, политическая философия, сравнительная политология, политическое управление. Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте научной электронной библиотеки – elibrary.ru

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Требования к оформлению статей:

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 1 п.л. (40 тыс. знаков, включая пробелы, надписи и сноски). Тексты принимаются только в электронном виде по адресу: politvestnik-perm@yandex.ru.

Текст оформляется в формате Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 3 см, сверху и снизу по 2,5 см.

В начале файла с текстом статьи должны размещаться:

- название статьи на русском и английском языках.
- краткая (8–10 строк) аннотация и ключевые слова на русском и на английском языках;
- авторская справка на русском и английском языках с указанием места работы, должности, ученой степени и звания автора, адреса электронной почты.

Оформление ссылок: автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию.

Правила оформления: в тексте статьи ссылки оформляются в квадратных скобках, где указываются две цифры: первая – порядковый номер источника в Библиографическом списке, вторая – страница [3, 68].

В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться переводом русскоязычных источников на английский язык. *Пример:*

Голосов Г. Сравнительная политология. СПб., 2001. [*Golosov G.* Comparative politics. St. Petersburg, 2001].

Information for the authors

Electronic submissions: Authors are invited to submit articles through e-mail to politvestnik-perm@yandex.ru.

Manuscripts guidelines: The length for articles is no more than 40000 symbols, including notes and references.

Title page should include:

- authors' name (in Russian and English), affiliations, e-mail address and mobile phone;
- title of the article (in Russian and English);
- abstract (700–800 symbols) and 5 or 6 key words in Russian and English.

All text must be in Word with a 14-point font (Times New Roman) with 1-inch borders.

At the end of the text is placed a list of references (numbered in alphabetical order).

Formatting the references. The author must refer to the sources of citation/s, statistics and other information. The references are listed at the end of the article as References, where the sources are alphabetically listed with a No. for each. In the description of a reference a place of edition must be present with the publishers' name (except for periodicals), and the year of publishing. First Russian-language sources must be listed followed by foreign ones. How to format a reference:

In the text body: [3, 68].

Articles that do not conform to those rules will not be considered.

Вестник Пермского университета.
Политология
2018. № 1

Review of Political Science
2018. № 1

Научное издание

Редактор *Л. Л. Савенкова*
Корректор *Л. Л. Соболева*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 19.03.2018.
Выход в свет 27.03.2018.
Формат 60x84/16. Усл. печ. 10
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Издательский центр ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 41006